

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
имени Г. ИБРАГИМОВА
Академии наук Республики Татарстан

Л.Г. ВАЛИЕВА

КАУЗАЛЬНОСТЬ
В ТАТАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ
ЯЗЫКЕ

Казань
2015

УДК 811.512.145'367

ББК 81.2Тат-2

В 15

*Печатается решением Ученого совета
Института языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ*

Научный редактор –

доктор филологических наук, профессор, академик **М.З. Закиев**

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор **Д.А. Салимова;**

кандидат филологических наук **З.Ф. Салахутдинова**

Валиева Л.Г.

В 15 Каузальность в татарском литературном языке / Лениза Газинуровна Валиева. – Казань: ИЯЛИ, 2015. – 174 с.

ISBN 978-5-93091-180-0

В монографии создается многомерное описание дискретности и структурированности семантики категории *каузальность* в татарском литературном языке. Работа выполнена с использованием концептуального аппарата современных теорий языковых категорий, а также представлений о роли и функциях отдельных лексем, членов предложений и разных предложений с каузативной семантикой как в самой системной организации языка, так и в контекстуальном дискурсе. Исследование выстроено с позиции традиций отечественной лингвистики, функциональной грамматики.

Книга адресуется лингвистам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем тем, кто интересуется вопросами синтаксиса татарского языка.

УДК 811.512.145'367

ББК 81.2Тат-2

ISBN 978-5-93091-180-0

© Валиева Л.Г., 2015;

© Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, 2015

ВВЕДЕНИЕ

В условиях антропоцентризма современной лингвистической науки исследование языковой реализации каузальности представляет несомненный научный интерес.

В толковых словарях русского языка каузальность трактуется как «причинная связь явлений, причинность» [Толковый словарь русского языка, 1934, с. 1337]. Причинность же является философской категорией, которая определяется как «генетическая связь явлений объективного мира в процессе их развития, состоящая в том, что одно явление (причина)... порождает другое (следствие)» [Словарь русского языка, 1985, с. 457]. *Причина и следствие* неразрывны друг от друга, так как каждая причина имеет свое следствие, а любое следствие вызывается какой-либо причиной. Проблема каузальности интересовала еще античных философов, являлась объектом исследований и дискуссий в философии.

В философском аспекте каузальность рассматривается в исследованиях таких философов, как Демокрит, Аристотель, Платон, Б. Спиноза, Г.В.Ф. Гегель, Д. Юм, П.А. Гольбах, Т. Гоббс и др.

В западноевропейском и русском языкознании изучению каузальности придается большое значение, имеются монографические исследования, посвященные этой проблеме (А.М. Амагов, Г.А. Кононова, В.В. Лабутина, Ю.Ю. Леденев, М.А. Пахомова, А.В. Прожого, Е.Ф. Пугачева, И.Я. Рыбакова, Н.А. Холонина и др.). В тюркологии каузальность изучается в сравнительном плане (О.Д. Абумова, Н.Н. Дробышева, М.Г. Сымулов, С.Ж. Тажибаева, Г.В. Хораськина, К.С. Чонбашев).

В современной лингвистике большое внимание уделяется исследованию семантических возможностей языка, наблюдается повышенный интерес к функциональному описанию разных языковых явлений и каузальность все чаще становится объектом всестороннего изучения. В татарском языкознании, не-

смотря на то, что отдельные аспекты проблемы каузальности отражены в грамматиках А. Троянского, А. Казем-Бека, К. Насыри, Дж. Валиди, Г. Ибрагимова, Г. Алпарова, В.Н. Хангильдина, М.З. Закиева, в монографическом плане данный вопрос не изучен, репрезентация каузальности в татарском литературном языке в полном объеме не представлена. Исследование каузальности с точки зрения современных достижений лингвистической науки, с одной стороны, и необходимость углубленного анализа семантико-синтаксических категорий – с другой, обуславливают актуальность данной работы.

Объектом исследования являются лексические и синтаксические единицы с каузальной семантикой. Предметом исследования выступают семантические разновидности и особенности репрезентации каузальности в татарском литературном языке.

Цель работы состоит в выявлении семантических видов и особенностей репрезентации каузальности в татарском языке преимущественно на материале татарской художественной литературы второй половины XX века.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1) изучить теоретические основы исследования каузальности в языкознании;

2) выявить семантические особенности каузальных конструкций;

3) выявить репрезентативные особенности каузальных конструкций;

4) определить, между какими синтаксическими единицами устанавливаются каузальные отношения;

5) проследить, в какой последовательности репрезентируется каузальное отношение;

6) определить средства выражения каузальных отношений между предшествующей причиной и последующим следствием; предшествующим следствием и последующей причиной.

Материалом исследования послужили языковые факты, полученные методом сплошной выборки из художественных текстов различных жанров татарских писателей преимущественно второй половины XX века, отдельные предложения привлекались из фольклора и современной периодики. Первоначально была составлена картотека, содержащая более 3000 карточек. Картотека анализируемых единиц после их выборки составила более 1500 примеров. Предложения, которые не были использованы в ходе анализа, представлены в приложении.

В работе были использованы материалы «Толкового словаря татарского языка» (2005), «Татарско-русского фразеологического словаря» (2001), «Русско-татарского словаря» (1991), «Русского толкового словаря» (1994), «Философского энциклопедического словаря» (1989), а также «Словаря терминов по языкознанию» (2005).

В работе были применены метод лингвистического наблюдения и описания, сравнительный, сопоставительный, статистический, структурно-семантический, структурно-функциональный методы, метод моделирования и трансформационного анализа.

Методологическую основу работы составили труды татарских и русских языковедов, посвященные исследованию каузальности, А.М. Аматава, А.В. Бакулева, Р.А. Вафеева, М.В. Всеволодовой, М.З. Закиева, И.Я. Рыбаковой, Р.М. Теремовой и др.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые, опираясь на философские, грамматические исследования каузальности в общем, русском языкознании и тюркологии, принята попытка выявления смысловых разновидностей, систематизирования и наиболее полного представления средств выражения каузальности в татарском языке.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что проблематика исследования не ограничивается рамками собственно лексических и синтаксических категорий, а выходит

на межуровневую репрезентацию значимой лингвистической категории и связана с построением функционально-семантического поля каузальности. Результаты данной работы могут быть использованы при разработке теории функционально-семантических полей в татарском языке, спецкурсов по функциональной и семантической грамматике, а также при составлении школьных и вузовских учебников по синтаксису татарского литературного языка.

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КАУЗАЛЬНОСТИ

1.1. Каузальность как философская категория

В философских словарях понятия *причина* и *следствие* объясняются следующим образом:

Причина (от лат. *causa*) – явление, вызывающее, обуславливающее другое явление, называемое следствием. Причина во времени предшествует следствию и является основой его возникновения, то есть причина порождает следствие. Причина также может рассматриваться как некий объект, воздействующий на другой объект и вызывающий в нем изменения. Следствие в этом случае – изменение, вызванное этим объектом. Эти категории взаимосвязаны, неразрывны друг от друга и поэтому рассматриваются вместе.

Взаимосвязь причины и следствия образует причинно-следственную цепь, в которой явления выступают и причиной, и следствием. Например, то, что является по отношению к предыдущему явлению следствием, причина – по отношению к последующему [Философский словарь, 1980; 2001; 2003; ФЭС, 1989]. Это наблюдается и в языковой структуре. Например: *Эткэйлэр киткэндэ, катык оеп житмэгэн, икмэк тэ пешеп өлгермэгэн; шуңа күрэ азык алмый киткәннәр икән, аларга ашарга илтергә кирәк булды* (Г. Ибраһимов. Алмачуар). ‘Когда отец уходил на работу, он не взял, оказывается, еды, потому что кислое молоко еще не отстоялось, и хлеб не был еще готов; нужно было ему отнести обед’.

В данном предложении образована следующая причинно-следственная цепь: *Катык оеп житмэгэн, икмэк тэ пешеп өлгермэгэн* (‘кислое молоко еще не отстоялось, и хлеб не был еще готов’) – **причина**, *шуңа күрэ азык алмый киткәннәр икән* (‘он не взял, оказывается, еды’) – **следствие** => *...азык алмый киткәннәр икән* (‘он не взял, оказывается, еды’) – **причина**,

аларга ашарга илтергэ кирэж булды ('нужно было ему отнести обед') – **следствие**.

Таким образом, часть *азык алмый киткэннэр икэн* ('он не взял, оказывается, еды') является следствием по отношению к предыдущей части (*катык оеп жжитмэгэн, икмэк тэ пешеп өлгермэгэн* – 'кислое молоко еще не отстоялось, и хлеб не был еще готов') и причиной – по отношению к последующей (*аларга ашарга илтергэ кирэж булды* – 'нужно было ему отнести обед').

С философской точки зрения в природе, обществе, мышлении нет явлений, которые не имели бы причин и не порождали бы следствий. В «Философском энциклопедическом словаре» понятию *причинность* дается следующее определение: «Причинность – объективная связь между отдельными состояниями видов и форм материи в процессах ее движения и развития. Сущностью причинности является производство причиной следствия. Причинность объективна: она есть присущее самим вещам внутреннее отношение. Причинность всеобща, так как нет явлений, которые не имели бы своих причин, как нет явлений, которые не порождали бы тех или иных следствий» [ФЭС, 1989, с. 511]. Следовательно, каждое явление имеет свою причину, и нет беспричинных явлений. Причинность вызывает к жизни что-то новое и является источником развития.

Каузальность всегда относилась к числу наиболее важных философских проблем. Представление о причинности сформировалось в сознании людей еще в древности в результате их практической деятельности и привлекало внимание философов начиная с античной Греции и заканчивая нашими днями. Разные философы по-своему интерпретировали понятия *причина* и *следствие*.

Античные философы сводили зарождение мира к какой-либо первопричине, причина рассматривалась как первоначало. (Например, Фалес (~ 640–562 гг. до н. э.) – вода, Анаксимен

(585–524 гг. до н. э.) – воздух, Анаксимандр (611–546 гг. до н. э.) – апейрон, Гераклит (540–480 гг. до н. э.) – огонь и др.)

Считается, что в философии понятия ‘начало’ и ‘причина’ впервые разделил Платон [Детерминизм и современная наука, 1987, с. 11]. По учению Платона (428/427–348/347 до н. э.), отдельные предметы создаются, разрушаются и воспроизводятся потому, что в умопостижимом мире имеется причина, которая делает вещь именно этой вещью. Например, деревья существуют потому, что есть идея дерева, стол – потому, что существует идея стола. Предметы искусства создаются потому, что имеется идея прекрасного [Платон, 1994].

Аристотель (384–322 гг. до н. э.) выделяет четыре вида причин бытия:

- 1) то, из чего возникает что-либо, состоят вещи – материальная причина;
- 2) сущность, в силу которой вещь такая, а не другая, – формальная причина;
- 3) источник движения – действующая причина;
- 4) то, ради чего что-либо происходит, – целевая причина [Аристотель, 1975].

Философские категории *причина* и *следствие* связаны с понятиями *необходимость*, *случайность*, *условие*. Некоторые философы признают не только причинно-следственные отношения, но и отношения случайности, необходимости и свободы. К ним относятся и голландский философ Бенедикт (Барух) Спиноза (1632–1677), который полагает, что Бог – внутренняя причина природы и универсальная причина мира. Субстанция совершенна, бесконечна, неподвижна и является сама себе причиной [Спиноза, 1957]. По мнению Спинозы, возникновение, существование, гибель явлений обусловлены объективными причинами.

Французский просветитель Поль Анри Гольбах (1723–1789) отождествляет причинную обусловленность и необходимость, отрицает случайность. Вселенная рассматривается

как закономерная цепь причин и следствий, где господствует необходимость. Следовательно, все необходимо и нет случайного [Гольбах,1963].

Учение о том, что естественный ход событий подчинен объективной причинности, называется детерминизмом (детерминизм – от лат. *determinare* «определять» [Философский словарь, 1986, с. 117]). Согласно принципу детерминизма, все закономерно, обусловлено. Но тем не менее в философских трудах подчеркивается, что отношения между причиной и следствием могут носить и случайный характер.

В истории философии распространена точка зрения, согласно которой случайное является следствием незнакомых наблюдателю причин. Древнегреческий философ Демокрит (460–360 гг. до н.э.) полагал, что все имеет какое-то основание, ничто не возникает беспричинно, а «случайность – это лишь неизвестная человеческому разуму причина» [История философии, 2001, с. 81]. Таким образом, причиной одной вещи является другая, другой – третья вещь и т.д. Философ XVII века Т. Гоббс (1588–1679) тоже придерживался мнения, что все, что происходит, осуществляется по необходимым причинам, а случайное – это то, необходимую причину чего мы не можем усмотреть [Гоббс,1989]. Представитель немецкой классической философии Г.В.Ф. Гегель (1770–1831) считал, что случайность – то, что не имеет причину в самом себе, а имеет в чем-то другом [Гегель,1974]. По его мнению, каждое понятие, каждая категория находятся во внутренней необходимой связи с остальными и в процессе развития взаимно переходят друг в друга: возможность превращается в действительность, количество – в качество, причина – в следствие и обратно. Таким образом, подчеркивается единство противоположных категорий (случайности и необходимости, формы и содержания, причины и следствия и др.).

Английский философ Давид Юм (1711–1776) решает проблему объективного существования причинно-следственных

связей с позиций агностицизма. Согласно Юму, невозможно доказать существование причинно-следственных отношений, так как следствие не содержится в причине. Отношение причины и следствия не может быть выведено ни из интуиции, ни путем логического анализа и доказательства, а является, считает Юм, лишь результатом привычной связи восприятий [Юм, 1965]. Как полагает философ, в познании причинности человек опирается на привычку. А это значит, что представления человека о причинности имеют опытное происхождение. Люди по опыту знают, что после объекта 1 появляется объект 2. Многократные такие повторения приводят к ожиданию того, что за 1 обязательно последует 2. «В результате люди впадают в логическую ошибку, которая формулируется в суждении: «после этого – значит, по причине этого» [Радугин, 2004, с.134]. Из того, что одно явление предшествует другому, нельзя выводить, что предшествующее – причина, а следующее за ним – следствие. Действительно, причинно-следственная связь не определяется лишь наличием последовательности событий во времени, «после этого» еще не значит «поэтому». Причинная зависимость устанавливается тогда, когда одно из явлений не только предшествует другому, но и порождает его.

Можно сделать вывод, что, по мнению Юма, даже если причинная связь и существует, то она непознаваема, и мы не можем установить, какое событие является причиной, а какое – следствием.

В философии также применяются понятия «полная причина», «основная причина». Полная причина – совокупность всех причин. Основная (главная) причина среди всех названных имеет наибольшую значимость. Также выделяют специфические, неосновные, второстепенные, внутренние и внешние, объективные и субъективные, материальные и идеальные и др. причины. Специфическая причина – обстоятельства, которые, взаимодействуя, вызывают следствие. Внутренняя

причина – причина, действующая в рамках определенной системы, внешняя же – взаимодействие систем. Причины, осуществляющиеся помимо воли человека, – объективные; а субъективная причина заключается в целенаправленном действии человека [Горбачев, 2000].

Таким образом, категории *причина* и *следствие* всегда вызвали интерес и неоднозначные мнения в философии. Эти категории были и остаются одним из средств выражения отношений взаимозависимости, обусловленности явлений.

1.2. Изучение семантики и репрезентации каузальности в общем и русском языкознании

В русском языкознании каузальность как лингвистическая категория стала объектом исследования в конце XVIII – начале XIX века. Лингвисты обращали внимание на разные средства выражения каузального значения: союзы (Барсов, Греч), предлоги (Буслаев, Востоков), наречия (Будилович), обстоятельства причины (Буслаев, Дмитриевский), придаточные предложения (Кирпичников).

В грамматике А. Никольского «Основания российской словесности» (1807) описываются виды *периодов* (сложных предложений), выделяются и винословные (причинные) периоды [Никольский, 1807].

В «Начертании всеобщей грамматики для гимназий Российской империи» (1812) Людвиг Генрих Якоба предпринята попытка классифицировать предложения, исходя из определенных отношений, которые складываются между компонентами. Выделяются отношения времени, противоположности (разделительные и противительные предложения), согласия (соединительные, уступительные и сравнительные предложения) и зависимости. «Но выделение здесь винословных, наносительных, конечных и т. п. предложений не подкреплено конкретным материалом русского языка» [Березин, 1979, с. 54].

Следует отметить, что уже в грамматиках XIX века предпринимается попытка выявить семантические разновидности каузальных конструкций. Так, русский языковед А. Востоков в своем труде «Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики» отмечает, что некоторые предлоги выражают и причинно-следственные отношения, приводит примеры на разные смысловые оттенки. Например:

– *из-за* «показывает вывод оных из причины, которую составляет какой-либо предмет» (*из-за него вышла неприятность*);

– *из-под* «показывает вывод действия из понудительных мер» (*делать что из-под страха*);

– *из* «показывает вывод оных из какого-либо побуждения» (*делать что из доброй воли*);

– *от* «показывает причину какого-либо действия влияние или движение внешнее или внутреннее» (*доска от сырости заплесневела*);

– *с* «показывает причину действия бытие в каком-либо состоянии» (*с досады сделать что*);

– «с глаголами, означающими воздаяние за показывает причину такового действия» (*наказать за проступок*) [Востоков, 1831, с. 268–280].

С середины XX века категория каузальности становится объектом всестороннего, пристального изучения в лингвистике.

В языкознании каузальность изучается в нескольких аспектах: описываются каузальные предлоги и анализируются словосочетания, в составе которых имеются данные предлоги (Л.В. Маркина, 1977; Н.С. Попова, 1986; Р.Г. Султанова, 1967; А.М. Финкель, 1962, 1965); каузальные отношения изучаются на уровне простого (О.В. Беленькая, 1994; В.В. Жданова, 1998; Т.А. Яценко, 1982) и сложного предложений (Л.Л. Бабалова, 1974; Л.В. Бардина, 1970; О.Д. Боев, 1963; Е.Н. Виноградова, 2002; М.В. Донецкая, 1955; Е.П. Зеленская, 1984; Т.В. Иванова, 1978; В.И. Силина, 1970; Г.В. Соколова, 1983; А.Н. Суровцев, 1953; А.М. Устинов, 1969) и

на уровне текста (М.А. Пахомова, 2009; Л.В. Шкодич, 1982). Кроме того, существуют труды, посвященные изучению не причинно-следственных, а только следственных отношений (Н.М. Андреев, 1956; Н.И. Бурдина, 1971; В.И. Кирсанов, 1980; С.А. Кузьменко, 1968; Н.Д. Рыбка, 1984; Ж.Н. Тимофеева, 1996).

Есть исследования, в которых затрагиваются особенности выражения причинно-следственных отношений в научном функциональном стиле (Г.А. Евстигнеева, 1983; Т.А. Зырянова, 1983).

Существуют труды по конкретным тематикам: работа о причинно-следственных отношениях, выражающих эмоционально-психическое состояние человека (Е.К. Лебедева, 1993), о причинно-следственных конструкциях в сфере отношений в мире неживой природы (В.В. Жданова, 1998) и др.

В изучении каузальности используется и функциональный подход (А.В. Бакулев, 2009; А.В. Бондарко, 1984; Л.И. Камынина, 1992; А.В. Карышева, 2004; Р.М. Теремова, 1985). Исследование В.В. Ждановой посвящено изучению простых предложений с причинной семантикой, опираясь на функционально-синтаксическую концепцию, т.е. в рамках функционально-семантического поля. В работе В.В. Лабутиной («Вторичная номинация в сфере обозначения причинно-следственных отношений в русском языке», 1998) в рамках функционального подхода исследуется система метафорических моделей, выражающих значение причины и следствия.

Исследования О.Д. Абумовой (2002), Р.А. Вафеева (2000), Н.В. Гелашвили (1956), Н.Н. Дробышевой (2008), В. Кнут (2010), Р. Павловой (1971), И.А. Султановой (2007), М.Г. Сымулова (2005), С.Ж. Тажибаевой (2004), О.В. Фетисова (2005), Н.А. Холониной (2001), Г.В. Хораськиной (2006), К.С. Чонбашева (1964) посвящены сопоставительному описанию конструкций, выражающих каузальность, в разных языках.

В некоторых исследованиях понятиям «причина» и «следствие» дается философская интерпретация (А.М. Амагов, В.В. Лабутина, Н.Д. Рыбка и др.).

Многие лингвисты в своих работах выделяют смысловые разновидности каузальных конструкций. Рассмотрим некоторые из них.

Известный русский языковед А.М. Пешковский в труде «Русский синтаксис в научном освещении» (1956) делит по значению все подчинительные союзы сложного предложения на 9 разрядов, в том числе выделяет союзы причинные: *так как, как, потому что, за тем что, оттого что, вследствие того что, в силу того что* и т. д. [Пешковский, 1956, с. 480] и союзы следствия: *так что* (также *до того что, настолько что*) [Там же, с. 482].

По семантике А.М. Пешковский различает:

- препятствующую причину (*за отсутствием* кого-либо, *за дальностью* расстояния, *за неимением* комнаты и т. д.);
- причину, приписываемую чьим-либо действиям (*наказать за упрямство, наградить за храбрость*);
- причину действия, заложенную в его субъекте (*по глупости, делал что-нибудь по рассеянности* и т. д.);
- первопричину или отдаленную причину (*из страха*);
- просто причину без каких-либо добавочных оттенков (*от страха*) [Там же, с. 310–320].

Н.И. Штыкало в работе «Формы выражения синтаксической категории причины и принципы их выбора в русском литературном языке» (Симферополь, 1970) по семантике причину делит на следующие разновидности:

- неосложненная (чистая) причина («*Почему, скажи, пожалуйста, другие же могут, а я не могу*»);
- отрицательная причина («...газета напечатала липу *по нашей вине...*»);
- положительная причина («*Благодаря мышлению и речи возможна согласованность трудовых действий...*»);
- мнимая причина («*Даже когда водокачка была готова, Филипп Петрович все не сдавал ее в эксплуатацию под предлогом, что водокачка должна пройти испытание*»);

– причина добавочная («В наше время труд изобретателя нужно всячески поощрять и поддерживать. *Тем более что* профессия изобретателя уже фактически существует, призвана официально»);

– причина как основание для свершения какого-либо действия («...привлеченных к ответу за *уклонение от службы*...»);

– причина, мотивирующая умозаключение («Он упал, *очевидно*, в машинное отделение или в котлы, *потому что* все сразу загремело, перекошилось...»);

– ослабленная причина («Человек производит изменения в природе не просто *в силу своего присутствия*») [Штыкало, 1971, с. 10–11].

Нужно отметить, что конструкции, выражающие причинно-следственные отношения, не всегда описывают прямую связь между явлениями. Они могут использоваться и для обоснования события. Как отмечает А.М. Амагов, «...языковые конструкции могут выражать как причину (т.е. явление объективной действительности, вызывающее то или иное изменение), так и обоснование, то есть основание для того или иного умозаключения» [Амагов, 2005, с. 71].

В некоторых исследованиях, посвященных изучению причинно-следственных отношений, каузальное значение подразделяют на собственно-причинное и значение обоснования. Так, в русском языкознании предложения, репрезентирующие каузальность, разделяют на предложения с собственно-причинной и причинно-аргументирующей семантикой [Белашапкина, 1967; Валгина, 1978; Гвоздев, 1973].

Р.М. Теремова в своем труде «Опыт функционального описания причинных конструкций» изучает ситуации предметной причины и прямого обоснования [Теремова, 1985]. Л.Л. Бабалова выделяет «отношения непосредственной причинной зависимости» и «отношения причинного обоснования» в сложноподчиненных предложениях с каузальной семантикой, при

этом отличительной чертой является позиция говорящего [Бабалова, 1974]. А.Ф. Михеев выделяет в сложноподчиненных предложениях причинно-следственные конструкции и конструкции основания-вывода [Михеев, 1966]. По мнению И.Я. Рыбаковой, такое разграничение (разграничение Бабаловой и Михеева) является нецелесообразным, поскольку «по своей структуре конструкции основания-вывода ничем не отличаются от причинно-следственных и выражают все-таки очень близкие значения» [Рыбакова, 1985, с. 65]. Она предлагает свою классификацию причинных конструкций. Ее классификация строится на основе анализа значения (семантики), по которому причины делятся на внешние (способствующая причина; препятствующая; свойство, качество; источник действия; источник состояния) и внутренние (осознанная и неосознанная) [Там же, с. 21].

Т.А. Яценко, которая исследует предположно-падежные сочетания с причинно-следственной семантикой, предлагает классификацию каузальных значений по их отношению к порождаемому ими следствию [Яценко, 1982].

В работе Л.В. Бардиной «Бессоюзная причинная связь в двухкомпонентных и многокомпонентных предложениях» выявляются семантико-синтаксические виды бессоюзных сложносочиненных предложений с причинным значением: собственно-причинные (в качестве примеров приводятся следующие предложения: *Трудно было Андрею держаться на ногах: ныли все суставы*), причинно-целевые (*Наскоро поужинав с ребятами, он отправился в правление колхоза: перед выходом в степь там надо было уладить еще немало дел*), причинно-пояснительные (*Ранение, как выразился врач, оперировавший Синцова, было «удачным»: пуля скользнула по ребрам*), причинно-присоединительные (*Даша смотрела на спокойное, крепкое лицо мужа и успокаивалась понемногу: с таким не страшно*) и причинно-противительные предложения (*От нее осталась только*

тьма, – свежесть и прохлада исчезли, поглощенные камнем, железом, грязными легкими людей) [Бардина, 1970, с. 7–9].

Как уже было отмечено выше, в некоторых трудах изучаются следственные отношения в русском языке. Так, Н.И. Бурдина рассматривает средства выражения следственного значения в сложном предложении, исследует частотность употребления тех или иных форм. В этом труде изучаются не только сложноподчиненные, но и сложносочиненные и бессоюзные сложносочиненные предложения, выражающие следственные отношения. Также уделяется внимание на формирование предложений следствия при помощи частиц местоименной основы (предложения типа *Схоронили двух сынов, вот и живу в горях* [Бурдина, 1971, с. 83]) и выражение отношений вывода вводными словами.

В русской лингвистике изучению семантики и репрезентации каузальности специализированными средствами (сложноподчиненными предложениями с придаточными причины и следствия, обстоятельствами причины, предложно-падежными формами) уделяется достаточное внимание. Менее исследованы неспециализированные средства, т.е. сложносочиненные и бессоюзные сложные предложения с причинным значением, в которых каузальная семантика выявляется из содержания путем логического анализа.

В общем языкознании исследование каузальности проводится на разных синтаксических уровнях: каузальность рассматривается на уровне словосочетаний (В.Я. Голкова, 1974 – английский язык), изучаются обстоятельства причины (Н.Д. Лукина, 1964 – английский язык), каузальные модели простых предложений (И.В. Полуян, 1982 – английский язык), причинные союзы (А.В. Юрин, 1961 – английский язык), сложные предложения с каузальными отношениями (О.Д. Боев, 1963; Т.В. Иванова, 1978 – немецкий язык; М.В. Донецкая, 1955, Е.П. Зеленская, 1984 – английский язык). Л.А. Дидковская рассматри-

вает каузальные отношения на материале английского языка [Дидковская, 1986].

В некоторых работах исследуется реализация каузальности в диалогической речи (Кононова Г.А. Выражение каузальных отношений в немецкой диалогической речи (на материале немецкого языка). Пятигорск, 1994; Ламухина О.М. Каузальные отношения в типологии диалогов: на материале английского языка. Армавир, 2006; Прожога А.В. Реализация причинно-следственных отношений в неофициальном и официальном диалоге: на материале английского языка. Саранск, 2002). Работа О.М. Ламухиной посвящена анализу каузальных отношений в неофициальном диалоге, политическом и спортивном интервью. Существуют диссертации, посвященные описанию функционально-стилистической реализации способов выражения каузальности (Е.Н. Охильков, 1986 – немецкий язык), отдельному изучению средств выражения следственных отношений (В.И. Кирсанов, 1980 – английский язык). В труде Е.Ф. Пугачевой прослеживается эволюция системы средств выражения каузальных отношений в языке английской научной прозы XVIII–XX вв. [Пугачева, 1996]. И.В. Чудакова рассматривает синонимию средств выражения причины в английском языке [Чудакова, 1967].

В отдельных трудах каузальность изучается в историческом плане, в плане развития определенного языка. Например, в работе Ю.Б. Григорьевой «Каузальные структуры логического обоснования как компоненты информационной структуры текста: историческое исследование на материале английского языка XVIII–XX веков» (Москва, 2002) каузальные структуры логического обоснования исследуются на материале художественного, публицистического и научного стилей английского языка XVIII–XX вв. В работе изучаются сложноподчиненные, сложносочиненные, бессоюзные сложные и простые предложения, а также отдельные (т.е. самостоятельные) предложения, выражающие значение логической причины.

В работах некоторых языковедов каузальность в немецком языке изучается в рамках функционально-семантического поля: структура функционально-семантического поля причинности дается в труде А.В. Карышевой на материале художественного и научного стилей [Карышева, 2004]; средства выражения причинно-следственных отношений в составе функционально-семантического поля изучаются А.П. Комаровым [Комаров, 1973]. Л.И. Камынина исследует ФСП каузальности в английском языке [Камынина, 1992].

Большое количество работ посвящено сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному изучению каузальности в разных языках [Павлова, 1971; Рев. Мимуре Гунананда Тхеро, 2006; Султанова, 2007; Фетисов, 2005]. Так, И.А. Султанова проводит сравнительно-сопоставительное исследование средств выражения целевых и причинных отношений в лезгинском и английском языках; описывает падежные формы и послелогои как средства выражения причинных отношений в лезгинском языке и, как эквивалент этих форм, предлоги – в английском; а также деепричастия, наречия причины, лексические средства выражения причинности и союзные слова. В данном исследовании рассмотрено и имплицитное выражение причинных и целевых отношений в сложносочиненных и бессоюзных конструкциях.

Р. Павлова исследует конструкции с предлогами причинного значения в болгарском и русском языках [Павлова, 1971], Н.В. Гелашвили изучает сложноподчиненные предложения с придаточными причинными в русском и грузинском языках [Гелашвили, 1956], О.В. Фетисов рассматривает каузальные отношения в русском и английском языках [Фетисов, 2005] и др.

Исследование В. Кнут посвящено изучению полупредикативных конструкций, выражающих причинные отношения, в русском и эстонском языках [Кнут, 2010]. Р.А. Вафеев рассматривает причастные и деепричастные формы как средство выра-

жения причинно-следственных отношений в русском и татарском языках [Вафеев, 2000]. Работа Рев. Мимуре Гунананда Тхеро «Способы выражения причинности в русском и сингальском языках» (Москва, 2006) посвящена изучению средств выражения каузальности в русском и сингальском языках. Автор рассматривает языковую интерпретацию причинности как функционально-семантическое поле; каузальность анализируется в газетно-публицистическом стиле. В данной работе, как утверждает автор, средства выражения причины в сингальском языке исследуются впервые.

Таким образом, каузальность как лингвистическая категория изучается во многих аспектах на материалах разных языков.

1.3. Изучение семантики и репрезентации каузальности в тюркологии

Каузальность в тюркских языках изучена в основном в сравнительно-историческом, типологическом и сопоставительном плане в ряде диссертационных исследований (кандидатские диссертации Абумовой, 2002; Дробышевой, 2008; Казаковой, 2007; Сымулова, 2005; Тажибаевой, 2004; Хораськиной, 2006).

Кандидатская диссертация О.Д. Абумовой «Структурная типология тюркских причинно-следственных конструкций и ее семантическая реализация в хакасском языке» (Новосибирск, 2002) посвящена выявлению общих и специфических форм выражения причинно-следственных отношений в южно-сибирских тюркских языках и классификации структурных и семантических разновидностей причинно-следственных конструкций хакасского языка. Причинно-следственные конструкции хакасского языка изучены в сопоставлении с алтайским и тувинским языками. В данном труде рассматриваются собственно-причинные и несобственно-причинные предложения. Предложения с собственно-причинными отношениями включают в себя нейтральную, небла-

гоприятную и благоприятную причину. В предложения с несобственно-причинными отношениями входят конструкции со значениями: санкции, эмоциональной и физиологической реакции на событие-стимул, причинного обоснования и альтернативной мотивации. Описываются средства выражения причинно-следственного значения.

В диссертации Н.Н. Дробышевой «Категория обусловленности в русском и чувашском языках» (Чебоксары, 2008) исследуются способы выражения каузальности, причинные релятивы в простых и сложных предложениях, а также в рамках текстовых единств. Отмечается выражение каузальных отношений падежными аффиксами в чувашском языке.

В работе Э.П. Казаковой «Синонимия в смысловых отношениях обусловленности: на материале русского и чувашского языков» (Чебоксары, 2007) рассматриваются синонимические отношения в конструкциях, выражающих каузальность. Исследуется эксплицитное и имплицитное выражение каузальности, рассматривается взаимосвязь причинных значений с темпоральными отношениями.

В диссертационном исследовании Г.В. Хораськиной «Синкретичные отношения обусловленности в разноструктурных языках: на материале русского и чувашского языков» (Чебоксары, 2006) рассматриваются каузальные отношения с темпоральной семантикой, каузальные и атрибутивные и др. отношения.

В диссертации М.Г. Сымулова «Способы выражения каузативных отношений в разноструктурных языках: на материале английского и чувашского языков» (Чебоксары, 2005) каузативность рассматривается как философская и лингвистическая проблема.

В труде С.Ж. Тажибаевой «Способы выражения каузальных отношений в казахском языке: сопоставительный аспект» (Новосибирск, 2004) описываются полипредикативные конструкции, выражающие причинно-следственные, целевые и условные от-

ношения в казахском языке, в сопоставлении с другими тюркскими языками – алтайским и тувинским, также языками других структур – русским и английским. Причинно-следственные полипредикативные конструкции рассматриваются как ядро каузального комплекса, и в данном исследовании их изучению отводится центральное место. В этой работе под каузальностью подразумеваются не только причинно-следственные отношения. Как отмечается автором, «в данном исследовании каузальность сводим к трем типам отношений: причинно-следственным, целевым и условным» [Тажибаева, 2004, с.78]. Выделяются следующие семантические типы причинно-следственных полипредикативных конструкций: причинно-следственная зависимость, «благоприятная» и «негативная» причина, «санкция» (одобрение или порицание), «эмоциональная реакция на событие-стимул» [Тажибаева, 2004, с. 144]. Также в диссертации изучаются причинно-следственные полипредикативные конструкции со значением предположения. Данная работа С.Ж. Тажибаевой является, как отмечает сам автор, первым исследованием, посвященным описанию каузальных конструкций и выработке классификации способов выражения каузальных отношений на материале казахского языка. Для исследования автор привлекает богатый языковой материал (картолеку составляет выборка примеров объемом более 10 000 единиц), что свидетельствует о достаточно полном изучении каузальных отношений.

В татарском языкознании проблема каузальности освещается в той или иной степени в трудах разных языковедов-тюркологов. В грамматиках XIX века обращается внимание на союзы, устанавливающие причинно-следственные отношения. В «Грамматике татарского языка» И. Гиганова для выражения причины употребляются предлог *по*, слова *так как*, *что* и приводятся следующие примеры: *по указу Государеву; по твоему слову; Так как вы сказали, я и сделал; Он потому тебя не любит, что ты много играешь* [Гиганов, 1801, с. 181–182].

В «Краткой татарской грамматике» А. Троянский отмечает способность союзов связывать части целого и устанавливать между ними разные отношения и выделяет винословные союзы *ибо, понеже, по тому что*. (Кроме винословных, указывает еще соединительные, условные, противительные, заключительные, пополнительные, разделительные и отрицательные союзы) [Троянский, 1814, с. 143–144]. В «Краткой татарской грамматике» 1860 года издания *ибо, потому что, для того, что, дабы* А. Троянский называет причинными союзами [Троянский, 1860, с. 74].

В «Общей грамматике турецко-татарского языка» А. Казем-Бека отмечается, что винословный союз *чунки* значит *потому что, как, поелику* [Казем-Бек, 1846, с. 337].

В книге «Образец русско-татарской грамматики по методу арабской грамматики», составленной К. Насыри, отмечается, что союзы *потому что, оттого что, чтобы* выражают причину: «...*потому что, оттого что, чтобы дигән кәлимаһәр хәрәф гәтәһ мәнзиләндә истигмал кылыналар һәм мәә бәгдиһ мәә каһләне сәбәп булалар. Мәсәләһ: Оттого телега запела, что давно дегтю не ела. Ягъни арба шуның өчен жырлыһ – күптән дегет ашамаган, ягъни шыгырдавына сәбәп дегет ашамаганлығы – безнеңчә тәртибе белә: арба дегет ашамаганга күрә жырлыһ, ягъни майламаганга күрә шыгырдыһ...*» [Образец русско-татарской грамматики, 1891].

К. Насыри в грамматике «Энмюзэджд» (1895) выделяет причинные союзы *чөнки* – ‘ибо, потому что’, *аның өчен* – ‘вследствие того’, *шуның өчен* – ‘оттого’ и послелог *өчен* (‘для’) для выражения причины. В качестве примера приводит следующие предложения: *Ийүмез шуның өчен суық, бу көн йақмаган*. ‘Дом наш оттого холоден, что сегодня не топлён’; *Бу көн йақмаганга күрә, ийүмез суық*. ‘Дом наш холоден, потому что сегодня не топили’; *Китаб өчен ақча бирдем*. ‘Я заплатил деньги за книгу’; *Утын өчен ақча түләдем*. ‘Я заплатил за дрова’; *Синең өчен самуар қуйдым*. ‘Для тебя я поставил самовар’; *Син ни өчен йығлайсын, йәгни*

йыгламақыңның сәбәбе нидер. ‘Ты почему плачешь? Т.е. какова причина твоих слез?’ [Насыри, 1975, б. 178].

К. Насыри отмечает, что причинные союзы употребляются между двумя предложениями, когда одно из них выражает причину, а другое – следствие [Насыри, 1975, б. 131].

В последующих татарских грамматиках каузальность изучается, как правило, в рамках обстоятельства причины и сложноподчиненного предложения с придаточной частью причины.

В труде «Татарский синтаксис» («Татар нәхүе») Г. Ибрагимов обстоятельство причины рассматривается как отдельный второстепенный член предложения – причина. Обстоятельства цели, условия и уступки тоже входят в состав этого члена [Ибрагимов, 1919, б. 7–9].

К придаточным Г. Ибрагимов относит предложения, которые в современном татарском языкознании рассматриваются как синтетические придаточные предложения. Аналитические придаточные предложения в данном труде отдельно не изучаются (аналитические придаточные причины относятся к сложносочиненным предложениям) [Ибрагимов, 1919, б. 36–37]. Г. Ибрагимов называет их предложениями доказательства (подтвердительными предложениями) (*далил жәмлә*) и дает следующее объяснение: это сложное предложение, одна часть которого является причиной, доказательством действия второй части. Средствами связи в таких предложениях служат слова *чөнки, шуңа күрә, шунлыктан* [Ибрагимов, 1919].

Дж. Валиди в «Грамматике татарского языка» («Татар теленен грамматикасы», 1919) выделяет в татарском языке дополнение причины, что соответствует обстоятельству причины в современном языкознании: *сагыштан саргайды, сагышка саргайды, сагыш белән саргайды* [Валидов, 2007, б. 127]. В этой грамматике отмечается, что придаточное причины отвечает на вопросы *отчего? за чем? по какой причине?* и выражает причину действия главного предложения. Такое предложение прикрепляется к главной части с

помощью аффиксов *-лыктан/-лектән, -га/-гә*, послелого *күрә*: *Башым авыртканлыктан, дәрескә килә алмадым* ('Из-за того, что болела голова, не смог прийти на урок'); *Эчем пошканга, бераз чыгып йөрдем* ('Вышел прогуляться, так как на душе было тоскливо'); *Ул син кушканга күрә эшләгән* ('Он выполнил эту работу, потому что ты ему велел') [Вәлидов, 2007, б. 136].

Дж. Валиди также выделяет связанное причинное (*бәйләмә сәбәп жәмләсе*) и связанное следственное (*бәйләмә нәтижә жәмләсе*) предложения.

Части связанного причинного предложения присоединяются с помощью слов *шунлыктан, шуңа күрә, шуның өчен*. Часть, выражающая причину, предшествует части, выражающей следствие. В случае нарушения этого порядка, средством связи предложений выступает союз *чөнки* (Дж. Валиди называет *чөнки* послелогом) [Вәлидов, 2007, б. 146].

По мнению Дж. Валиди, в связанном причинном предложении может употребляться только часть, выражающая причину, а следственная часть полностью отсутствовать. Например, в предложении *Нигә ул тикле үлемнән куркасың; ашың ашаган, яшең яшәгән* (Г. Ибраһимов). *Почему ты так боишься смерти; ты свое прожил*, как считает Дж. Валиди, отсутствует часть *курыкмаска кирәк иде* (*ты не должен бояться*), которая выражает следствие. И это сложное предложение должно звучать так: (*Нигә ул тикле үлемнән куркасың*) *Курыкмаска кирәк иде, чөнки ашың ашаган, яшең яшәгән*. (*Почему ты так боишься смерти*) *Ты не должен бояться смерти, потому что ты свое прожил*.

Связанное следственное предложение – сложное предложение, части которого связаны послелогоми *бәс, шулай булгач: Төн буенча шул утрауда утырганда, безнең салкынга чыдавыбыз бик шөбһәле, бәс, бер исәп кирәк* (Г. Чыгтай) [Вәлидов, 2007, б. 146].

В толковом словаре татарского языка слову *бәс* дается следующее объяснение: «*Бәс* III *кер. сүз. фар.* Димәк, шулай бул-

гач. *Б., үзегез чарасын табыгыз*» [ТТАС, 2005, б. 104]. Значение этого слова совпадает со значением слова *димэк*.

Надо отметить, что это средство выражения каузальности изредка встречается и в языке художественной литературы более позднего периода. Например, нижеследующие предложения взяты из произведений 60-х годов XX века: *Кайберәүләр фикеренчә, алар – иске белгечләр, капиталга хезмәт иткәннәр, хосусый милекчелек белән агуланганнар, бай ишәгәннәр, кыскасы, безнең заманга күпмедер дәрәжәдә үги кешеләр. Бәс, шулай булгач, аларга карата һәрвакытта уяу булырга кирәк* (Ә. Еники. Вөждан). 'Как считают некоторые, они – прежние специалисты, служили капиталу, были отравлены частной собственностью, жили богато, в общем, чужды в некоторой степени нашему обществу. Значит, по отношению к ним мы всегда должны быть осторожны'; *Ләкин... мәхәббәт тотучылар өчен биредә аерым кагыйдә юк. Бәс шулай булгач, барырга кирәк* (Ә. Еники. Йөрәк сәре). 'Но для влюбленных здесь нет отдельных правил, значит, нужно идти'.

Тюрколог Г. Алпаров в своей монографии «Формальная татарская грамматика» («Шәкли нигездә татар грамматикасы», 1926) дает следующее определение причинному предложению: причинное предложение – придаточное предложение, присоединенное к глаголу главного предложения как причинное дополнение и выраженное формами *-ганлыктан/-гәнлектән, -ганга/-гәнгә күрә, -кән өчен, -ган сәбәпле, -сен өчен* и др. [Алпаров, 2008, б. 178].

Обстоятельство причины в труде Г. Алпарова рассматривается под названием «дополнение причины». Однако в приведенном им примере *Көн болытлы булганга (күрә), без кичә уракка чыкмадык* компонент, выражающий семантику причины, является не второстепенным членом (дополнением причины), а сказуемым придаточного предложения причины.

В.Н. Хангильдин в труде «Грамматика татарского языка (Морфология и синтаксис)» («Татар теле грамматикасы (Мор-

фология һәм синтаксис») подходит к объяснению понятия «обстоятельство причины» с философской стороны и отмечает, что обычно каждое событие, явление зависит от определенных или неопределенных причин [Хангилдин, 1959, б. 460]. В этой грамматике перечисляются средства выражения обстоятельства причины, приводятся примеры из художественных произведений.

Кроме придаточного причины, В.Н. Хангильдин выделяет и придаточное следственное предложение в татарском языке, которое присоединяется к главному предложению при помощи слова *димәк* (*значит*). Он отмечает, что в большинстве трудов по синтаксису татарского языка придаточное следствия не рассматривается как отдельный тип придаточных предложений, а упоминается лишь при изучении придаточного причины. Однако, по его мнению, следственное предложение отличается от причинного и содержанием, и формально [Хангилдин, 1959, б. 589]. Как считает В.Н. Хангильдин, кроме слова *димәк* ('значит'), такое предложение может присоединяться к главному при помощи слова *бәс*.

В синтаксической системе русского языка и некоторых тюркских языков (азербайджанского, башкирского, гагаузского, карачаево-балкарского), кроме придаточного причины, выделяют еще и придаточные следствия. Например, в азербайджанском языке определяется аналитический тип придаточного предложения следствия, которое связывается с главным при помощи союзов *белә ки* ('так что') и *ки* ('что') [ГАЯ, 1971, с. 396]. Причем придаточное следствия употребляется после главного предложения, придаточное причины же может как следовать за главным, так и предшествовать ему. В башкирском языке выделяется придаточное следствия, которое следует за главным предложением и бывает только аналитического типа: «придаточное предложение следствия как бы подытоживает предшествующую мысль, выраженную в главной части сложноподчиненного предложения» [ГСБЛЯ, 1981, с. 461].

Как известно, каузальная связь включает в себя две отдельные ситуации (причину и следствие), которые неразрывно свя-

заны между собой: причина выступает как некое явление (реальное событие), порождающее другое явление, называемое следствием [Зэкиев, 1984, б. 462]. Некоторые русские и татарские лингвисты подчеркивают, что причина и следствие должны изучаться как единое целое. Как совершенно верно отмечает Е.К. Лебедева, «...необходимо рассматривать причинно-следственные конструкции как двусторонние единства, как цельные единицы, в которых одна сторона (следствие) немыслима без другой (причина), а следовательно, нельзя дать корректную характеристику причины и следствия, если рассматривать их в отрыве друг от друга» [Лебедева, 1992, с. 2]. М.З. Закиев отмечает, что «причина всегда связана со следствием, поэтому между предложениями устанавливается не просто причинное или не просто следственное отношение, а всегда устанавливается причинно-следственное отношение. Если первое предложение выражает причину второго, то второе непременно выражает следствие первого» [Закиев, 1992, с. 411–412]. Поэтому в татарском языке нет необходимости изучения этих отношений отдельно.

Таким образом, в татарском языке как отдельный тип сложноподчиненного предложения придаточные следствия не выделяются. Однако в «Сопоставительном синтаксисе русского и татарского языков» (2007) придаточные предложения, прикрепленные к главному с помощью интонации предупреждения и слова *димэк*, называются придаточными следствия, хотя и отмечается, что в татарском языке они рассматриваются вместе с предложениями, содержащими придаточные причины [Сопоставительный синтаксис, 2007, с. 188].

Более полное исследование синтаксических конструкций, содержащих в себе каузальную семантику, осуществляется М.З. Закиевым. В его трудах [Закиев, 1992, 1995; Зэкиев, 1984, 2005] описываются средства выражения каузальных отношений в татарском языке, рассматриваются словосочетания, выра-

жающие причинно-следственные отношения, сложноподчиненные предложения с придаточной частью причины, передача каузальности сложносочиненными предложениями.

Изучение смысловых особенностей каузальных конструкций позволило выявить следующие семантические разновидности каузальности в татарском языке:

1. Способствующая причина. Причина способствует выполнению действия: *Без бурлы бия аркасында аякка бастык* (Г. Ибраһимов. Алмачуар). ‘Благодаря гнедой кобыле мы встали на ноги’.

2. Пассивная или неосознанная причина. В основном такая причина связана с эмоциональным, психическим состоянием. Например: *Эчке киеренкелектән бит урталарына кызыл тимгелләр чыга* (С. Зыя. Сыну). ‘От внутреннего напряжения на лице выступают красные пятна’; *Куркуыннан калтыранып куйды Лена, чак кычкырып җибәрмәде* (Р. Мөхәмәдиев. Кош булып очар идем...). ‘От страха Лена задрожала, чуть не вскрикнула’.

Как показывают примеры, неосознанная причина может привести как к неосознанному, так и к осознанному следствию:

1) неосознанная причина, которая привела к неосознанному следствию: *Шатлыктан кулларым дерелдәп китте* (Г. Бәширов. Туган ягым – яшел бишек). ‘От радости у меня задрожали руки’.

В данном предложении следствие (*кулларым дерелдәп китте* – ‘задрожали руки’) возникает независимо от воли и желания субъекта действия, т.е. произвольно.

2) неосознанная причина, которая привела к осознанному следствию: *Хәтта шул шатлыгыннан, аерьлышканда, кесәсендә калган соңгы көмеш берлекне Мирсәеткә чыгарып бирде* (Р. Мөхәмәдиев. Сират күпере). ‘От этой радости при прощании вынула из кармана последнюю серебряную монету и дала Мирсаиту’.

В этом случае следствие (*кесәсендә калган соңгы көмеш берлекне Мирсәеткә чыгарып бирде* – ‘вынула из кармана последнюю серебряную монету и дала Мирсаиту’) является осознанным, так как субъект действия добровольно совершает данный процесс.

3. Следственная причина указывает на причину, которая уже сама является результатом чего-либо: *А. Насыйбуллин һәм Ә. Ишмурзиннар белән аралашу нәтижәсендә ул социализм идеяләренә тартыла* (Р. Мөхәммәдиев. Сират күпере). ‘В результате общения с А. Насибуллиным и А. Ишмурзиным он начинает интересоваться идеями социализма’.

4. Возместительная причина. Какое-нибудь событие или процесс являются поводом для возникновения результата, следствия или, как отмечает Н.И. Штыкало, «причина как основание для свершения какого-либо действия» [Штыкало, 1970, с. 11]: *Кырык алтынчы ел башында кайтты ул. Ләкин аны, әсирлектә булганы өчен, берничә айдан Себергә озаттылар* (М. Хужин. Укалы карлар). ‘Он вернулся в начале сорок шестого года, но через несколько месяцев его отправили в Сибирь, из-за того что он был в плену’.

5. Поощрительная причина. Понимается как признание определенных заслуг: *Аны Ризван абыйга Кенигсбергны алгандагы батырлыгы өчен сугыш беткәч биргәннәр* (Ә. Гаффар. Сиртмәле бишек). ‘Ее [лошадь] Ризвану абый дали после окончания войны за проявленное мужество во время взятия Кенигсберга’.

6. Мнимая или предположительная причина. Выражает неуверенность говорящего в том, что именно эта причина привела к такому следствию: *Шушындый ук тынлык һәм тынычлык алгы сызыкта да хөкем сөрә булса кирәк, ул тарафтан да туплар гөрелтесе ишетелми, яралылар агылып кайтмый...* (Ә. Еники. Без дә солдатлар идек). ‘Должно быть, такая же тишина сохраняется и на передовой, не слышны канонады, оттуда не возвращаются раненые’.

Говорящий по наличию конкретных фактов (*ул тарафтан да туплар гөрелтесе ишетелми, яралылар агылып кайтмый* – ‘не слышны канонады, оттуда не возвращаются раненые’) предполагает, что может быть причиной этому (*шушындык ук тынлык һәм тынычлык алгы сызыкта да хәкем сөрә булса кирәк* – ‘должно быть, такая же тишина сохраняется и на передовой’).

Следует отметить, что особый подвид составляют примеры, в которых выражается эмоциональное состояние субъекта. В таких предложениях придаточная часть является не просто причиной, а источником психического состояния, описанного в главной части. Например: *Сәүдәгәр ят җирдә улын җирләгән, шуңа кәефе юк иде...* (М. Хәбибуллин. Илчегә үлем юк). ‘Купец похоронил на чужбине сына, поэтому нет настроения’; *Аның хәзер бер күзе сукур иде, шунлыктан ул чиннәргә аеруча үчлекле иде* (Н. Фәттах. Сызгыра торган уklar). ‘Один его глаз был незрячим, поэтому он был особенно зол на чинов’; *Юлда авыру иргә жиңелчә салкын тиде, шунлыктан аның кәефе тагын да начарланып китте* (Н. Фәттах. Сызгыра торган уklar). ‘Из-за того, что в пути больной мужчина слегка простудился, его настроение еще больше ухудшилось’.

1.4. Функционально-семантическое поле каузальности.

Зоны его пересечения с другими функционально-семантическими полями

В современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к функциональному описанию разных языковых явлений. Функциональная грамматика рассматривает языковые явления как функционально-семантические поля (ФСП), подразумевает целесообразность подхода «от значения к форме», что позволяет изучать единицы строя языка в функционировании, движении, взаимосвязи с окружающей действительностью. В трудах лингвиста А.В. Бондарко, который изложил основные принципы

функциональной грамматики, понятию ФСП дается следующее определение: «ФСП – это базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и «строєвых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т.п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [Теория функциональной грамматики, 1987, с. 11].

Категории причины, следствия, условия, цели и уступки рассматриваются в рамках ФСП обусловленности. Основанием для такого объединения является то, что при этих отношениях одна ситуация выступает основанием для осуществления другой. Причинно-следственные отношения относятся к ФСП каузальности.

Функционально-семантическому описанию каузальности посвящены исследования А.В. Бакулева («Функционально-семантическое поле каузальности в современном русском языке», 2009), Л.И. Камыниной («Функционально-семантическое поле каузальности в современном английском языке», 1992), Р.М. Теремовой («Опыт функционального описания причинных конструкций», 1985) и др.

Опираясь преимущественно на исследования Р.М. Теремовой, мы рассмотрим ФСП каузальности в татарском языке, выделив по семантике предметную (прямую) и логическую причины (обоснование). Как отмечает Р.М. Теремова, «в качестве основного классификационного основания при их разграничении служат тип участия говорящего, его активность, направленность, его роль в организации смысловой структуры каузальной ситуации» [Теремова, 1985, с. 6].

В первом случае речь идет о реальных причинно-следственных отношениях, которые устанавливаются между предметами объективной действительности. При этом говорящий просто сообщает о причинно-следственной связи, а не доказывает.

При изучении предметной (прямой) причины существенным является соотнесенность высказывания (предложения) с реальной действительностью. Наиболее четко каузальность отражается в сложноподчиненных предложениях, где обе ситуации (причина и следствие) выражены языковыми формами (отдельными предикативными единицами) [Теремова, 1985]. Например: (1) *Фронттан беренчелардан булып орден нам медальлар тагып кайтканга*, (2) *аны чулак Гайфи урынына председатель итеп куйдылар* (Ә. Гаффар. Яра). ‘Его выбрали председателем вместо безрукого Гайфи, потому что он одним из первых возвратился с войны, увешанный орденами и медалями’.

В придаточной предикативной единице (1) представлена ситуация, обозначающая причину, а в главной (2) – ситуация, содержащая следствие. Здесь мы видим причинно-следственную зависимость между событиями. Одно реальное действие является причиной другого, предшествует ему и порождает его.

Каузальная ситуация предметной причины выражается как специализированными (формальными/эксплицитными), так и неспециализированными (логическими/имплицитными) средствами. Более четко она представляется в сложноподчиненных предложениях с причинными союзами [Теремова, 1985, с. 13]. Тем не менее ситуация предметной причины может быть представлена и в простом предложении с помощью обстоятельства причины. Как отмечает Р.М. Теремова, «обстоятельство причины представляет собой свернутое (номинализованное) обозначение события-причины, номинализованную пропозицию» [Теремова, 1985, с. 13].

В простых предложениях, содержащих каузальность, следственная часть выражается в основной субъектно-предикатной линии, в обстоятельстве причины заключается причинная часть. Например: *Хурланудан аның бит очлары янып чыкты* (Н. Фэттах. Сызгыра торган уклар). ‘От стыда у него загорелись щеки’.

Такие предложения можно «развернуть»: *Ул хурланганлыктан, аның бит очлары янып чыкты*. ‘Оттого, что ему стало стыдно, у него загорелись щеки’.

В татарском языке каузальная ситуация предметной причины может выражаться:

– сложноподчиненными предложениями: *Малай юаи, акыллы күренгәнә, аны кайтармыйлар, еллап хезмәткә яллылар* (Г. Ибраһимов. Карт ялчы). ‘Благодаря тому, что мальчик был кротким и сообразительным, его не отпустили, а наняли на год работником’;

– падежными формами и послелогоми: *Туктаусыз чабудан, йокысызлыктан, яңгырдан бер дә кеше төсе калмады* (Г. Ибраһимов. Карт ялчы). ‘От непрерывной бегодни, бессонницы и ненастья мы потеряли человеческий облик’; *Ямьсез кыяфәте очен, артык ялагайлыгы очен яратмады* (Н. Фәттах. Сызгыра торган уктар). ‘Не влюбил за невзрачный вид и навязчивость’; *Синең кебек бер татар егете аркасында килдем мин...* (Х. Сарьян. Башкорт кызы). ‘Я приехала сюда из-за одного татарского джигита...’; *Теге бәхетсез көндә ашыгу сәбәпле мөһерләргә өлгермәгән сейфын яхшылап күздән үткәргәч... өлкә комитетына юналде* (Р. Мирхәйдәров. Жәяүле сәйран). ‘После того, как хорошенько осмотрел свой сейф, который он в тот злосчастный день по спешке не успел запечатать, отправился в областной комитет’;

– причастными и деепричастными формами: *Учакның сүрелүен сизеп, Афзал кузгалды, ботаклар сындырды...* (М. Хужин. Төннең бикле тәрәзәсе). ‘Почувствовав, что костер угасает, Афзал встал, наломал веток...’;

– наречиями причины: *Ирексездән төрлесен уйларга туры килә аңа ялгызлыкта* (Ә. Еники. Тынычлану). ‘В одиночестве ему приходится **поневоле** думать о разном’;

– сложносочиненными предложениями: *Төнлә ишеп кар яуган, жир өсте ап-ак иде* (Х. Сарьян. Паку!..). ‘Ночью шел сильный снег: землю выбелило’.

Такие предложения можно преобразовать в сложноподчиненные: *Төнлә ишек кар яуганга, жир өсте ап-ак иде*. ‘Из-за того, что ночью шел сильный снег, землю выбелило’; *Төнлә ишек кар яуган, шуңа күрә жир өсте ап-ак иде*. ‘Ночью шел сильный снег, поэтому землю выбелило’ и др.

Ситуация обоснования, как отмечает Р.М. Теремова, создается при активном участии говорящего (субъекта речи), который доказывает истинность или ложность высказывания [Теремова, 1985, с. 36]. В таких предложениях на первом плане – объяснение действия. Например:

(1) *Авылга кадәр шулай житәкләшек кайттылар, чөнки Сәмбел дәм караңгыда бөтенләй бара алмый иде* (Ә. Гаффар. Сиртмәле бишек). ‘До самой деревни шли, держась за руки, потому что Сюмбель совсем не могла идти в кромешной тьме’.

(2) *Жәяүлеләр дә күп үткән булса кирәк: дымлы комда солдат итекләреннән, хатын-кыз ботинкаларынан калган эзләр дә ырылып ята* (Ә. Еники. Бала). ‘Должно быть, прошло много пеших: на влажном песке остались следы от солдатских сапог и женских ботинок’.

(3) *Аңа угры, дип яла ягучылар инде исән түгел, димәк, аларны жавапка тартып булмый* (М. Хужин. Мәгарә). ‘Обвиняющих его в краже уже нет в живых, значит, их нельзя привлечь к ответственности’.

Такие предложения имеют оттенок пояснительных отношений, так как одна часть раскрывает содержание другой, действие объясняется. Например, в первом предложении говорящий указывает причину того, почему шли, держась за руки; во втором и третьем примерах поясняет, почему он пришел к такому выводу.

Функционально-семантическое поле каузальности имеет ряд зон пересечения с другими функционально-семантическими полями. Далее рассмотрим некоторые из них.

Функционально-семантические поля каузальности и таксиса

Как уже было сказано выше, причина является предшествующим событием и основанием возникновения следствия. Н.А. Баскаков отмечает, что «категории причины и следствия в предложении с развитыми членами могут рассматриваться как действие или состояние предмета, следующее одно за другим. Таким образом, зависимость причины и следствия сводится к временной зависимости, т.е. последовательности...» [Баскаков, 1975, с. 230].

«Каузальная ситуация сопряжена с таксисной (причина предшествует следствию), что отражает тесные связи полей каузальности и таксиса» [Бондарко, 1984, с. 110]. Таксис – временное отношение между явлениями, «соотношение действий во времени» [Теория функциональной грамматики, 1987, с. 42].

Ядро семантики поля таксиса составляют значения разновременности и одновременности.

Отношения разновременности

Причина является порождающим фактором, значит, по времени она происходит раньше следствия. Как показали наблюдения, даже если причина должна предшествовать следствию, в сложных предложениях этого типа обычно сказуемые в обеих частях имеют одинаковую временную форму. Это можно объяснить тем, что в некоторых случаях действие причины продолжается и после наступления следствия. Например: (1) *Баһадирның сокландып каравын бикә әллә кайчан сизә-тоя килде*, (2) *шуңа күрә ул әле алгарак чыгып чапты, әле баһадир белән янәшә атын атлатып барды* (М. Хәбибуллин. Илчегә үлем юк). ‘Бикә давно ощущала на себе восторженный взгляд бахадира, поэтому она то обгоняла его, то скакала рядом’.

В данном примере и глагол-сказуемое придаточной части (1), и сказуемые главного предложения (2) в одинаковой временной форме – форме определенного прошедшего времени. В

этом случае предшествование причины (*Баһадирның сокланып каравын бикә әллә кайчан сизә-тоя килде*) следствию (*шуңа күрә ул әле алгарақ чыгып чапты, әле баһадир белән янәшә атын атлатып барды*), то есть реальная последовательность действий, определяется по смыслу.

Таким образом, причинно-следственные отношения определяются общим смысловым содержанием предложения. Хотя сказуемые частей сложного целого и выражаются одинаковой временной формой, в большинстве случаев следствие возникает после причины. Рассмотрим примеры: *Фәрит аның бу сүзләрне кызык өчен генә әйтмәвен бик яхшы аңлады, шуңа күрә әҗан тынычлыгы качты...* (Ф. Садриев. Таң жиле). ‘Фарит очень хорошо понял, что он сказал эти слова не ради забавы, поэтому душевное спокойствие пропало’; *Юлда авыру иргә жиңелчә салкын тиде, шуңлыктан аның кәефе тагын да начарланып китте* (Н. Фәттах. Сызгыра торган уklar). ‘Из-за того, что в пути больной мужчина слегка простудился, его настроение еще больше ухудшилось’.

В этих предложениях сказуемые частей, хотя и имеют одинаковые временные формы, означают последовательность совершающихся действий: первое показывает действие-причину, а второе указывает на действие-следствие, т.е. сначала понял, потом душевное спокойствие пропало; сначала простудился, потом (как результат) настроение еще больше ухудшилось.

Как видим, в предложениях, выражающих каузальность, часто используется форма прошедшего времени. Это наблюдается не только в татарском, но и в русском языке. Как отмечает В. Кнут, «так как причина в системе отношений обусловленности представляет собой реализованное условие, в подавляющем большинстве причинных предложений глагол стоит в форме прошедшего времени» [Кнут, 2010, с. 37].

Если результат (следствие) возникает в тот самый момент, как начинает действовать причина, сказуемые частей сложного целого бывают в одинаковой временной форме. Тем не менее

содержание компонентов сложного предложения указывает на последовательность событий. Например: *Шулчак өстэл өстенә жәйгән ашьяулыкны кулы белән ялгыш тартып әсибарде дә чокыр идәнгә төшеп чәлпәрәмә килде* (М. Хужин. Ак колын). ‘В тот момент он нечаянно потянул скатерть, и чашка, упав на пол, разбилась вдребезги’ (т.е. сначала потянул скатерть, в результате чего чашка разбилась).

Последовательность причины и следствия может выражаться разными временными формами сказуемых компонентов сложного предложения. Например: (1) *...Бусын беркем дә әйтә алмый*, (2) *чөнки аларның язмыш йомгагы сүтелеп ташланган* (Ф. Садриев. Таң жиле). ‘...Этого никто не может сказать, потому что их клубок судьбы распутался’. Сказуемое главной части (1) – в форме настоящего времени, а сказуемое придаточной (2) – в форме прошедшего результативного времени. Сейчас этого никто не может сказать по той причине, что их клубок судьбы распутался еще до момента речи.

Рассмотрим еще подобные примеры: *Чуп үләне котырды быел, яшелчәләр күтәрелә алмый* (К. Кәримов. Күрше авыл кызы). ‘В этом году много сорняков, овощи не могут подняться’; *Үткәргечкә солдат ауган үлеп, / кулларыңа тия жылы кан* (Р. Харис. Шөкер!..). ‘На проводку упал погибший солдат, к рукам твоим идет теплая кровь’.

Сочетание форм будущего времени в придаточной части с формами настоящего или прошедшего в главной встречается очень редко. Например: *Иртә кайтсалар, аларны эшкә кушачаклар, шуның өчен алар булган чаклы соңга калырга тырышлар икән* (Г. Ибраһимов. Яз башы). ‘Если они придут домой рано, их заставят работать, поэтому они стараются остаться на озере как можно дольше’.

В таких случаях, как отмечает А.М. Аматов, исследуя подобные предложения в английском языке, «в настоящее время мы имеем дело со следствием, причина которого – в будущем, то

есть этой причины на самом деле еще нет» [Аматов, 2005, с. 74]. Однако это не значит, что следствие может происходить раньше своей причины. Считается, что такое сочетание форм времени возможно, «когда форма будущего времени приобретает дополнительные оттенки уверенности в совершении действия, неизбежности, граничащей с реальностью факта» [Бабалова, 1974, с. 84]. В вышерассмотренном конкретном примере в качестве дополнительного оттенка уверенности выступает форма определенного будущего времени в придаточной части (*эшикэ кушачаклар*).

Таким образом, «...предложения в будущем времени отражают не положение вещей, а ту или иную степень уверенности говорящего в том, что каузируемое событие произойдет» [Аматов, 2005, с. 216].

Есть случаи, когда невозможно употребить форму будущего времени в придаточной части, если в главной части сложного предложения употреблены формы настоящего или прошедшего времени.

Формы будущего времени – в главной, а настоящего – в придаточной встречаются, когда сказуемые главных частей выражают психическое состояние, а не действие: *Улсам да укэнмэячакмен, чөнки сөйгәнем янәшәмдә тора* (М. Хәбибуллин. Илчегә үлем юк). ‘Даже если умру, не пожалею, потому что любимая находится рядом’; *Ул Зөләйханы беркайчан да онытмаячак, чөнки ул мондый гүзәлне беренче тапкыр күрә* (М. Хәбибуллин. Илчегә үлем юк). ‘Он никогда не забудет Зулейху, потому что он впервые видит такую красавицу’.

Отношения одновременности

В редких случаях следствие возникает одновременно с причиной. В «Философском энциклопедическом словаре» таким явлениям дается следующее объяснение: «Причина во времени предшествует следствию, но вместе с тем существует более или менее длительная стадия, когда причина и следствие сосуществуют вместе...» [ФЭС, 1989, с. 511]. Это встречается и в языко-

вой структуре: (1) *Нуриасманың тавышы тыныч, салкын иде, (2) чөнки ул йөрәкнең инде әллә кайчан дөрләп янып беткән почмагынан чыга иде* (Ф. Садриев. Таң жиле). ‘Голос Нуриасмы был спокойным, холодным, потому что он выходил из давно угасшего уголка сердца’.

В данном предложении причина (2) остается порождающим фактором, следствие же (1) находится в зоне продолжающегося причинного действия и может завершиться одновременно с окончанием действия причины.

Отношения одновременности могут выражаться с помощью деепричастий: *Тән өшеп-туңып калтырана* (Н. Гыйматдинова. Эзләмәгез жирдән...). ‘Тело дрожит от холода’ (букв. *замерзая*).

Взаимосвязь причинно-следственных и временных отношений осложняется еще и тем, что форма деепричастия *-гач/-гәч, -кач/-кәч*, при помощи которой придаточное причины может присоединяться к главному предложению, служит и как средство связи придаточного времени. Тем не менее это средство всегда репрезентирует каузальность, если глагольная форма (деепричастие) содержит аффикс отрицания: *Жирең бул. магач, сыер малы асрау кыенга төшә* (М. Хужин. Кеше күнеле – үзе бер кояш). ‘Из-за того, что нет земли, трудно содержать корову’; *Стипендия алып укы. магач, Сәгыйтьнең матди хәле бик мөшкел була* (Р. Мөхәммәдиев. Сират күпере). ‘У Сагита было трудное материальное положение, так как он не получал стипендию’.

Иногда этот аффикс репрезентирует каузальность, даже если деепричастие в утвердительной форме. Например: *Хәер, авылдан читтә яшәгәч, һәркемне дә хәтергә төшерергә жәе да чыкмагандыр* (М. Хужин. Кубыз). ‘Наверное, не было и возможности вспомнить всех, потому что жил далеко от деревни’; *Яна-ялгыз тик бер урында торгач, шул озын төнгә охшаган вакыт һич кенә дә үтеп бетмәс кебек тоела* (Ө. Еники. Без дә солдатлар идек). ‘Время, похожее на длинную ночь, кажется бесконечным, потому что стоишь один на

одном и том же месте'; *Билгеле инде, башта ук безнең арадан мондый йолкыш кара мәче узгач, килешеп, тату гына эшләү мөмкин булмаячак иде* (Ә. Еники. Без дә солдатлар идек). 'Понятно, что мы не будем работать в согласии, потому что с самого начала между нами пробежала черная кошка'.

Таким образом, во многих случаях сказуемые сложных предложений имеют одинаковую временную форму, однако действия происходят последовательно. Одинаковая форма объясняется тем, что действие главного предложения продолжает проявляться и после того, как начинается действие придаточного предложения.

Временная асимметрия относится к одним из свойств каузального отношения. «Во времени причина всегда предшествует своему следствию или одновременна с ним, но следствие никогда не может произойти раньше своей причины» [Философский словарь, 2001, с. 463].

Иногда между предложениями устанавливаются и причинные, и временные отношения. Например: *Бу чорда, сугыштан кайткан егетләр гаилә корып жибәргәч, кичке уеннарда егетлек вазифасы тугызынчы-унынчы класс укучыларына төште* (М. Хужин. Йолдызлардан ары – йолдызлар). Это предложение можно перевести на русский язык двояко: *После того, как парни, вернувшись с войны, женились, на вечерних танцах обязанности парней навалились на юношей девятых-десятых классов* или *Так как парни, вернувшись с войны, женились...*

Временное значение может сопровождаться добавочным причинным оттенком и в других тюркских языках. Например: гаг. *Нижәй (насыл) йаады илк йаамур, хавалар йысынды*. 'Как (только) прошел первый дождь, погода потеплела' [Гайдаржи, 1981, с. 70].

Таким образом, ФСП каузальности тесно связано с ФСП таксиса. Следует помнить, что временные отношения – это внешняя связь, а причинно-следственные отношения – внутренняя зависимость компонентов.

Функционально-семантические поля каузальности и условия

Между предложениями могут устанавливаться не только каузальные, но и условно-следственные отношения, которые тоже тесно связаны с временной последовательностью действий. Условие, как и причина, является предшествующим событием.

Причина взаимосвязана с категорией *условие* и в философском плане. Реализация причинно-следственной связи происходит в определенных условиях. Условия сами не порождают то или иное явление, а представляют собой фон для его возникновения. Условия влияют на следствия, так как при различных условиях одна и та же причина вызывает разные следствия [ФЭС, 1989].

Как показал анализ собранных нами примеров, часто вместе с формой условного наклонения, репрезентируя каузальность, используются и другие средства. Например: *Битең кызышса, димэк, сине яманлылар* (Ышану). ‘Если горит лицо, значит, тебя ругают’; *Колагың чыңласа, димэк, сине сөйлиләр* (Ышану). ‘Если у тебя звенит в ушах, значит, о тебе говорят’.

Как видим, в вышеприведенных предложениях, подчеркивая значение вывода, следствия, употреблено слово *димэк* (‘значит’). Логически формальный показатель условного наклонения (аффикс *-са/-сә*) здесь не может выражать реальное условие, так как звон в ушах не является условием того, чтобы о тебе говорили.

Следует отметить, что глагол *бул* + формальный показатель глагола условного наклонения *-са/-сә*, употребляясь с предикативным словом *кирэк*, репрезентирует каузальность, причем указывает на предположительную причину. Например: *Бик үткен пәке белән киселгән булса кирэк, очларында бернинди яньчелгән яки ярылган жүре юк...* (Ә. Еники. Курай). ‘Их срезали, должно быть, очень острым ножом, концы были без вмятин и зазубринок...’; *Рәмзия, учактан төшкән ялкында эсселәнен китте булса кирэк, шәляулыгын салып куйды...* (Р. Төхфәтуллин. Авылдашым Нәби). ‘Рамзии, должно быть,

стало жарко у очага, она сняла платок...»; *Лейтенант команда бирде булса кирэк, алда яткан кызылармеецлар ашыгып тора башладылар* (Ә. Еники. Бала). 'Должно быть, лейтенант дал команду, красноармейцы поспешно начали вставать'.

В вышеназванных предложениях присутствует еще и интонация ожидания, и по правилам пунктуации между компонентами вернее было бы поставить двоеточие, что и наблюдается у некоторых авторов. Например: *Ул тегендә дә елаган булса кирэк: күз төпләре шешенеп беткән иде* (Х. Сарьян. Паку!...). 'Вероятно, плакала и там: веки у нее припухли'; *Йөзе чыннан да ярылган булса кирэк: ак яулык белән бер күзе ашасыннан бәйләнгән* (Г. Ибраһимов. Алмачуар). 'Лицо, кажется, вправду разбито: один глаз перевязан белым платком'.

Как известно, «предположительное условие не может вызвать реальное следствие» [Назикова, 1974, с. 78]. Предположительная причина же способна породить реальное следствие. В рассмотренных нами выше примерах, несмотря на предположительную причину, следствие выступает как реальный, неоспоримый факт: *очларында бернинди яньчелгән яки ярылган жүре юк* – 'концы были без вмятин и зазубринок'; *шәляулыгын салып куйды* – 'она сняла платок'; *алда яткан кызылармеецлар ашыгып тора башладылар* – 'красноармейцы поспешно начали вставать'.

Значит, достоверность следствия не зависит от истинности причины. Единственное, в этом случае говорящий сомневается в том, что именно эта причина привела к такому следствию. К такому же следствию могли привести и другие причины, а названные в этих предложениях – лишь домыслы говорящего.

Как известно, синтетические придаточные условия присоединяются к главному предложению при помощи аффиксов *-са/-сә, -мы/-ме*, слов *исә, икән*. Вместе с этими способами в качестве дополнительного средства может употребляться и союз *әгәр*. Кроме этого, иногда, выражая причинно-следственную семантику, используется и слово *димәк*: *Чүплибез икән – димәк*,

үзбез сульйсы һаваны пычратабыз, төрле чирләр китереп чыгаручы вирусларны үрчетәбез... (ТЯ, 2011, 18 июнь). 'Раз засоряем, значит, загрязняем воздух, которым сами и дышим, разводим разные болезнетворные вирусы'.

Сделаем краткие выводы.

Каузальность представляет научный интерес и в философском аспекте, и в лингвистическом плане. В общем и русском языкознании причинно-следственные отношения изучаются на разных синтаксических уровнях языка.

В татарском языке каузальность может выражаться и эксплицитно, и имплицитно. Семантика и репрезентация каузальности будут проанализированы в следующих главах данного исследования.

Функционально-семантическое поле каузальности тесно связано с функционально-семантическим полем таксиса. Как показал анализ языкового материала, хотя причина на логическом уровне всегда предшествует следствию, формально и причинный, и следственный компоненты могут иметь и обычно имеют одинаковые временные формы.

Функционально-семантическое поле каузальности имеет зоны пересечения с функционально-семантическим полем условия, так как при порождении причиной следствия определенную роль играют и условия, в которых совершается действие.

Были выявлены следующие семантические разновидности каузальности в татарском языке: способствующая, пассивная или неосознанная, следственная, возмездительная, поощрительная, мнимая или предположительная причины.

2. СЕМАНТИКА И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАУЗАЛЬНОСТИ НА УРОВНЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТАТАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В лингвистическом плане каузальность устанавливается между членами предложения (в простом предложении) и между предложениями (частями сложного предложения). Данная глава посвящена изучению семантики и репрезентации каузальности между членами предложения в татарском литературном языке.

Как уже было отмечено выше, изучению каузальности на уровне простого предложения в языкознании посвящены исследования О.В. Беленькой, В.В. Ждановой, Л.В. Маркиной, Т.А. Яценко и др. В татарских грамматиках рассматриваются обстоятельства причины и описываются средства их выражения.

Средствами выражения каузальности в простом и простом осложненном предложениях в татарском языке служат отдельные лексические единицы, падежные, причастные и деепричастные формы, послелого и послеложные слова, иногда однородные сказуемые.

2.1. Семантика каузальности, выраженная лексическими единицами

Каузальность может репрезентироваться с помощью лексических единиц. Изучение лексикографического источника (Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2005 – далее ТТАС) позволило выявить следующие слова (лексемы, лексические единицы) с причинной/следственной семантикой¹:

«1. *Сэбәп ис. гар.* 1) нинди дә булса күренешне китереп чыгара торган шарт. *Фаҗиганең сэбәбен ачыклау*; 2) берәр хэлгә, берәр

¹ Материалы, взятые нами из толкового словаря, приводятся без перевода на русский язык.

эшкә нигез була ала торган хәл, алшарт; сылтау. *Бәйләнергә с. эзләү. Әле бер с., әле бер с. табып, эштән сорап китү*; 3) берәр эш-хәлнең килеп чыгуына этәргеч булган нәрсә яки кеше. *Егетнең соң кайтуына кыз с. булган. Сәбәбенә керешү (керү)*. Берәр нәрсәгә ирешүнең чарасын күрә башлау, шуны кайгырта башлау.

2. **Сәбәпле сф.** 1. Сәбәп белән эшләнгән; сәбәбе, нигезе булган. 2. *бәйл. функ.* Аркасында. *Крестьянның фәкыйрьлек с. бурычка керүе. Вакыт булмау с. килми калу.*

3. **Сәбәплелек ис. филос.** Берсе икенчесенә зарурый барлыкка килүенә сәбәп булган объектив күренешләрнең үзара бәйләнеш һәм бәйлелек формасы.

4. **Сәбәпсез рәв.** Сәбәбе булмаган, нигезсез.

5. **Нигез ис.** 1. 1) корылачак, урнаштырылачак нәрсәнен терәге булып хезмәт иткән корылма, фундамент; шулай ук йортның тышкы стенасы буена жылыту өчен туфрактан салынган өем; 2) *күч.* төп йорт, ата-баба йорты; туган үскән, гомер иткән йорт. *Нигезгә жыелу. Нигезгә дога иңдерү*; 3) нинди дә булса фәннең башлангычы. *Арифметика нигезләре*; 4) *сәбәп*, дәлил, аргумент; мөмкинлек, хокук, хак. *Алай дип әйтергә нигез юк [...].*

6. **Сылтау I фг.** 1) жинаятьне, гаепле эшне һ.б. берәү эшлэгән дип күрсәтү, шуңа тагу. *Жинаятьне гаепсез кешегә с.;* 2) нинди дә булса житешсезлекне яки кимчелекне урынсыз рәвештә берәр сәбәпкә кайтарып калдыру. *Эшкә соңга калуны сәгать дәрәс йөрмәүгә с. Сылтый бару. Сылтый биру. Сылтап бару.*

Сылтау II ис. Аклану, бәйләнү яисә һөжүм итү өчен китерелә торган нигезсез *сәбәп*. *Бәйләнергә с. эзләү. Эшкә күнексен дигән с. белән артык эшләтү.*

Ул берәз телевизор карап утырды да, йөрәп керәм дигән сылтау белән урамга чыкты (З. Хөснияр. Зөләйха кыйссасы).

7. **Этәргеч ис.** 1. Нәрсәнең дә булса башланып китүенә *сәбәп*. *Тел өйрәнүгә э. булды*. 2. сф. мәгъ. Нәрсәне дә булса башкарырга этәрә торган. *Э. көч биру.*

8. **Стимул** *ис. лат. кит.* Берэр нэрсэне, эшне эшлэргэ кызыксыну уятырлык, этэргеч булырлык **сэбэн**. *Мораль с. Материаль с.*

9. **Мотив** *ис.* 1) *кит.* Берэр эш-хэлгэ китергэн **сэбэн**. *Нинди мотивлары булган [...].*

10. **Гозер** *ис. гар.* 1) үтенеч; ялыныч; йомыш. *Нинди гозерең бар?* 2) гафу. *Син аңардан г. үтен;* 3) **сэбэн**, сылтау. *Гозер итү (кылу).* Гозерләнү; ялынып-ялварып сорау.

11. **Гаеп** *ис. гар.* 1. 1) тыелган, ярамаган эш; *русчасы:* проступок. *Гаебен гафу итеп булмый;* 2) *дини.* Дин тарафыннан тыелуга карамастан эшлэнгән эш, гөнаһ. *Гаебен ярлыкау.* 2. 1) ярамаган эш өчен жаваплылык; *русчасы:* вина. *Гаепне үз өстенә алу;* 2) юр. жинаять. *Бандитның гаебе ачыкланды;* 4) кимчелек, житешмэгән як. *Гаепсез дус эзләмә, ялгыз калырсың.* Мәкаль; 5) оят, гарьлек. *Белмәү г. түгел, белергә теләмәү г.* Мәкаль; 6) сөйл. сылтау, **сэбэн**. *Талашырга г. эзләү.* 3. *сф. мәгъ.* Тыелган, ярамый торган. *Г. эш. Гаеп итмәгез (итмәссез)* Гафу үтенүне белдерә. *Гаеп итү (ташлау) к. гаепләү»* [ГТАС, 2005].

Вышеназванные слова (*сэбэн, сэбәнле, сэбәнлек, сэбәнсез, нигез, сылтау, этэргеч, стимул, мотив, гозер, гаеп*) соответствуют русским словам *причина, причинный, причинность, беспричинный, основание, повод, стимул, мотив, вина.*

В «Русском толковом словаре» (1994) понятию *причина* дается следующее объяснение: «**Причина**, -ы, ж. 1. То, что вызывает, порождает, обуславливает какое-н. явление. *II. ссоры. II. пожара.* 2. Основание. *Нет причин для беспокойства. Сметься без причины. По той (простой) причине, что...* (потому, что...). **По причине** чего, в знач. предлога – вследствие чего-н. *Не прийти по причине.* || прил. **причинный** (книжн.). *Причинная связь явлений»* [Лопатин, 1994, с. 523].

«12. **Нәтижә** *ис. гар.* 1) нинди дә булса эш, күренешнең яки берэр нэрсәнең соңгы йомгагы, күрсәткече; соңы, ахыры. *Тикшерүләр нәтижәсе. Остазның нәтижәсе – шәкертендә.*

Мәкаль; 2) айда. *Яңа механизмнан н. көтү. Нәтижә ясау (чыгару).* Йомгаклау, йомгак ясау. *Нәтижәгә килү Берәр төрле фикергә килү, нәтижә чыгару.*

13. **Нәтижәле** *сф.* Нәтижә бирә торган, нәтижәсе уңышлы булган, нәтижә (*1 мәгъ.*) белән бетә торган. *Н. эшчәнлек.*

14. **Нәтижәлелек** *ис.* Нәтижәле булу. *Эшнең нәтижәлелеге.*

15. **Йомгак** *ис.* 1) йомры жеп чорнавы; шуңа охшашлы нәрсә. *Жепне йомгакка чорнау. Ефәк эҗеп йомгагы. Төтен йомгагы;* 2) күч. берәр эш, хезмәтнең **нәтижәсе**. *Еллык эш йомгалары. Сөйләгәннәргә й. ясау. [...]*

16. **Сөземтә** *ис.* Йомгак, **нәтижә**. *Тәҗрибәдән сөземтәләр ясау. Озак уйлануларның сөземтәсе.*

17. **Җимеш** *ис.* 1) үсемлек орлыгы. *Җ. тартмачыгы;* 2) кайбер үсемлекләрнең ашарга яраклы сусыл тышчасы. *Ашарга яраклы җимешләр. Адам эше белән, агач җимеше белән Мәкаль. Җ. җыю. Өрек җимеше. Йөзем җимеше;* 3) күч. Эшнең **нәтижәсе**, казаныш. *Хөррият җимеше. Күпеллык хезмәт җимешләре [...].*

18. **Эффект** *ис. лат.* 1) көчле тәэсир. *Э. тудыру;* 2) көчле тәэсир тудыра торган чара, җайланма, корылма. *Сәхнә эффектлары;* 3) нинди дә булса **сәбәпләрнең** уңышлы **нәтижәсе**. *Даруның эффекты;* 4) физик күренеш. *Әйләнү эффекты.*

19. **Эффектлы** *сф.* 1) көчле тәэсир итә торган; уңышлы. *Э. чыгыш. Э. сөйләү;* 2) **Нәтижәле**. *Э. чара.*

20. **Эффектлылык** *ис.* Эффектлы булу сыйфаты, **нәтижәлелек**. *Эффектлылыкка ирешү.*

21. **Йогынты** *ис.* Кемнең яки нәрсәнендер кемгә яки нәрсәгәдер булган тәэсире, шул тәэсирнең **нәтижәсе**. *Уңай (кире) й. ясау. Даруның шифалы йогынтысы. Ашламаның уңышны күтәрүгә йогынтысы. Хисләр йогынтысына бирелү.*

22. **Продукт** *ис. лат.* 1) кеше эшчәнлегә **нәтижәсендә** барлыкка килгән әйбер, предмет һ.б. *Авыл хуҗалыгы продуктлары [...].*

23. **Продуктив** *сф. лат.* 1) **нәтижәле**, нәтижә бирүчән. *П. хезмәт [...]*.

24. **Продуктивлык** *ис.* 1) **нәтижәлелек**, продукция бирүчәнлек. *Кошларның продуктивлыгы»* [ТТАС, 2005].

25. **«Импульс** – 1. нинди дә булса эшкә дәртләндерүче **сәбәп**, көч» [Русско-татарский словарь, 1991, с. 197].

Вышеназванные слова (*нәтижә, нәтижәле, нәтижәлелек, йомгак, сөземтә, жимеш, эффект, эффектлы, эффектлылык, йогынты, продукт, продуктив, продуктивлык, импульс*) соответствуют русским словам *следствие, результат, результативный, вывод, плод, эффект, эффективный, эффектный, эффективность, влияние, продукт, продуктивный, продуктивность, импульс*.

В «Русском толковом словаре» понятию *следствие* дается следующее объяснение: «**Следствие** 1, -я, *ср.* То, что следует из чего-н., вывод, результат чего-н. *Причина и с. Ошибка была следствием усталости»* [Лопатин, 1994, с. 637].

К лексическим средствам выражения каузальности также относятся наречия причины. В татарском языке наречия причины составляют немногочисленную группу слов. Обратимся к лексикографическому источнику:

«**Бушка** *рәв.* 1) **бернинди нәтижә бирмичә**, файдасызга. *Б. бару. Б. йөрү*; 2) **файдалы** эш коэффициенты алмыйча. *Б. әйләнү*; 3) **бер сәбәпсездән**, тик торганда. *Б. сөйләнү*; 4) **бик арзан баягә яки бөтенләй бушлай, түләүсез. Б. эшләү. Бушка китү (чыгу).** Нәтижәсез, файдасыз булу» [ТТАС, 2005, б. 99].

«**Тикмәгә** *рәв.* Бер дә юкка; сәбәпсез. *Куркуларым т. булмаган икән»* [ТТАС, 2005, б. 539].

«**Тиктомал: тиктомалга, тиктомалдан.** *рәв.* 1) **һич сәбәпсез; көтмәгәндә. Т. кайтып китү**; 2) **дуамалланып. Т. кызып китү. Т. бәйләнү» [ТТАС, 2005, б. 539].**

«**Юкка** *рәв.* 1) **нигезсез, сәбәпсез. Ю. кызып китү [...]**» [ТТАС, 2005, б. 720].

Например: *Һәм мондый минутларда Гасыйм Сәләховичның күңелендә хатыны белән улына карата **ирексездән** рәнжү хисе уяна* (Ө. Еники. Тынычлану). ‘В такие минуты в душе Гасима Салаховича поневоле появляется чувство обиды по отношению к жене и сыну’; *Күңелендә **ирексездән** яшиь галимгә рәнжү хисе уянды* (Ө. Еники. Тынычлану). ‘В его душе поневоле появилось чувство обиды на молодого ученого’; ***Юри** кызыксынып барып карадым* (Ө. Еники. Курай). ‘Я специально зашел посмотреть’; ***Юри** бармагымны кистем... / Һәм кердем бәйләтергә* (Р. Харис. Гармунчы). ‘Я нарочно порезал палец и зашел к ней на перевязку’; *Мин тоттым да **тиктомалдан** / Сәйдәш турында сөйләдем* (Р. Харис. Сәйдәш яры). ‘Я ни с того ни с сего взяла и рассказала о Сайдаше’; *[Нигәдер менә күңел дигәнең ышанып бетми иде бу кешегә һәм] **тикмәгә** генә булмаган икән ул* (Ө. Еники. Вөждан). ‘[Почему-то я не доверял этому человеку полностью и] это было неспроста’.

Лексические средства выражения каузальности отличаются от синтаксических единиц тем, что содержат в себе только причинную/следственную семантику. А в синтаксической единице выражаются и причина, и следствие.

«В языке существуют лексические единицы, обозначающие те или иные аспекты каузальной связи, однако слово само по себе не способно отразить ситуацию – для этого необходимо предложение. Таким образом, минимальной единицей языка, способной выражать каузальную ситуацию, является предложение...» [Аматов, 2005, с. 196, 197]. Это значит, что отдельные слова начинают репрезентировать каузальность в составе предложений. Например: *Жир йөзендәге күпчелек үлемнәрнең **сәбәбе** – рак, диабет, йөрәк һәм үпкә авырулары кебек йогышсыз чирләр. БМО экспертлары ишүндый **нәтижәгә** килгән* (ТЯ, 2011, 23 июнь). ‘**Причина** множества смертей на земле – такие болезни, как рак, диабет, болезни сердца и легких. Эксперты ООН пришли к такому **выводу**’; *Экспертлар бу авыруларның төп **сәбәбен** тәмәке тарту, эчкечелек, дөрөс тукланмау, зарарлы ризыклар ашау, жәтитәрлек физик ак-*

тивлык булмау, симезлек белән бәйләп аңлаталар (ТЯ, 2011, 23 июнь). ‘По словам экспертов, главная **причина** этих болезней – курение, алкоголизм, неправильное питание, недостаточная физическая активность, ожирение’.

При репрезентации каузальности лексическими единицами можно выделить компоненты причинный, следственный и причинно-следственного отношения:

Курение, алкоголизм, неправильное питание, недостаточная физическая активность, ожирение – причина болезней.

Следствием курения, алкоголизма, неправильного питания, недостаточной физической активности, ожирения являются болезни.

Курение, алкоголизм, неправильное питание, недостаточная физическая активность, ожирение порождают (вызывают) болезни.

Компоненты каузальной
конструкции

Татарское слово *нәтиҗә* вбирает в себя понятия *следствие, результат, вывод: Документлар дигәндә, паспорт, аттестат, БДИ нәтиҗәләрен күрсәтүче таныклык күздә тотыла* (ТЯ, 2011, 23 июнь). ‘Под документами имеется в виду паспорт, аттестат, сертификат с **результатами** ЕГЭ’; *Аннан читкә чыгу көтелмәгән нәтиҗәләргә китерергә мөмкин* (Р. Мирхәйдәров. Жәяүле сәйран). ‘Выход за ее пределы может привести к неожиданным **последствиям**’; *Менә шул вакытта үз-үземә нәтиҗә ясадым: кайчан да булса предприятиегә нигез сала калсам, ул чын, үсә торган, рәсми, алдынгы булачак...* (Р. Мирхәйдәров. Жәяүле сәйран). ‘Тогда я сделал для себя **вывод**: если когда-нибудь мне придется основать предприятие, оно будет развивающимся, официальным, прогрессивным...’

Таким образом, отдельные лексемы не выражают каузальность вне синтаксических единиц.

Семантика и репрезентация каузальности между компонентами фразеологических единиц

В результате изучения фразеологического словаря (Ф.С. Сафиуллина. Татарча-русча фразеологик сүзлек. 2001) были выявлены фразеологические единицы, между компонентами которых устанавливаются каузальные отношения¹. Как показали наблюдения, для выражения каузальности в них используется в основном форма исходного падежа. Реже употребляются и некоторые другие средства:

– Форма исходного падежа *-дан/-дән, -тан/-тән, -нан/-нән*:

Ачудан йөзе кыйшаю – ‘позеленеть от злости’.

Ачудан кара коелу – ‘почернеть от злости’.

Куркудан катып калу – ‘страх приковал // застыть как вкопанный’.

Куркудан күзләре дурт (шар) булды – ‘от страха глаза на лоб полезли’.

Оялудан бит алмалары утланып яну – ‘сгорать от (со) стыда (стеснительности)’.

Оялудан күзне күтәрәп карый алмау – ‘не знать, куда глаза деть от стыда’.

Ояттан үләргә җитү – ‘быть готовым умереть со стыда // сгорать со стыда’.

Оятыннан кая керер җир тапмау – ‘не знать куда себя девать от стыда’.

Оятыннан кып-кызыл (комач кебек) кызару – ‘сгорать от (со) стыда // покраснеть от стыда’.

Оятыннан җир тишегенә керердәй булу – ‘готов сквозь землю провалиться // сгореть от стыда’.

Оятыннан җиргә керерлек булу – ‘готов сквозь землю провалиться’.

¹ Приводимые далее фразеологические единицы и их переводы на русский язык взяты из названного словаря.

Уңышлардан баш әйләнү – ‘головокружение от успехов’.

Хурлыгыннан мамык жебе белән әремгә асылынырлык булу – ‘сгорать от стыда // готов был умереть // готов был провалиться сквозь землю’.

Шатлыгыннан канатлану – ‘обрести крылья от радости’.

Шатлыктан кая басарга (да) белмәү – ‘не чують (не слышат) под собой ног’.

Шатлыктан кая басканны (да) белмәү – ‘не чують (не слышат) под собой ног // быть на седьмом небе (от радости) // не знать куда себя девать (от радости)’.

– Послелог и послеложные слова:

Кеше аркасында кеше булу – ‘стать человеком благодаря кому-то’.

– Деепричастные формы *-ып/-еп, -а/-ә* и др.:

Жәлләп үлә язү – ‘искренне пожалеть’.

Сокланып ис китү – ‘прийти в изумление’.

Хан кызының кулы кубыз тотып кабарган – ‘изнеженная девушка’.

Көлә-көлә кату чыгу (катуга сабышу) – ‘надрывать животики // браться за животики // валяться (кататься) со смеху // помирать (умирать) со смеху’.

Көлә-көлә эч кату – ‘надорвать живот со смеху’.

Некоторые фразеологические единицы составляют бессоюзное сложносочиненное предложение с каузальной семантикой. Например: *Кар яуган, эзе күмелгән* – ‘было да быльем поросло’ (‘выпал снег, замел следы’).

Как показывают рассмотренные нами примеры, фразеологические единицы, между компонентами которых устанавливаются каузальные отношения, выражают в основном внутреннее состояние субъекта действия.

2.2. Репрезентация каузальности при помощи падежных форм между членами предложения

Падеж является грамматической категорией, которая выражает какие-либо отношения одних предметов и явлений к другим предметам и явлениям. Таким образом, падежные аффиксы не только связывают слова, но и выражают разные отношения между ними.

Важным средством выражения каузальности в татарском языке, вообще в тюркских языках, являются падежные формы (аффиксы исходного, реже направительного падежей). Использование того или иного конкретного аффикса зависит от определенных условий.

Форма исходного падежа – аффиксы *-дан/-дән, -тан/-тән, -нан/-нән* – выражает объект, порождающий процесс и являющийся его причиной. Например: *Бу аның ачлыктан, кимсенүдән, әле генә кабынган өметенең киселүеннән үкерүе иде* (Ф. Садриев. Таң жиле). ‘Она рыдала от голода, унижения, утраты надежды’; *Болын исе һәм иркенлек хисеннән башы әйләнде* (Ә. Гаффар. Яра). ‘Закружилась голова от запаха луговых трав и от степного простора’.

Исходный падеж может употребляться:

– для выражения внешней причины. В конструкциях, в которых выражается внешняя причина, указывается на порождающую связь событий действительности. Например: тат. *Дәһшәтле күренеш тәэсиреннән кешеләр тынсыз-өнсез калдылар* (Н. Фәттаһ. Сызгыра торган уклар). ‘От ужасного зрелища люди остались в оцепенении’; *Алма исеннән исереп / (йөрөгән айлар иде)* (Р. Харис. Исемсезләр). ‘Это было время, когда мы витали в облаках’; алт. *Күскү салкыннань агаштардынъ сарганган бүрлері төгүлди*. ‘От осеннего ветра опали пожелтевшие листья деревьев’; *Онынъ куучынынанъ корко бердим*. ‘Мне стало страшно от его рассказа’ [Дыренкова, 1940, с. 250]; карач.-балк.

Джангурдан эшикге чыгъаргъа амал тамбай эдик. ‘Из-за дождя мы не имели возможности выйти на улицу’ [Алиев, 1972, с. 195]; узб. *Қаттиқ совуқдан ҳамма ариқлар музлаб қолди.* ‘Из-за сильных холодов замерзли все арыки’; *Бозор қўйларнинг йўқолишидан пайдо бўлган ғамдан қутулгандай хурсанд эди.* ‘Базар обрадовался, словно освободился от забот, возникших вследствие пропажи овец’ [Кононов, 1960, с. 99];

– отражать причину внутреннего характера, когда отвлеченные имена существительные, образованные с помощью аффикса *-лык/-лек*, принимают форму исходного падежа. Эта причина связана с психическим, эмоциональным состоянием субъекта действия. Например: тат. *Бэлэкэй йөрәгем көчсезлектән сыкрый* (Ә. Гаффар. Яра). ‘От бессилия стонет сердце’; *Мин шатлыгымнан кая сикерергә урын тапмыйм* (Г. Ибраһимов. Алмачуар). ‘От радости я не нахожу себе места’; *Шул минутларда ялгыздыктан жңаным әрни* (Г. Ибраһимов. Көтүчеләр). ‘В эти минуты сердце сжимается от одиночества’; *Шулай да ялкаулыгы хәлсезлектән иде* (Ә. Еники. Тынычлану). ‘Все же его лень была от бессилия’ (в последнем примере между причиной и следствием складываются субъект-предикатные отношения, тогда как в большинстве случаев причина является обстоятельством, а следствие – сказуемым простого предложения); гаг. *Севинмектән ону ер-гөк тутмазды.* ‘От радости он ног под собой не чуял’ (букв. ‘его земля-небо не держали’) [Покровская, 1978, с. 38].

Существительные, выражающие эмоционально-психическое состояние (*куаныч*, *сөөнеч* – ‘радость’, *оят* – ‘стыд’, *хәсрәт* – ‘горе’, *курку* – ‘страх’, *ачу* – ‘гнев’, *соклану* – ‘восхищение’ и др.), принимают форму исходного падежа и обозначают причину выполнения процесса. Могут выражаться как положительные, так и отрицательные эмоции: *Сөөнеченнан ул әле ал ефәк кебек кызарынды, әле сары ефәктәй нәфисләнеп калды* (Н. Фәттах. Сызгыра торган уklar). ‘От радости она то краснела, то робела’; *Оятымнан*

мин хэтта башымны ияргэ мэжбүр булдым (Ө. Еники. Гөлэндэм туташ хатирэсе). ‘От стыда я даже была вынуждена опустить голову’; *Көне-төне мине карап, минем хэсрэттэн энием да бик өшэнгэн иде* (Ө. Еники. Гөлэндэм туташ хатирэсе). ‘Ухаживая за мной днями и ночами, от горя моя мама очень ослабла’; *Без куркудан бер-беребезгэ сыенып, туктап калдык* (Р. Хафизова. Сөөнечле хэбэр). ‘От страха мы замерли, прижавшись друг к другу’; *Гарьлегеннэн Мөниржанның тыны кысылды* (Н. Әхмәдиев. Мөнирстан). ‘От обиды у Мунирзяна перехватило дыхание’; *Куркудан йөрөгем купты...* (Г. Ибраһимов. Көтүчеләр). ‘От страха сердце мое оборвалось...’

Это же значение передают и имена действия. Например: *Аит гажәпсенүдән зур ачылган күзләре белән аңа текәлде* (Ө. Гаффар. Яра). ‘Аит смотрел на нее широко открытыми от удивления глазами’; *Бу киеренке халәтне берничек тә үзгәртә алмаудан гажиз калган хәлдә Фәрит ни утырырга, ни чыгып китәргә белмәде* (Ф. Садриев. Таң жиле). ‘Фарит не мог ни сесть, ни выйти, оттого что никак не мог изменить эту напряженную ситуацию’; *Дулкынланудан аның тыны кысылды* (Г. Тавлин. Үги ана). ‘От волнения у нее перехватило дыхание’; *Кызганудан тетрәнде / Аяк асты* (Р. Харис. Мулланур). ‘От жалости задрожала земля’; *...хурлануымнан башымны кая куярга жүр тапмадым, ни әйтергә белмәдем* (Г. Ибраһимов. Көтүчеләр). ‘...от стыда я не знал, куда деваться и что говорить’; башк. *Моңланыузан, зарланыузан бығау асыламы ни?* (З. Бишшева). ‘Разве отомкнуты оковы от стонов и причитаний?’ [ГСБЛЯ, 1981, с. 413].

Реже каузальность между членами предложения репрезентируется при помощи направительного падежа *-га/-гә, -ка/-кә*, который выражает объект, являющийся причиной действия: *Имгәтелгән Бүзбала, салкынга, ачлыкка һәм авыртуларына түзә алмыйча, юлда аяк сузган иде* (Н. Фәттах. Сызгыра торган уklar). ‘Покалеченный Бүзбала, не стерпев холода, голода и боли, испус-

тил последний вздох'; *Үзләре дә шулай пәхтә, көзә булуларына бик канәгать, шат шикелле...* (Ә. Еники. Без дә солдатлар идея). 'Они, кажется, и сами очень довольны своей чистотой и опрятностью'.

Форма направительного падежа указывает на причину процесса и в других тюркских языках: алт. *Коркыганына (коркуганына) онынъ дьүреги тирстилеп турды*. 'От страха у него замерло сердце'; *Бу түнде дьотконго көп агаи сынды*. 'От бури в эту ночь сломалось много деревьев' [Дыренкова, 1940, с. 247]; башк. *Шулай төндәрзең беренендә урамда қысқырышықан тауышықа уянып киттем* (С. Агиш). 'Так вот в одну из ночей я проснулся от крика, раздавшегося на улице' [ГСБЛЯ, 1981, с. 413].

Как видим, при репрезентации каузальности падежными формами причина, выполняющая роль обстоятельства причины, обычно предшествует следствию, которое в предложении является сказуемым. Однако в стихотворной речи возможен иной порядок: тат. *Уяндык ишек шакудан...* (Р. Харис. Исемсезләр). 'Проснулись от стука в дверь'; *Йөри ул бүредәй, / Бүртенеп ачудан...* (Ә. Маликов. Чигүле куляулык). 'Он ходит, словно волк, надувшись от злости'; ...*Сүзләрен оныта кайгыдан* (Ә. Маликов. Танбатыр). 'Забывает слова от горя'; башк. *Қайһы вақыт шиғыр ижад иткән булам, Эскә тулған хәсрәткә түзмәгәндән; Бара торғас алға китер тип, һаман да өмөтөмдө өзмәгәндән* (М. Гафури). 'Иногда сочиняю стихи, не в силах сдержать переполняющие меня чувства, не теряя надежды на то, что жизнь пойдет вперед' [ГСБЛЯ, 1981, с. 413–414].

Шулай да ялкаулығы хәлсезлектән иде (Ә. Еники. Тынычлану). 'Все же его лень была от бессилия'. И в этом предложении причина находится в постпозиции. Это можно объяснить тем, что в данном примере слово, обозначающее причину, является предикатом, а в татарском языке сказуемое, как правило, находится в конце предложения.

Место в предложении обстоятельства причины в карачаево-балкарском языке, в отличие от татарского языка, не является

фиксированным, оно может находиться и в препозиции, и в ин-терпозиции, и в постпозиции. Например: *Келди да атабыз джатды солургъа арыгъандан*. ‘Пришел наш отец и лег отдохнуть от усталости’; *Къашыды джелкесин джунчугъандан, дыгаласдан тенгибиз*. ‘Почесал в затылке от растерянности и беспомощности наш друг’; *Джолоучулукъда кѣб джюрюб сууукъ суу ичдим къызгъандан*. ‘В дороге много ходивши, холодную воду выпил от жажды’ [Алиев, 1972, с. 219].

2.3. Репрезентация каузальности между членами предложения при помощи послелогов и послеложных слов

Послелог и послеложные слова, как и падежные формы, во-первых, связывают между собой слова, во-вторых, устанавливают между ними разные смысловые отношения.

В татарском и других тюркских языках для репрезентации каузальности широко используются послелог и послеложные слова *очен*, *белән*, *күрә*, *аркасында*, *сәбәпле*, которые передают разные оттенки причинно-следственного значения. Далее рассмотрим каждый послелог / послеложное слово отдельно.

Послеложное слово *сәбәпле* указывает на причину основного действия: тат. *Өстемне дә алмаштырып өлгермәү сәбәпле, тәнәфес вакытында фойега чыкмадым* (Х. Сарьян. Бастырылу). ‘Так как я не успела переодеться, во время перерыва не стала выходить в фойе’; башк. *Фаһләлә баш бала булыуы сәбәпле, Әсмәгә бик кескәйзән эшләп үсергә, ата-әсәһенә язламлашырга туры килә* (З. Биешева). ‘По причине того, что Асма была старшей среди детей, ей с малых лет приходилось много работать, помогать своим родителям’ [ГСБЛЯ, 1981, с. 414]; каз. *Білмеген себенті ештеңе айта алмадым*. ‘Ничего не мог (я) сказать, потому что не знал’ [Балакаев, 1959, с. 193]; карач.-балк. *Вертолетла себебли тау фермалада малчыла врач керекли болмайды*

ла. ‘Благодаря вертолетам наши пастухи на горных пастбищах во врачебной помощи не испытывают недостатка’ [Алиев, 1972, с. 196]; узб. *У касал бўлгани сабабли (сабабдан) ишига келолмади*. ‘Он не смог прийти на работу, из-за того что заболел’ [Кононов, 1960, с. 362].

Это послеложное слово может быть в форме исходного падежа: тат. *Ул бай белән безнең эти арасында, ниндидер бер жир талашы сәбәбеннән, әллә кайчаннан бирле дошманлык бара иде* (Г. Ибраһимов. Алмачуар). ‘Из-за спора о земле между этим баем и моим отцом с давних пор шла вражда’; ног. *Авурум себептен жыйылгъа бар(а)алмадым* (букв. ‘болезни моей от причины на собрание придти не мог’) [Баскаков, 1940, с. 127].

Послелог *өчен*:

– выражает объект, являющийся причиной действия: *Буйга зурлыгы өчен аны Озын Хафиз дип йөртәләр* (Г. Ибраһимов. Алмачуар). ‘За высокий рост его прозвали «Длинный Хафиз»’; *Хәтта шул кыюсызлыгы өчен үзен беркадәр гаепле дә санап йөрде әле* (Р. Мөхәммәдиев. Сират күпере). ‘Он даже считал себя виноватым за свою нерешительность’; *Кышкы айларда бу шәһәр өчен бик каты сугышлар барды* (Ә. Еники. Без дә солдатлар идек). ‘В зимние месяцы за этот город шли ожесточенные бои’; *Шушы яклары өчен булса кирәк, мин аңа шактый ияләшеп тә киткән идем* (Ә. Еники. Вөждан). ‘Вероятно, за эти ее качества я довольно сильно привязался к ней’; *Элек мин мондый кубоклардан бары тик жиңүләрем өчен генә эчә идем...* (Ә. Гаффар. Яра). ‘Раньше я пил из таких кубков только за свои победы...’; *Бүген Шаһинур белән очрашкач, беренче мәртәбә үзенең «үтереш, бәрелеш»ләрдән торган мәгънәсез гомере өчен бик нык үкенде* (Р. Сибат. Атлар рәнжеше). ‘После сегодняшней встречи с Шагинуром он впервые испытал сожаление за свою бессмысленную, состоящую из убийств и стычек жизнь’;

– указывает на причину основного действия: *Атларга бер солы көлтәсен артык биргән өчен дә дөнья чаклы тавыш куп-*

тара торган адәм (Г. Ибраһимов. Карт ялчы). ‘Такой человек поднимает шум из-за каждого лишнего снопа овса, отданного лошадям’; *Нәби Сэрвәрне мондый көндә тилереп йөрүе өчен эченнән генә тирги-тирги барды* (Р. Төхфәтуллин. Авылдашым Нәби). ‘Нәби шел, ругая Сэрвэр за ее дурость в такой день’; *Үзенең жиңел генә алдануы өчен аңа бик уңайсыз булып китте* (Н. Фәттаһ. Сызгыра торган уклар). ‘Ему стало очень неловко за то, что так легко обманулся’; азерб. *Паша далы гапыја сары отурдуғу үчүн ону көрмәди*. ‘Паша не увидел его, так как сидел спиной к двери’ [ГАЯ, 1971, с. 302]; башк. *Кыйыу улдар тыузырганы өсөн Күккә осоролган ауылдар* (Р. Ниғмәти). ‘В небо прахом взмечены аулы за то, что породили отважных сынов’ [ГСБЛЯ, 1981, с. 414]; каз. *Билмегени үшүн кейиді*. ‘Ругал за то, что (он) не знал’ [Балакаев, 1959, с. 192]; карач.-балк. *Иги ишлегени ючюн Назифатха орден берилгенди*. ‘За хорошую работу Назифат дали орден’ [Алиев, 1972, с. 196]; узб. *Мен бу ерлар билан таниш бўлмаганим учун бу дарёнинг қайси дарё эканини ва исмини ҳам билмас эдим*. ‘Так как я не был знаком с этими местами, я не знал, что это за река, и даже не знал ее названия’ [Кононов, 1960, с. 383].

Послеложное слово *аркасында* подчеркивает следственный компонент каузальности и выражает:

– положительное следствие: *Без бурлы бия аркасында аякка бастык* (Г. Ибраһимов. Алмачуар). ‘Благодаря гнедой кобыле мы встали на ноги’; *Шул куян аркасында Әлмәткә күчеп куюбыбыз бар эле* (Х. Камалов. Куян күзе нигә кызыл?). ‘Благодаря зайцам мы можем переехать в Альметьевск’; *Шушы мылтык аркасында тегермән дә, яргыч та, сушилка да исән калды* (Р. Вәлиев. Мирас). ‘Благодаря этому ружью и мельница, и молотилка, и сушилка сохранились;

– отрицательное следствие: *Бу дуамал авылдашым аркасында миңа да шактый эләкте ул еларда* (Р. Төхфәтуллин. Авылдашым Нәби). ‘Из-за моего озорного земляка и мне поряд-

ком попадало в те годы'; *Өмә белән чабылып, жылылырга өлгөрмәгән печән теземнәре көн дә яуган яңгыр аркасында кибә алмыйча яткан-яткан да тирескә әверелгән* (Н. Әхмәдиев. Мөнирстан). 'Стоги сена, несобранные вовремя, не успев высохнуть из-за частых дождей, превратились в навоз'; башк. *Қызыу эш арқаһында Тимербай үз янында кем тороуына ла изтибар бирмәгән* (С. Агиш). 'Из-за напряженной работы Тимербай не придал значения тому, кто стоял возле него' [ГСБЛЯ, 1981, с. 414]; узб. *Арзимас нарсалар орқасида аразлашдилар*. 'Они поссорились из-за пустяков' [Кононов, 1960, с. 316].

Как видим, в основном с помощью *аркасында* выражается отрицательное следствие.

При репрезентации каузальности с помощью послелогов и послеложных слов причина находится в препозиции. Однако возможно и постпозитивное употребление, например в эмоционально-экспрессивной речи: *Күпме сүз, күпме әр ишетмәде Нәби улы аркасында* (Р. Төхфәтуллин. Авылдашым Нәби). 'Сколько упреков и ругани выслушивал Нәби из-за сына'.

Иногда в значении послеложного слова *аркасында* (из-за) используется послелог *өчен*: *Әти өчен шулай кимсеттеләр / һәм нахакка кыерсыттылар...* (Р. Харис. Рәшит Ваһапов). 'Из-за отца меня унижали и обижали'.

Наши наблюдения показали, что в публицистическом стиле *аркасында*, как правило, выражает отрицательное следствие: *Былтыр корылык аркасында кышка тиешле күләмдә терлек азыгы туплап булмаган иде...* (ТЯ, 2011, 28 июнь). 'Из-за засухи в прошлом году не удалось заготовить корм для скота в нужном объеме'; *Югыйсә, 2010ның коры жәе аркасында туфракта дым барыбер чикле икән* (ТЯ, 2011, 5 май). 'Из-за засухи влажность почвы низкая'; *Өч кешенең икесе нәкъ менә шушы дүрт төр авыру аркасында бакыйлыкка күчә икән* (ТЯ, 2011, 23 июнь). 'Двое из трех переходят в мир иной как раз из-за этих четырех видов болезней'.

Как показал анализ собранного нами языкового материала, послеложное слово *аркасында* переводится на русский язык словом *благодаря* при выражении положительного значения. При этом причина благоприятствует выполнению какого-либо действия: *Көн-төн карау аркасында бер атна дигэндә минем Алмачуарым бөтенләй элекке хәленә кайта алды* (Г. Ибраһимов. Алмачуар). ‘**Благодаря** неусыпным заботам мой Чубарый через неделю выздоровел и стал совсем как прежде’.

И переводим как *из-за*, когда с помощью *аркасында*, наоборот, передается отрицательное значение, при этом причина:

– препятствует осуществлению процесса: *Бер генә балл аркасында / керә алмыйча калган / институтка...* (Р. Харис. Исемсезләр). ‘Лишь **из-за** одного балла не смог поступить в институт’;

– приводит к нежелательному следствию, что встречается в наших примерах намного чаще: *Әлэк аркасында миңа / газан шактый эләкте* (Р. Харис. Исемсезләр). ‘Мне пришлось многое пережить **из-за** доносов’.

У послеложного слова *аркасында* есть вариант *аркада*, который больше характерен для разговорной речи: *Безнең аркада Фәүзия апа алдында уңайсыз хәлдә калдыгыз...* (Р. Вәлиев. Мирас). ‘Из-за нас вы оказались в неловком положении перед Фаузией апа’.

Послелог *белән* выражает объект, являющийся причиной выполнения процесса: *Кичен, йөрүдән һәм зитән дә бигрәк, үзенең бетмәс борчулары белән тәмам талчыккан Сәрвәр Нәбине уттан алып суга салып тиргәргә тотына иде* (Р. Төхфәтуллин. Авылдашым Нәби). ‘Вечерами, вконец измученная не столько работой, сколько заботами и хлопотами Сәрвэр набрасывалась на Нәби’.

С помощью послелога *белән* указывается на то, что причиной события или состояния субъекта выступает присущее ему свойство. Например: *Яшьлеге белән беркатлы Равилә аларның*

кулларыннан товарны тартып диярлек ала (Ф. Яруллин. Яши белү). ‘Наивная по своей молодости Равиля почти что вырывает товар из их рук’; *Хажихмәт үзе килеп керде, кызулыгы белән Фатихка сугып жибәрде* (Г. Галиев. Каракош сыртында). ‘Вошел сам Хазиахмет и сгоряча ударил Фатиха’.

Реже для репрезентации каузальности употребляется слово *нәтижәсендә*. С помощью *нәтижәсендә* выражается обязательное, невозможное исключить следствие: *А. Насыбуллин һәм Ә. Ишмурзиннар белән аралашу нәтижәсендә ул социализм идеяләренә тартыла* (Р. Мөхәммәдиев. Сират күпере). ‘В результате общения с А. Насибуллиным и А. Ишмурзиным он начинает интересоваться идеями социализма’; *Шундый батыр сугышу нәтижәсендә жиңәргә мөмкин булмаган урыннарда да жиңеп чыгалар* (А. Шамов. Бер мөхәббәт турында). ‘В результате такого самоотверженного сражения они побеждают даже там, где это невозможно’.

Послеложное слово *күрә*. Направительный падеж + послеложное слово *күрә* выражают причину процесса: тат. *Минсаф аны, гадәтен белгәнә күрә, кыстап-мазар итеп тормый...* (Х. Сарьян. Тукран тәүбәсе). ‘Минсаф не уговаривает, так как знает его привычку’; *Жирдә казынуны өнәмәгәнә күрә, Зөлфия бакчалар белән мавыкмый иде* (Н. Гыйматдинова. Эзләмәгез жирдән...). ‘Зульфия не увлекалась садоводством, потому что не любила копаться в земле’; *Нәсел-нәсәбә жебен яхшы белгәнә күрә, искәрттергә кирәк тапты* (Р. Мөхәммәдиев. Сират күпере). ‘Так как хорошо знал родословную, посчитал нужным предупредить’; башк. *Ярлылыкка тамам өйрәнгәнә күрә, былар иртәнге көндөң нисек буласагы һәм нисек үтәсәге тураһында қайғыртмайзар ине* (М. Гафури). ‘Из-за того, что они полностью привыкли к бедноте и нищете, эти люди нисколько не думали и не заботились о том, как пройдет завтрашний день и каким он будет’ [ГСБЛЯ, 1981, с. 414].

Сочетание *бәйле рәвештә* в роли послеложного слова связывает компоненты и выражает каузальные отношения между

ними. По нашим наблюдениям, в основном употребляется в публицистическом стиле:

Газуткәргеч урнаштыруга бәйле рәвештә, 9 июньгә кадәр Париж Коммунасы урамының 13 а йорты тирәсендәге өлешендә ...хәрәкәт туктатылачак (Юлдаш, 2011, 13–19 июнь). ‘**В связи с** установлением газопровода до 9 июня будет приостановлено движение по улице Парижской Коммуны’; *Жылылык белән тәэмин итү челтәрләрендә ремонт эшләре алып баруга бәйле рәвештә, 17 июнь көнне кичке сәгать 10нан Ибраһимов проспектының Восстание урамы белән кисешкән урынында хәрәкәт туктатылачак...* (Юлдаш, 2011, 13–19 июнь). ‘**В связи с** ремонтными работами тепловых сетей 17 июня с 22 часов будет приостановлено движение в районе пересечения проспекта Ибрагимова с улицей Восстания’.

Как показывают проанализированные нами примеры, и в случае репрезентации каузальности с помощью послелогов и послеложных слов сначала называется причина, затем – следствие.

Каждый послелог и послеложное слово имеют специфические смысловые оттенки, поэтому не всегда возможна замена одного средства на другое. Рассмотрим это на конкретном примере: *Шул куркыныч аркасында мин күпмедер вакытка дөнъяның бөтен нәрсәсен онытып тордым* (Ә. Еники. Гөлэндәм туташ хатирәсе). ‘Из-за этого страшного дела я на некоторое время забыла обо всем на свете’.

В этом предложении каузальность репрезентируется с помощью послеложного слова *аркасында*. Попробуем построить каузальную конструкцию при помощи других послелогов и послеложных слов: *Шул куркыныч сәбәпле (нәтижәсендә, белән) мин күпмедер вакытка дөнъяның бөтен нәрсәсен онытып тордым*. Однако нельзя сказать: *Шул куркыныч өчен (күрә) мин күпмедер вакытка дөнъяның бөтен нәрсәсен онытып тордым*.

С помощью послелога *нигезендә* выражается событие, послужившее поводом для осуществления другого процесса. Например: *Урынбасар белән кичәге очрашу нигезендә Миша Ми-*

хайловны иреккә чыгарганнар иде (Ә. Баянов. Урланган ай). ‘На основании вчерашней встречи с заместителем Мишу Михайлова выпустили на свободу’.

Каузальная семантика может выражаться при помощи слова *буларак*: *Бүтәннәр мәчеткә дә өлеш чыгарырга уйлый. Хәлил абый, алла-муллага ышанмаучы, дөнъяви кеше буларак, андый исәпне күңеленә дә керттеп карамады* (З. Хөснийр. Кыш чыккан үгез). ‘Остальные думают и о выделении средств в пользу мечети. Халил абый, будучи не верующим, светским человеком, и не думал об этом’; *Мал врачы буларак, элбәттә, ген кебек сүзләр аңа күптән яхшы билгеле* (З. Хөснийр. Кыш чыккан үгез). ‘Как ветеринару, ему издавна хорошо известны такие слова, как ген’.

В башкирском языке обстоятельство причины может быть выражено причастием прошедшего времени с послелогом *найын*: *Илдарга арыуырақ йөзгән найын дәрт инә барзы, йөзөндә шатлык балқыны* (Ф. Рәхимғолова). ‘Чем лучше плавал Ильдар, тем большая уверенность вселялась в его душу, на лице светилась радость’ [ГСБЛЯ, 1981, с. 414]. Подобного примера в татарском языке мы не встретили.

2.4. Репрезентация каузальности при помощи причастных и деепричастных форм между членами предложения

Одним из способов выражения каузальности в татарском языке являются причастные и деепричастные формы в простом или осложненном виде. Следствие, как правило, передается основным сказуемым (предикативной частью простого предложения), причину обозначают причастные и деепричастные формы.

Причастные формы

Причастие, присоединенное к глаголу с помощью направи-тельного падежа, выражает причину процесса. Например: *Университетны бергәләп укыганга гына тамамладык без* (М. Хужин.

Исэнме, Раушания!..). ‘Мы смогли окончить университет, потому что учились вместе’; *Мин Аңардан пианино / дәресләре ала идем. / Баләкәйләр белән бергә / йөргәнгә ояла идем* (Р. Харис. Сәйдәш яры). ‘Я брала у него уроки пианино, мне было неловко за то, что училась с детьми младше себя’; *Адашмаганга, адашырга теләмәгәнгә, шушы урындыкта утырам...* (Р. Мөхәммәдиев. Сират күпере). ‘Я сижу на этом стуле, потому что не сошел, не захотел сойти с пути’; *Ләкин мин, моңа оста булмаганга, артык кызыгын тапмадым* (Г. Ибраһимов. Яз башы). ‘Но я не считал это интересным, так как у меня не было на это особых способностей’.

Это же значение в карачаево-балкарском языке репрезентируется причастием, присоединенным к глаголу с помощью исходного падежа. Например: *Къууаннгандан джашчыкъ аллына тюбегенин къучакълай эди*. ‘От радости мальчик обнимал каждого, кто оказывался перед ним’; *Ачыуланнгандан тамадабыз не этерин билмей къалгъан эди*. ‘Оттого, что сильно был рассержен, наш тамада не знал что делать’ [Алиев, 1972, с. 196].

Деепричастные формы

Каузальность может быть выражена и с помощью деепричастных форм. Деепричастие обозначает добавочное действие, которое совершается тем же лицом (субъектом), к которому относится основное действие, выражаемое глаголом-сказуемым, т.е. деепричастия обозначают причину, которая заключается в добавочном (дополнительном) действии. В большинстве случаев деепричастия образуют деепричастные обороты, в предложении являются обособленными обстоятельствами и осложняют простое предложение. Как показали примеры, в тюркских языках каузальность репрезентируется с помощью деепричастных форм *-п, -ып/-еп; -гач/-гәч, -кач/-кәч* (в разных фонетических модификациях). Например: башк. *Мин бөгөн төндә гәрип къунагымды уйлап, рәтле йоқлай алманым* (М. Ғафури). ‘Всю ночь я думал о своем вечном госте, и не выспался’; *Уқыгас та, эшлэгәс тә Ғөлбәзәргә клубта һирәк булырга туры килә* (Д. Исламов). ‘Из-за того, что приходилось и

работать, и учиться, Гульбазар редко бывала в клубе' [ГСБЛЯ, 1981, с. 414]; каз. *Қойларды көріп қозылар маңырай бастады*. 'Увидев овец, ягнята начали шумно блеять' [Балакаев, 1959, с. 193]; карач.-балк. *Джолоучу ач болуб джол джанында тохтады да азыгыын ашады*. 'Проголодавшись, путник остановился около дороги и съел свои припасы' [Алиев, 1972, с. 196, 197]; тат. *Күздән нурны, ә йөрәктән рухны / берничек тә ала алмагач, / чишәндереп, дымлы камерада / калдырдылар безне ялангач* (Р. Харис. Жәлилчеләр). 'Нас оставили без одежды в сырой камере, потому что не смогли нас сломать'.

Основное (главное) действие в последнем предложении – *калдырдылар* ('оставили') – выражено глаголом-сказуемым, добавочное действие, которое предшествует главному и содержит в себе его причину – *ала алмагач* ('не смогли сломать'). Добавочное действие выражено деепричастием, в предложении является обстоятельством.

Деепричастные обороты не являются специализированным средством выражения отношений причины и следствия, они призваны передавать дополнительное действие [Кнут, 2010, с. 21]. Действительно, деепричастные обороты не всегда выражают каузальность. Для того чтобы определить, относится ли к причинно-следственной та или иная деепричастная конструкция, достаточна трансформация предложения в конструкцию, например, с союзом *чөнки* (или любым другим специализированным средством выражения каузальности): *Шуннан соң гармунчы Салих күренмәде. Ул, үзенең жиңелүенә үртәлеп, уеннан бөтенләй киткән иде бугай* (М. Хужин. Ак колын). 'После этого гармонист Салих не показывался. Он, кажется, совсем вышел из игры, оскорбившись своему поражению'.

В этом примере деепричастие *үртәлеп* ('оскорбившись') выражает причину основного действия *киткән иде* ('вышел из игры'). Данное предложение можно легко трансформировать в сложноподчиненное с придаточным причины: *Ул үзенең*

жиңелуенә үртәлгән, шуңа күрә уеннан бөтенләй киткән иде бугай. ‘Он оскорбился своему поражению, поэтому, кажется, совсем вышел из игры’; *Ул уеннан бөтенләй киткән иде бугай, чөнки үзенең жиңелуенә үртәлде.* ‘Он, кажется, совсем вышел из игры, потому что оскорбился своему поражению’ и т.д.

Это же значение можно передать с помощью однородных сказуемых: *Ул үзенең жиңелуенә үртәлгән һәм уеннан бөтенләй киткән иде бугай.* ‘Он, кажется, оскорбился своему поражению и совсем вышел из игры’. – Однородные сказуемые *үртәлгән иде, киткән иде* выражают, во-первых, последовательность событий, во-вторых, причинно-следственную зависимость.

Как отмечает В. Кнут, «деепричастные конструкции всегда описывают внутреннюю причину, связанную с субъектом, выраженным подлежащим» [Кнут, 2010, с. 22]. Наши наблюдения показали, что чаще всего деепричастные формы выражают мотивы выполнения того или иного действия, эмоционально-психическое состояние лица, совершившего действие: *Баласын тартып алуларынан куркып, күкрәгенә ныграк кысты* (М. Хужин. Кулаklar колхозы). ‘Испугавшись, что ребенка отберут, сильнее прижала к себе. – Сильнее прижала к себе ребенка по той причине, что испугалась’; *Ул ирен беренче кабат, үч итен алдады* (Х. Сарьян. Тукран тәүбәсе). ‘Она впервые обманула мужа назло ему’.

Аффикс деепричастия *-ып/-еп* может использоваться и в отрицательной форме (*-мыйча/-мичә*): тат. *Атның, яңа киемгә күнегә алмыйча, тәне чымырдап торды* (М. Хужин. Кубыз). ‘У лошади болело все тело, не привыкнув к новому одеянию’; *Ташкын көченә түзә алмыйча, тегермән буасы ерылган* (Н. Әхмәдиев. Мөнирстан). ‘Не выдержав силы паводка, мельничная плотина разъединилась’; *Егет авыртуына түзә алмый ыңгырашып куйды* (Р. Сибат. Инабәт). ‘Парень застонал от боли’; каз. *Не айтып тұрганына түсіне алмай аң-таң болдым.* ‘Не понимая, что (он) говорил, (я) был озадачен’ [Балакаев,

1959, с. 193]; карач.-балк. *Кюнню иссилигине тѣзалмай Миша терекни салкъынына кирди*. ‘Будучи не в состоянии выдержать жару на солнце, Миша стал в тени дерева’ [Алиев, 1972, с. 196].

«На собственно синтаксическом уровне деепричастие как второстепенное сказуемое считается специализированным выразителем категории зависимого таксиса» [Кнут, 2010, с. 34]. Как показывают примеры, деепричастия обычно обозначают предшествующее действие. В редких случаях они могут выражать и одновременное действие. Например: *Албуга уңайсызланып кып-кызыл булды* (Н. Фэттах. Сызгыра торган уklar). ‘Албуге стало неловко, и он покраснел’.

Следует отметить, что местоположение деепричастных форм в татарском языке фиксирован: они всегда находятся в препозиции к предикату, которым передается основное действие. В отличие от татарского деепричастный оборот в русском языке может располагаться и в препозиции, и в постпозиции. Например, обратимся к вышерассмотренному предложению: *Ул, үзенең әжиңгелуәна үртәлеп, уеннан бәтенләй киткән иде бугай*. ‘Оскорбившись своему поражению, кажется, он совсем вышел из игры’ = > ‘Он, кажется, совсем вышел из игры, оскорбившись своему поражению’. В карачаево-балкарском языке возможно инверсивное употребление: *Келдик бу шыкъ джерге, джангурдан къачыб*. ‘Пришли в это укромное место, убегая от дождя’; *Бу джылы кийимлени мен кийгенме, сууукдан къоркъуб*. ‘Надел я эти теплые вещи, испугавшись холода’ [Алиев, 1972, с. 250, 251].

2.5. Репрезентация каузальности между однородными сказуемыми

В редких случаях каузальность репрезентируется с помощью однородных сказуемых. Как известно, однородные сказуемые обычно передают последовательные, повторяющиеся, противоположные и др. действия: *Егет кайнар су белән эскәмияне юйп*

төшерде, пешекладе, жылымса су китереп куйды (Ф. Латыйфи. Аяклы каза). ‘Парень смыл скамью горячей водой, ошпарил, принес теплую воду’; *Фажигале хэбэрне ул фронтта чакта ук инде ишеткэн булган, лэкин ышана алмаган* (Г. Әпсәләмов. Онытырлык түгел). ‘Трагическую весть он **услышал** еще на фронте, но **не смог этому поверить**’ и др.

В случае репрезентации каузальности между однородными сказуемыми один процесс выступает причиной возникновения другого. Далее рассмотрим это на конкретном примере: *Карчык башына төшкэн бу хэсрэтне күтэрэ алмады, шул көннәрдә үк дөнья куйды* (Г. Галиев. Каракөш сыртында). ‘Старуха не смогла пережить это горе и в скором времени перешла в мир иной’.

Это предложение не имеет в своем составе каких-либо средств выражения каузальности. Наше внимание привлекли сказуемые данного предложения *күтэрэ алмады* (‘не смогла пережить’) и *дөнья куйды* (‘перешла в мир иной’). Однородные сказуемые, во-первых, выражают последовательность (действия происходят друг за другом), во-вторых, первое событие является причиной второго. Между однородными сказуемыми устанавливаются причинно-следственные отношения. Предложение можно преобразовать: *Карчык, башына төшкэн бу хэсрэтне күтэрэ алмаганлыктан, шул көннәрдә үк дөнья куйды*. ‘Старуха, не сумев пережить это горе, в скором времени перешла в мир иной’; *Карчык башына төшкэн бу хэсрэтне күтэрэ алмады, шуңа күрә шул көннәрдә үк дөнья куйды*. ‘Старуха не смогла пережить это горе, поэтому в скором времени перешла в мир иной’; *Карчык шул көннәрдә үк дөнья куйды, чонки башына төшкэн бу хэсрэтне күтэрэ алмады*. ‘Старуха в скором времени перешла в мир иной, потому что не смогла пережить это горе’ и т.д.

Первое сказуемое простого предложения *күтэрэ алмады* (‘не смогла пережить’) является причиной второго – *дөнья куйды* (‘перешла в мир иной’), которое, в свою очередь, выступает

следствием данной причины. Таким образом, каузальность передается предикатами.

...*Рәшидәнең әтисе оныгын күрә алмады, [бала туган елны] вафат булды* (М. Маликова. Мендем биек тауларга). ‘Отец Рашиды не смог увидеть внука, умер в год рождения ребенка’. Не смог увидеть внука по той причине, что умер; не увидел, потому что умер; умер, поэтому не увидел, и т.д.

Әмма моны теге дошман да сизде һәм үзенең йөрешен үзгәртте (М. Мәһдиев. Юлчы! Спартага хәбәр ит...). ‘Но враг тоже это заметил и изменил свою тактику’. Изменил тактику, потому что заметил что-то; заметил, поэтому изменил, и т.д.

Рассмотрим еще один пример: [*Ачык төштә ул безне дәү адымнарны белән хәзерен дә куып җитәр иде, шуңа күрә без әрәмәлектән чыкмыйбыз шул, әрәмәлекнең өстән агач очлары кушылып каплаган тар аралыкларына сыймый ул*], *шунлыктан иелебрәк йөгерә дә безне тиз генә тотта алмый* (М. Хужин. Кубыз). ‘[В открытой местности он бы сразу догнал нас, поэтому мы и не выходим из чащи, он не может пройти через нее], поэтому **бежит** нагнувшись и **не может** нас **поймать**’.

Как видим, догоняющий вынужден по определенным причинам бежать нагнувшись, поэтому и не может догнать. В этом случае само каузальное отношение складывается не просто между однородными сказуемыми *йөгерә* (‘бежит’) и *тотта алмый* (‘не может поймать’), так как он не может поймать именно потому, что бежит нагнувшись.

Репрезентация каузальности между однородными сказуемыми наблюдается и в других тюркских языках. Например: карач.-балк. *Сабий джылынды исси чай ичди да*. ‘Ребенок согрелся, напившись горячего чая’ [Алиев, 1972, с. 220]; ног. *Жыйылгъа бара алмадым, авырып къалдым*. ‘Я не мог пойти на собрание, потому что заболел’ [Баскаков, 1940, с. 127].

Итак, в этой главе мы рассмотрели семантику и репрезентацию каузальности между членами простого предложения. Из

вышесказанного можно сделать вывод, что способы выражения каузальности в простом предложении многообразны (лексические единицы, послелог и послеложные слова, падежные, причастные и деепричастные формы, однородные сказуемые). Каждое средство передает своеобразный смысловой оттенок каузального отношения. Семантика и репрезентация каузальности между членами предложения в татарском литературном языке представлены в таблицах 1 и 2.

Как было выявлено, отдельные лексические единицы не способны выражать причинно-следственные отношения вне предложения.

Следует отметить, что средства выражения каузальности в большинстве случаев синонимичны друг другу, можно заменить одно средство на другое. Например: *Албуга уңайсызланьп кып-кызыл булды* (Н. Фэттах. Сызгыра торган уклар). 'Албуге стало неловко, и он покраснел'.

В этом примере каузальность репрезентируется с помощью деепричастной формы. Попробуем построить данное предложение, применив падежные формы (1), послелог и послеложные слова (2), однородные сказуемые (3):

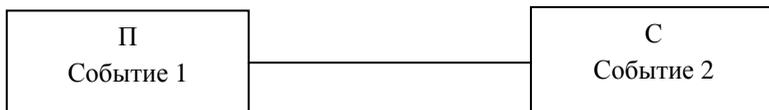
- 1) *Албуга уңайсызланганлыктан (-га) кып-кызыл булды;*
- 2) *Албуга уңайсызлану сәбәпле (уңайсызланганга күрә) кып-кызыл булды;*
- 3) *Албуга уңайсызланды һәм кып-кызыл булды.*

Как видим, замена одних средств другими не сказалась на семантике предложения, значение каузальности сохранилось.

В татарском языке при репрезентации каузальности в простом предложении причина находится в пре-, следствие – в постпозиции (при прямом порядке слов).

Репрезентацию каузальности между членами предложения можно представить следующим образом:

Репрезентация каузальности в простом предложении

Сначала всегда называется причина, а только потом – следствие.

Таблица 1

Репрезентация каузальности между членами предложения в татарском литературном языке

№	Средства выражения	Примеры
1	2	3
I.	Падежные формы: -дан/-дән, -тан/-тән, -нан/-нән -га/-гә, -ка/-кә	<i>Аны кызганудан мин куырылып төштем</i> (Н. Гыйматдинова. Күңел).
II.	Послелогои и послеложные слова: <i>өчен, белән, күрә, аркасында, сәбәпле</i>	<i>Бу күңелсез тамаша аркасында озата килүчеләр яңа гына кабергә куелган Акъбине ничектер онытып эҗибәрделәр</i> (Ә. Еники. Әйтелмәгән васыять). <i>Телеграммам өчен мине / селеккәләп ташлады...</i> (Р. Харис. Исемсезләр).
III.	Наречия причины	<i>Ирекседән хәтта тетрәнен киттем</i> (Ә. Еники. Вөждан).
IV.	Причастные и деепричастные формы	<i>Кырда кулын яралап, эшкә чыга алмаган</i> (Г. Сабитов. Өч күңел).
V.	Однородные сказуемые	<i>Әмма моны теге дошман да сизде һәм үзенең йөрешен үзгәртте</i> (М. Мәһдиев. Юлчы! Спартага хәбәр ит...).

Таблица 2

Семантика каузальности между членами предложения
в татарском литературном языке

Значение каузального отношения		Репрезентация
1		2
Выражение объекта (или действия), порождающего процесс и являющегося его причиной	Внешняя причина	– аффикс исходного падежа -дан/-дән, -тан/-тән, -нан/-нән
	Внутренняя причина (эмоционально-психическое состояние субъекта действия)	– аффикс направительного падежа -га/-гә, -ка/-кә – послелог <i>өчен</i>
Указание на причину основного действия		– послеложное слово <i>сәбәпле</i> – послелог <i>өчен</i> – послеложное слово <i>күрә</i> – наречия причины
Подчеркивание следственного компонента каузальности	Положительное / отрицательное следствие	– послеложное слово <i>аркасында</i> (в редких случаях послелог <i>өчен</i>)
Выражение объекта, являющегося причиной выполнения процесса		– послелог <i>белән</i>
Выражение обязательного, невозможного исключить следствия		– послелог <i>нәтиҗәсендә</i>
Выражение события, послужившего поводом для осуществления другого процесса		– послелог <i>нигезендә</i>
Обозначение причины, заключенной в добавочном (дополнительном) действии		– деепричастные формы -ып/-еп; -гач/-гәч, -кач/-кәч
Один процесс выступает причиной возникновения другого		– однородные сказуемые

3. СЕМАНТИКА И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАУЗАЛЬНОСТИ МЕЖДУ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ И В СЛОЖНОМ СИНТАКСИЧЕСКОМ ЦЕЛОМ В ТАТАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

3.1. Семантика и репрезентация каузальности между предложениями в составе сложноподчиненных предложений

Как уже было отмечено выше, каузальная ситуация проявляется наиболее развернуто в сложных предложениях, так как в этом случае и причина, и следствие выражаются предикативными конструкциями (предложениями).

В сложных предложениях каузальность репрезентируется с помощью определенного набора средств. В данном труде мы попытаемся рассмотреть и определить, в какой части каузальной конструкции (причинной или следственной) располагается средство выражения этого отношения на материале тюркских языков, в частности татарского языка.

Каузальность устанавливается между предложениями в составе сложноподчиненных и сложносочиненных предложений. Лингвисты (Р.А. Вафеев, И.Я. Рыбакова) отмечают, что в выражении каузальности ведущая роль принадлежит сложноподчиненным предложениям. В сложноподчиненном предложении главной частью предложения выражается – следственный, а придаточной – причинный компонент.

В татарском языке имеются два структурных типа придаточных причины: синтетические и аналитические.

3.1.1. Семантика и репрезентация каузальности между компонентами синтетических сложноподчиненных предложений

В сложноподчиненных предложениях с синтетическими придаточными причины каузальность репрезентируется при помощи следующих средств.

Сказуемое синтетического придаточного предложения, выраженное причастием (форма *-ган/-гэн, -кан/-кэн*), принимает аффикс направительного падежа, и придаточное предложение обозначает причину действия главного. Средство выражения каузальности находится в причинной части. Например: *Бернинди дә уе булмаганга, бармаклары үзләреннән-үзләре гитара кылларын чирткәли башлады* (Ә. Гаффар. Сиртмәле бишек). ‘У него не было никаких мыслей, пальцы сами собой начали перебирать струны гитары’; *Кунар-га дип чыкмаганга, минем тышавым да, кешәннәрәм дә юк икән...* (Г. Ибраһимов. Карт ялчы). ‘Я не собирался ночевать на поле, поэтому с собой у меня нет ни пут, ни веревки...’; *Ул бөтен авылда хыянатсезлеге белән бик артык танылган бер әби булганга, байлар аны үзләренә алмакчы булалар* (Г. Ибраһимов. Карт ялчы). ‘Она была известна всей деревне своей безукоризненной честностью, поэтому богачи предложили ей пойти на содержание к ним’; *Карчыкның күзләре, куллары, Ходайга шөкер, әле сәламәт булганга, ул артык мохтажлык та күрми* (Г. Ибраһимов. Карт ялчы). ‘Благодаря тому, что у старухи были здоровы глаза и руки, особой нужды она не испытывала’; *Бу арада бурлы бия бик артык холыксызланып киткәнгә, мин аның янына барырга курыктым* (Г. Ибраһимов. Алмачуар). ‘За последнее время гнедо-чалая была слишком раздражительная, поэтому я побоялся даже подойти к ней’; *Нәбинең бер күзе егерме ел буе йоклаганга, икенче күзенә ярты сәгать черем итеп алу да бик эңгә...* (Р. Төхфәтуллин. Авылдашым Нәби). ‘Один глаз Нәби спит уже двадцать лет, поэтому другому глазу полчаса вздремнуть достаточно...’; *Мәктәптә үз предметы булмаганга, Зәмәрә тарих укытырга мәҗбүр иде*

(Х. Камалов. Үксеzlәр). ‘Так как в школе не было своего предмета, Зумара была вынуждена преподавать историю’; *Тешлэнгэн булганга, мин аның прәннекләрен беркайчан да алмый идем* (Ә. Гаффар. Яра). ‘Оттого что они были надкусаны, я никогда не брал этих пряников’. Подобные примеры встречаются и в других тюркских языках: башк. *Новиков үзенең фекере менән Томинконың фекере яқын булганга шатлана*. ‘Новиков радуется тому, что его мнение близко мнению Томинко’ [ГСБЛЯ, 1981, с. 460].

В карачаево-балкарском языке сказуемое синтетического придаточного причины, выраженное причастием, принимает аффикс исходного падежа: *Кюн осыры кыыздыргъандан джер кысты-кысты джарылгъанды*. ‘Оттого, что солнце греет сильно, земля потрескалась’; *Джел осыры кючлю ургъандан адам аякъ юсюнде туралмай эди*. ‘Оттого, что дул сильный ветер, люди не могли стоять на ногах’ [Алиев, 1972, с. 318].

Как известно, в татарском языке при прямом порядке слов синтетическое придаточное предложение предшествует главному. «В поэтической и живой разговорной речи и синтетические придаточные причины могут занимать постпозицию» [Сопоставительный синтаксис, 2007, с. 187], что мы и наблюдаем в нижеприведенных примерах, взятых из стихотворной речи: *Жәй булмады минем күңелемдә, / урнашканга анда кара көз* (Р. Харис. Рәшит Ваһапов). ‘В моей душе не было лета, потому что туда вселилась осень’; *Айга карап килә улыйсым, / Буре каны миндә тулганга!* (Зөлфәт. Калыкты ай). ‘Хочется выть, глядя на луну, потому что во мне – волчья кровь!’

Придаточное причины в татарском языке может находиться и в интерпозиции. Например: *Анда, лабораториядә, куяннар житмәгәнлектән, эшсез утыралар икән...* (Х. Камалов. Куян күзе нигә кызыл?). ‘В лаборатории, оказывается, сидят без дела, так как не хватает зайцев’.

Сказуемое синтетического придаточного предложения, выраженное именем действия, принимает аффикс исходного паде-

жа, и придаточное предложение обозначает причину действия главного. Средство, при помощи которого выражается каузальность, располагается в причинной части: *Туганчыллыгым ташудан, / куанып йөрдем чабып* (Р. Харис. Исемсезләр). ‘Из-за переполнения родственных чувств я ходил словно на крыльях’.

Синтетическое придаточное предложение, присоединенное к главному с помощью аффикса исходного падежа, выражает причинную семантику и в других тюркских языках: карач.-балк. *Джашау тардан* кюнюнз чарс болдады. ‘От тесноты жизни день становится туманным’ [Алиев, 1972, с. 197]; узб. *Ёмгир ёққанлигидан* мен сизни кига келолмадим. ‘Так как шел дождь, я не мог прийти к вам’ [Кононов, 1960, с. 99].

Это же значение передается, когда сказуемое придаточного предложения выражено формой *-лыктан/-лектән*: *Әнисе фермадан кайтып кермәгәнлектән, ...ул идәннен дә юды, бәрәңгесен дә әрчеде, ашын да пешерде, савыт-сабасын да жыештырды, сылавын да сылады* (Ф. Садриев. Таң жиле). ‘Так как мать с раннего утра до позднего вечера работала на ферме, он и мыл полы, и чистил картошку, и варил суп...’; *Авылда йогышлы авыру таралганлыктан, ул мине теләмичә генә, салкын чырай белән кабул итте* (М. Шабай. Уйналмаган скрипка). ‘Он встретил меня холодно, потому что в деревне распространилась заразная болезнь’; *Ләкин июнь ае тоташ яңгырлардан торганлыктан, алар кызарырга тилмерешеп утыралар* (жиләк турында) (ТЯ, 2011, 25 июнь). ‘Ягоды никак не могут созреть из-за дождливого июня’; *Сейфларда документлар да булганлыктан, акчаның купчелек өлеше кемнеке икәне тиз ачыкланган* (ТЯ, 2011, 18 июнь). ‘В сейфах были и документы, поэтому быстро выяснили, кому принадлежит большая часть денег’.

-ган+лык+тан выражает причинно-следственное отношение между компонентами и в других тюркских языках. Эта форма, как и в татарском языке, находится в составе сказуемого придаточного предложения и связывает его с главным. Например: башк.

*Плотниктәр етешмәгәнлектән, мин дә ул вақытта балта оштаһы булып эшләнем. ‘Так как не хватало плотников, я тоже работал плотником’ [ГСБЛЯ, 1981, с. 460]; кирг. *Иттердин үнү уламдан-улам жакындап келаткандыктан, жүрөгүм оозума каптала түштү.* ‘Оборвалось у меня сердце, потому что собаки все ближе голоса подают’ (Шолохов) [Чонбашев, 1964, с. 31].*

Синтетическое придаточное предложение, сказуемое которого выражено деепричастием с аффиксом *-гач/-гәч, -кач/-кәч*, обозначает причину действия главного предложения: *Әтием өйдә булмагач, бу юлы мин аны үзем озата чыктым* (Ә. Еники. Гөләндәм туташ хатирәсе). ‘Так как отца не было дома, я сама вышла его проводить’; *Өйгә генә сыйдырып бетерерлек булмагач, үз-тирә гадирәк кунаklar өчен бакчага да бер табын әзерләнгән иде* (Ә. Еники. Жиз кыңгырау). ‘Так как в доме все не поместились, накрыли еще один стол в саду’; *Әтиләренә сүзе үтмәгәч, шул тәкъдимен әнисе Мирсәет аша һәм аның апалары аша айттерергә омтыла иде* (Р. Мөхәммәдиев. Сират күпере). ‘Так как сама не могла повлиять на мужа, их мать стремилась передать свое предложение через Мирсайта и его сестер’; *Чынлыкта алар, өй ишекләрен ачып, эчкә бер күз ташлап алдылар да, ишке кеше күренмәгәч, тоткарланып тормыйча, ары китеп бардылар* (Н. Фәттаһ. Сызгыра торган уklar). ‘На самом деле они, открыв двери, бросили взгляд и, так как не было никого подозрительного, не задерживаясь более, продолжили свой путь’; *Барыр-торыр әңире булмагач, ятим шәкерт үзенең хәлфәсенә самовар куеп, аш пешереп, әңен-кышын шул мәдрәсәдә яши биргән* (Ә. Еники. Чикерткә). ‘Деваться ему было некуда, вот и жил он при медресе летом и зимой – ставил для учителя самовар, готовил еду’; башк. *Йылгыр йәш һыбайлылар өстәлгәс, эскадрон йәнә теремкәләнеп китте.* ‘Эскадрон оживился, потому что прибыли молодые кавалеристы’ [ГСБЛЯ, 1981, с. 460].

Синтетическое придаточное предложение, сказуемое которого выражено деепричастием с аффиксом *-ын/-еп*, обозначает

причину действия главного предложения: *Радиола кызып, өйгә резин исләре чыккан иде* (Х. Сарьян. Паку!..). ‘Радиола нагрелась, и запахло резиной’, т.е. в результате того, что радиола нагрелась, запахло резиной; *Яшеннән ут чыгып, тирмәнәбез янып китте* (Г. Ибраһимов. Көтүчеләр). ‘От грозовой молнии вспыхнул пожар, и наша мельница сгорела’.

Рассмотренные примеры показывают, что для выражения каузальности широко используются деепричастия с аффиксами *-гач/-гәч, -кач/-кәч; -ып/-еп*. Как видим, средство выражения каузальности – в причинной части.

В старотатарском литературном языке синтетические придаточные причины могут прикрепляться к главному предложению с помощью форм *-дыктан, -дыгымнан, -дыгыбыздан* [Зәкиев, 2005, б. 236]. Например: *Калбем икенче жүрдә улдыгыннан, сүзләрене юньле-башлы аңыша алмаенча, гадәтән төш күргән кебек утырдым* (Ф. Кәрим. Салих бабайның өйләнүе). ‘Так как мои мысли были о другом, я сидел как во сне, не понимая их слов’; *Әхмәди байга Самар ерак улдыгыннан, Әхмәди байга килгән мәктүпләрне Габденнәсыр әфәнде почтадан алдыр икән* (З. Бигиев. Өлүф яки Гүзәл кыз Хәдичә). ‘Так как Ахмади бай жил вдалеке от Самары, письма, адресованные ему, брал с почты Габденнасыр әфәнде’.

Такая форма передает каузальную семантику в азербайджанском языке: *Тәнәффүс заманы олдугундан биз ајрылдыг*. ‘Мы расстались, так как было время перерыва’ [ГАЯ, 1971, с. 341].

Синтетические придаточные предложения, прикрепленные к главному с помощью послелогов и послеложных слов *күрә, өчен, сәбәпле, аркасында*, обозначают причину основного действия не только в татарском, но и в других тюркских языках. Средство выражения каузальности при этом находится в причинной части. Придаточное причины предшествует главному предложению. Например: тат. *Яз соңарып килү сәбәпле, үләннәр әле тиз генә чыкмаячак* (ТЯ, 2011, 5 май). ‘Весна пришла поздно, поэтому трава

еще появится не скоро'; *Кыш бик карлы булу сәбәпле, өй айланасендә кар бик күп иде ала* (Р. Мөхәммәдиев. Кош булып очар идем...). 'Вокруг дома лежали еще сугробы, потому что зимой выпало слишком много снега'; башк. *Қотлау телеграммалары күп булыу сәбәпле, иртәгә яңы йыл тигән көндө телеграф бик көсөргәнәп эшләне*. 'Накануне нового года телеграф работал очень напряженно, так как много было поздравительных телеграмм' [ГСБЛЯ, 1981, с. 460]; карач.-балк. *Исса мындан биз бери келгени-биз себебли кетгенди*. 'Исса уехал отсюда в связи с тем, что мы приехали сюда'; *Джашлары ауругъаны себебли, къартла мыдах болдула*. 'В связи с тем, что заболели их сын, старики загрустили' [Алиев, 1972, с. 321]; тат. *Карчыкның кече малае кайтып-китеп йөрмәслек бер жырда эшләгәнә күрә, аны, гомумән, чакырып маташудан мәгънә юк иде* (Ә. Еники. Әйтәлмәгән васыять). 'Так как младший сын старухи работал далеко, не было смысла звать его'; *Төсә чәчемә килешмәгәнә күрә яратмадым* (Н. Гыймәтдинова. Эвләмәгез жирдән...). 'Мне это платье не понравилось, потому что цвет не подходит моим волосам'; азерб. *Ганы ачыг олдуғуна көрә Сәнәм хала о бири отагда кедән сөһбәти ешидирди*. 'Так как дверь была открыта, то тетя Сенем слышала разговор, который велся в другой комнате' [ГАЯ, 1971, с. 302]; башк. *Бараһы ер байтақ қына булғанга күрә, без Әбделмән ағайзарза ял итеп китергә булдық*. 'Так как идти еще предстояло довольно далеко, мы решили отдохнуть у дяди Абдельмана'; *Сәлим ағайзың ақ күгәрсендәре безең қала өстөндә осоп йөрөгәнә күрә, миңә бик күңелле*. 'Мне очень весело потому, что белые голуби дяди Салима летают над нашим городом' [ГСБЛЯ, 1981, с. 461]; тат. *Кибет баскан өчен аны өч елга хөкем иттеләр* (Ә. Гаффар. Яра). 'Его осудили на три года за то, что он ограбил магазин'; *Полк командиры Прищепә очучының тирән кайгысын уртаклашасы урында аны, өч сәгатькә кичеккән өчен, шелтә белдереп һәм хәрби часть буенча чираттан тыш дежурлыкка билгеләп каршылады* (Р. Мөхәммәдиев. Кош булып очар идем...). 'Вместо того чтобы выразить летчику свои со-

болезнования, полковой командир Прищепа встретил его с упреком за опаздание на три часа и назначил на внеочередное дежурство по военной части»; *Әби белән бабайны, алар белән бергә буласы этиемне, өй түбәләре такта белән ябылган өчен, чуаш иленән Себергә сөргәннәр* (Ә. Гаффар. Жирлэгәч). ‘Бабушку и дедушку, вместе с ними и моего будущего отца сослали в Сибирь, потому что крыша их дома была покрыта досками’; башк. *Һез қыззар булған өсөн дә, һис қартаймайынса йәшәге лә, йәшәге килә!* ‘Хочется жить и жить, не зная старости, потому что есть вы, девушки!’; *Костер ягабыз кисен, балқытып урман эсен, күмәкләшеп йырлайбыз, гүмер шат булған өсөн.* ‘По вечерам мы разжигаем костер, озаряя лесную чащу, затем поем все вместе хором, потому что прекрасна жизнь’ [ГСБЛЯ, 1981, с. 461]; карач.-балк. *Суу кьобханы ючюн биз джолгъа чыгьалмадыкъ.* ‘Мы не сумели выйти в дорогу, потому что река поднялась’; *Сабийле аналары келгени ючюн кьуаннган эдиле.* ‘Дети обрадовались, потому что мать их приехала’ [Алиев, 1972, с. 318]; башк. *Бер нисә көн буйы туқтауһыз ямғыр яууу арқаһында, комбайн ашлық ура алманы.* ‘В течение нескольких дней шел дождь, поэтому комбайн не мог косить хлеб’ [ГСБЛЯ, 1981, с. 460].

Таким образом, каузальность между компонентами синтетических сложноподчиненных предложений формально репрезентируется аффиксами направительного и исходного падежей, присоединенными к причастию на *-ган*; аффиксом исходного падежа, присоединенным к имени действия; формой *-ган+лыктан*; деепричастиями с аффиксами *-гач/-гәч*, *-ып/-еп*; послелогоми и после-сложными словами *күрә*, *өчен*, *сәбәпле*, *аркасында*.

3.1.2. Семантика и репрезентация каузальности между компонентами аналитических сложноподчиненных предложений

В сложноподчиненных предложениях с аналитическими придаточными причины каузальность репрезентируется с помощью одинарных относительных (союзных) слов *шуңа күрә, шуңа, шунлыктан, шулай булгач, шуның аркасында, шул сәбәпле, шуның өчен: Мәскәүнең киң урамнары / бик еш кына тар иде, / шуңа күрә көтелмәгән / очрашулар бар иде...* (Р.Харис. Исемсезләр). ‘Широкие улицы Москвы очень часто оказывались узкими, поэтому случались неожиданные встречи’.

Относительные (союзные) слова, т.е. средства выражения каузальности, всегда находятся в составе главного предложения, следственной части. Их нельзя переставить в состав придаточного причины, в этом случае разрушаются семантика и структура предложения. Например: *Көн бик эсселәнеп китте, шуңа күрә яшьләр, артык юанмыйча, өйгә кайтырга ашыктылар* (Ә. Еники. Туган туфрак). ‘Стало очень жарко, поэтому молодежь поспешила домой’. ≠ *>Яшьләр, артык юанмыйча, өйгә кайтырга ашыктылар, шуңа күрә көн бик эсселәнеп китте.* ‘Молодежь поспешила домой, поэтому стало очень жарко’.

Шуңа күрә обозначает значение общей результативности, является специализированным и часто употребляемым средством выражения каузальности. В сложных предложениях с *шуңа күрә* заключается отношение проистекания следствия из какой-либо причины. Эта семантика выражается следственным предложением, т.е. частью с *шуңа күрә*:

Сүзләр моңа комачаулар иде, шуңа күрә дәшмәделәр, бары тик булдыра алганча елмайдылар (Ф. Садриев. Таң жиле). ‘Слова бы только помешали, поэтому промолчали, лишь улынулись’; *Яңгырларга ышанып ятып булмый, шуңа күрә республикада жирләрне ясалма сугару буенча махсус программа эшләнде*

(ТЯ, 2011, 5 май). ‘Нельзя надеяться на дожди, поэтому в республике разработали специальную программу по искусственному орошению посевных полей’; башк. *Бында эш қайнай, шуға күрә күңелле*. ‘Здесь кипит работа, поэтому весело’ [ГСБЛЯ, 1981, с. 461].

У предложений с *шуға күрә* есть вариант, в котором *шуға күрә* заменяется на *шуңа*. При этом семантика следствия не нарушается. *Шуңа* употребляется преимущественно в разговорной речи, но встречается и в художественной литературе. Например: *Үлемнән дә һәрберебез курка, / Шуңа килә яшәп каласы* (Р. Харис. Шөкер!..). ‘Каждый боится смерти, поэтому хочется пожить’; *Безгә бит гомер бер генә бирелә, шуңа без бик күп хыялларыбызны тормышка ашырып бетерә алмыйбыз* (Р. Мөхәммәдиев. Кош булып очар идем...). ‘Жизнь нам дается только один раз, поэтому мы не можем осуществить все свои мечты’. *Мөхәммәт мондый күп кешеле мәжлесләрне өнәп бетерми иде, шуңа ул шактый гына дүлкынланды...* (Р. Сибат. Инабәт). ‘Мухаммат недолюбливал такие многолюдные собрания, поэтому он значительно волновался...’

Значение слова *шунлыктан* является единственным. *Шуңа күрә* стилистически более нейтрально, чем слово *шунлыктан*, которое в основном характерно для книжной речи.

Башы да берәз әйләнә кебек, шунлыктан ара-тирә чайкалып та киткәли иде (Ә. Еники. Тынычлану). ‘У нее слегка кружится голова, поэтому изредка покачивается’; *Бу көннәрдә кар яумаган иде, шунлыктан аяк асты каты һәм такыр иде* (Н. Фәттах. Сызгыра торган уklar). ‘В эти дни снег не выпадал, поэтому земля под ногами была твердой и ровной’; башк. *Тирә-яқта семтеп алырлық та үсәмлек юқ ине, шунлыктан аттар менән ылаузарзы ышықлау, аттарзы ашатыу бигерәк қыйынға тура килде*. ‘Вокруг не было никакой растительности, поэтому укрыть лошадей и обоз, накормить лошадей было очень трудно’ [ГСБЛЯ, 1981, с. 461].

Значение слова *шунлыктан* способно передавать слово *шуннан*. Но это слово больше характерно для разговорной речи.

Относительные (союзные) слова *шуңа күрә*, *шуңа*, *шунлыктан* являются синонимичными друг другу. Например: *Юл туп-туры, шуңа күрә без ерактан ук алда жылышып торган кешеләрне күрдек* (Ә. Еники. Без дә солдатлар идек). ‘Дорога прямая, поэтому мы еще издалека увидели собравшихся людей’ => *Юл туп-туры, шуңа без ерактан ук алда жылышып торган кешеләрне күрдек; Юл туп-туры, шунлыктан без ерактан ук алда жылышып торган кешеләрне күрдек.*

В сложноподчиненных предложениях с аналитическими придаточными причины каузальность репрезентируется также при помощи следующих относительных (союзных) слов:

– *шуның өчен*: тат. *Сатлыкжанны таный алмадым / һәм күрсәттем жепнең очын мин, / Вөҗдан газабының ялкынын / йотып янам шуның өчен мин* (Р. Харис. Жәлилчеләр). ‘Я не смог распознать предателя и выдал ему наши тайны, за что теперь мучаюсь от угрызения совести’; башк. *Ауыр эштә эшләгән кеше күп энергия түгә, шуның өсөн ашарга ла күберәк кәрәк була.* ‘Человек, работающий на тяжелой работе, тратит большое количество энергии, поэтому и есть ему надо много’ [ГСБЛЯ, 1981, с. 461]. «Этот лексический элемент в роли союза впервые встречается в Орхонских памятниках» [Абдурахманов, 1960, с. 40];

– *шул сәбәпле*: тат. ...*Кунактарны биләгән жыр-биюләр кайнарлыгы гына һаман сүрелми, шул сәбәпле генә Хәсән туйны ябарга жай чыгара алмый тора иде* (Ф. Садриев. Таң жиле). ‘Песни и пляски все еще продолжают, поэтому Хасан не может найти удобного случая завершить свадьбу’; *Шулай да кешеләргә тулысынча ышанып бетми, шул сәбәпле ихласлык та жәтми* (Ф. Сафин. Саташып аткан таң). ‘Все же он не доверяет людям полностью, по этой причине ему не хватает искренности’; башк. *Сызар хәлебез қалманы, шул сәбәпле без иҫкелекте төбө-тамыры менән қороттоқ...* ‘Не было возможности дальше терпеть, поэтому мы искоренили все ненавистное прошлое...’ [ГСБЛЯ, 1981, с. 461];

– шуның аркасында: тат. *Су автомобильнең тәрәзәсенә хәтле күтәрелде. Шуның аркасында шофер халкы берничә сәгать сулы «бөке»дә утырырга мәҗбүр булды* (ТЯ, 2011, 16 июнь). ‘Вода поднялась до окон автомобилей, и из-за этого водители были вынуждены сидеть несколько часов в водяной пробке’; башк. *Язгы һыузар ағыулы химикаттарзы тупрақ менән бергә йылға һәм күлдәргә ағызып төшөрә, шул арқала балықтар қырыла*. ‘Вешние воды уносят вместе с илом ядовитые химикаты в реки и озера, и по этой причине гибнут рыбы’ [ГСБЛЯ, 1981, с. 461];

– шулай булгач: тат. *Аннары кызы да, кияве дә бик эшле кешеләр, һәр көнне үзләренең хезмәтләренә йөриләр, шулай булгач, аларның авыру әсәйләренә бөтен игътибарларын биреп бетерә алмаулары бик табигый иде* (Ә. Еники. Әйтелмәгән васыять). ‘И дочь, и зять очень занятые люди, работают каждый день, значит, естественно, что они не могут уделять все свое внимание больной матери’; башк. *Ер шарындагы кешеләр һаны артқандан арта бара, шулай булгас без күберәк икмәк, ит, мамық, агас үстөрөп алырга өйрәнергә тейешбез*. ‘Число жителей на земном шаре постоянно растет, поэтому мы должны научиться больше производить хлеба, мяса, хлопка, леса’ [ГСБЛЯ, 1981, с. 461–462].

По данным толкового словаря, *шулай булгач* является синонимом слова *димәк*: «**Шулай булгач** кер. сүз к. **димәк**» [ГТАС, 2005, б. 689], поэтому в предложении можно легко заменить одно слово другим: *Көнчыгыштан ачыкланып таң яралып килә иде – шулай булгач, озакламый тархан да йокыдан торырга тиеш иде* (Н. Фэттах. Сызгыра торган уklar). ‘Уже рассветало, значит, скоро должен был проснуться и тархан’ = > ...*Көнчыгыштан ачыкланып таң яралып килә иде, димәк, озакламый тархан да йокыдан торырга тиеш иде*.

Подчинительный союз *чөнки* находится в составе придаточного предложения (причинной части) и устанавливает при-

чинно-следственные отношения между компонентами сложного целого. Придаточное предложение при этом имеет оттенок пояснительного значения, стоит после главного. Этот союз широко используется во многих тюркских языках. Например: тат. *Ә менә көрәшине, ат чабышың, йөгерешине инде берәү дә карамый-ча калмый, **чөнки** киләсе сабан туена чаклы телдән төшмичә сөйләнәчәк хикмәтләр шушы ярышларга бәйле...* (М. Хужин. Зөбәржәт әби бирнәсе). ‘А вот борьбу, скачки не пропускает никто, потому что все самое интересное связано с этими соревнованиями’; *Бу бик урынлы боерык иде, **чөнки** картның үзенең ни дә булса уйларлык, хәрәкәт итәрлек чамасы калмаган* (Ә. Еники. Картлар). ‘Это распоряжение было очень кстати, потому что старик уже был не в состоянии о чем-либо думать’; *Тик Харис кына баштарак тылып утырды, **чөнки** ханым аңардан бер дә күзләрен алмый иде* (Ә. Еники. Шаяру). ‘Харис поначалу вел себя сдержанно, потому что ханум не сводила с него глаз’; *Ә шагыйрьнең юк һәм булмас / ярдәмчесе-мазары, / **чөнки** шагыйрь, яралмыштан, – / халык урынбасары!* (Р. Харис. Халык урынбасары). ‘У поэта нет и не будет помощника, потому что сам поэт от природы – помощник народа!’; азерб. *Ајагы артыг бир о гәдәр агрымырды, **чүнки** дидән јухары гылчасыны кәсмишидиләр.* ‘Его нога уже не так болела, потому что выше колена была ампутирована’ [ГАЯ, 1971, с. 398]; башк. *Төн буйы йоқлайзар қоштар, **сөнки** төн – йоқлар сәгәт* (Ш. Бабич). ‘Всю ночь птицы спят, потому что ночь – время сна’ [ГСБЛЯ, 1981, с. 461]; тур. *О gelirse bana yardım olmaz, **cünkü** kendisi yardıma muhtaç... diyordu.* ‘Если она и придет, мне от нее помощи не будет, потому что она сама нуждается в моей помощи... говорила она’ [Гаджиева, 1963, с. 156]; туркм. *Мен шинди урушы-жыларың ве командирлериң хеммесина танамаярын, **чүнки** (сәбәби) мен гошун бөлегине якында гелдим.* ‘Я не знаю еще всех бойцов и командиров, потому что я недавно прибыл в воинскую часть’ [Гаджиева, 1963, с. 157]; узб. *Хўжайинлардан ҳечнима*

сўрамади, чунки Ёрмат уларнинг башарасига қарашни истамас эди. 'Он ничего не спросил у хозяев, ибо Ермат не желал даже смотреть на них' [Гаджиева, 1963, с. 157]; уйғ. Jarkənt şəhəridə Səidulla Axun dəp qulaqı kəs bir molla bar edi. Enin laqabi balti edi, cunki baltistanliq edi. 'В городе Яркенде был один глухой мулла Самдулла Ахун, прозвище у него было "балты", потому что он был родом из Балтистана' [Гаджиева, 1963, с. 157].

Таким образом, для сложных предложений с подчинительным союзом *чөнки*, во-первых, характерен определенный (строго заданный) порядок следования компонентов: следственная часть находится всегда в препозиции, а причинная – в постпозиции. Во-вторых, союз *чөнки* всегда находится в составе придаточного предложения, его нельзя переставить в состав главного: *Аңа барлык егетләр берьюлы гашыйк булдылар, чөнки авылда кызлар бармак белән генә санарлык иде* (Ф. Садриев. Таң жиле). 'В нее сразу влюбились все парни, потому что девушек в деревне можно было сосчитать на пальцах' ≠ *Авилда кызлар бармак белән генә санарлык иде, чөнки аңа барлык егетләр берьюлы гашыйк булдылар*. 'Девушек в деревне можно было сосчитать на пальцах, потому что в нее сразу влюбились все парни'. Как видим, преобразование предложения приводит к потере логического значения, что доказывает необходимость соблюдения строгого порядка. Таким образом, перестановка компонентов каузальной конструкции невозможна.

В гагаузском языке придаточное причины, присоединенное к главному при помощи союзов *чўнкү, нечинки* 'потому что', может находиться и в постпозиции, и в препозиции в зависимости от семантики придаточного предложения: при постпозиции выражается общее значение причины, при препозиции – значение логического обоснования. Например: *Бу адамын ады Кёмур-Бей, ону бән таныдым, нечинки Кара денизин бойунда онуннан дууштым*. 'Имя этого человека – Кемюр-Бей, я его узнал, так как сражался с ним на берегу Черного моря' [Покров-

ская, 1978, с. 83]; *Чүнкү карангыкты, бйн тутуштурдум фаралары*. ‘Так как (поскольку) уже было темно, я включил (свет) фар’ [Гайдаржи, 1981, с. 8].

В татарском языке между причинной и следственной частями, связанными с помощью союза *чөнки*, часто ставится точка, т.е., несмотря на смысловую целостность, они оформляются как отдельные предложения. В гагаузском языке такое разделение сложноподчиненного предложения недопустимо.

В современном азербайджанском языке, как правило, предложение с *чунки* занимает постпозицию, тогда как в памятниках азербайджанского языка союз *чунки* нередко начинал сложноподчиненное предложение: *Чунки мәннән данышмырсан, гой бир стәкан чай ичим*. ‘Раз ты со мной не разговариваешь, то я выпью стакан чаю’ [Гаджиева, 1963, с. 204].

Лексема *димәк* (значит) отличается от относительных (союзных) слов *шуңа күрә, шуңа, шуңлыктан*, выражающих значение результативности, тем, что передает значение субъективного заключения. Слово *димәк* располагается в следственной части, идея проистекания следствия из причины заключается во второй части предложения, которая вводится данным компонентом. Например: *Әмма мин аңа янамыйм ич, димәк, ул миннән сагаеп шикләнмәскә тиеш иде* (М. Хужин. Мәгарә). ‘Но ведь я ему не угрожаю, значит, он не должен был мне не доверять’; *Мин авылдан март башында кайткан идем, димәк, бу жылышыка хәтле нәкъ бер ай вакыт үтеп киткән икән* (Ә. Еники. Вөждан). ‘Я приехал из деревни примерно в начале марта, значит, до этого собрания прошел ровно месяц’; *Гостиницага кайтып житәргә чама белән кырык минутлап калгандыр, димәк, әле ул сүзгә юмартланып киткән шефына тагын берничә сорау бирә ала иде* (Р. Мирхәйдәров. Жәяүле сәйран). ‘До гостиницы оставалось примерно минут сорок, значит, он мог задать еще несколько вопросов разговарившемуся шефу’; *Инде капитан Чураев ачыктан-ачык ярдәм сораган икән, димәк, хәл, чыннан да, житди төс алган* (Р. Мирхәйдәров. Жәяүле

сэйран). ‘Раз капитан Чураев открыто попросил о помощи, значит, дело действительно приняло серьезный оборот’.

Иногда часть со словом *димэк* оформляется как отдельное предложение, что является стилистическим приемом:

Ө дөрсө, чын дөрсө шул: кешеләр минем «контр булуыма» ышанмаганнар, кешеләр мине ансат кына эштән куып чыгару белән килешмэгәннәр!.. Димэк, мин беткән кеше түгел, мин яшәргә хаклы! Аннары кешеләрнең үзләренчә, үз намуслары кушканча уй-лыый белүләре дә гаять мөһим, куанычлы бер хал бит әле... Димэк, дөньяга ышаныч бар, дөнья вакыт-вакыт караңгыланып китсә дә, үзенең туры, якты юлын югалтмаячак!

Шулай уйладым мин бу минутта, шулай кабынып рухландым. Кинәт аяк астымда тигез каты эңир тойгандай булдым. Димэк, аякларны нык терәп басып торырга була икән әле! (Ө. Еники. Вөждан).

‘А истинная правда в том, что люди не поверили в то, что я контр, они не согласились с тем, что меня выгнали с работы!.. Значит, я не последний человек, я вправе жить! Потом, очень важно и радостно, что люди способны думать по совести... Значит, есть вера в мир, он не потеряет свой прямой, светлый путь.

Так я думал в эту минуту. Вдруг я словно почувствовал ровную твердую землю под своими ногами. Значит, еще можно твердо стоять на ногах!’

Слово *нәтижәдә*: *Белгечләр мәгълүматлары буенча, әлеге чирләр белән авыручылар саны һаман арта бара, нәтижәдә дөнья икътисадына триллион долларлар белән исәпләнә торган зыян килә* (ТЯ, 2011, 23 июнь). ‘По данным специалистов, число страдающих этими болезнями все растет, в результате мировая экономика терпит ущерб в триллион долларов’; *Кытайдагы көчле су басулардан басу-кырлардагы иген ташкын булып аккан, нәтижәдә азык-төлеккә бәяләр күтәрелә башлаган...* (ТЯ, 2011, 23 июнь). ‘От сильных наводнений в Китае поля оказались под водой, в результате начали подниматься цены на продовольствие’.

Көттерү интонациясе – интонация ожидания (интонация предупреждения). В словаре терминов языкознания Х.Х. Салимова (Тел гыйлеме терминнары сүзлеге, 2005) понятие *көттерү интонациясе* переведено на русский язык как *интонация ожидания*: «Көттерү интонациясе (Интонация ожидания). Сүзләр яки жөмлөләр арасындагы пауза. Ул сөйләмнең шуннан соң дәвам итәчәк кисәге турында искәртеп куя, ә әлеге кисәктә жөмләнәң моңа кадәрге өлешенә аңлатма була» [Сәлимов, 2005, б. 62]. Такой перевод ('интонация ожидания') нам представляется более точным, и мы будем применять его в данной работе.

М.З. Закиев в «Татарской грамматике» отмечает, что в тюркских языках задолго до появления союзной связи оформилась интонационная подчинительная связь. И сложноподчиненные предложения с интонационной связью частей встречаются еще в рунических памятниках VIII века: *Bilgä Tonnuqu bän özüm Tabуac ilina qylyntym: Türk budun Tabуacqa körür ärti*. 'Я сам, мудрый Тоньюкук, получил воспитание под влиянием культуры Табгач: (так как) тюркский народ был в подчинении у государства Табгач' [Закиев, 1992, с. 395].

Аналитическое придаточное предложение, присоединенное к главному с помощью интонации ожидания, может выражать причину главного предложения. Нужно отметить, что подобные предложения имеют пояснительный характер. Когда каузальность репрезентируется с помощью интонации ожидания, после следственной части делается определенная пауза, и далее следует часть, выражающая причину. Например: *Аның жиңелеп туктыйсы килми: андый кайгыны нервлары күтәрә алмый иде* (Х. Сарьян. Тукран тәүбәсе). 'Он не хочет проиграть: его нервы не могли выдержать такого горя'; *Әмма ул боларга игътибар да итмәде: аның уйлары башкада иде* (Р. Мирхәйдәров. Жәяүле сәйран). 'Но он даже не обратил внимания на все это: его мысли были о другом'; *Гайни моңа риза булмый: кадерле карты, балалары белән гомер иткән балчык өйне ташлау – мәрхүмнәрнең*

күңеленә авыр тоелыр кебек була (Г. Ибраһимов. Карт ялчы). ‘Бабушка Гайни не согласилась на это: бросить глиняную лачугу, где она прожила жизнь со своим стариком и детьми, ей казалось оскорблением памяти дорогих людей’; *Әлеге мәҗлестә дини вә милли хәрәкәтләргә сәяси оппозиция буларак катнашырга дип килгән Мулланур Вахитов белән Мирсәет Солтанғалиев берара тәмам югалып калалар: һәркем халык, милләт һәм ватан турында кайгыртып сөйли икән бит* (Р. Мөхәммәдиев. Сират күпере). ‘Мулланур Вахитов и Мирсаит Султанғалиев, пришедшие на это собрание в качестве политической оппозиции религиозным и национальным движениям, совсем растерялись: оказывается, каждый беспокоится о народе, нации и родине’.

Если глагол-сказуемое следственной части употребляется в неопределенном будущем времени, выражается предположительное следствие. Как показали наши наблюдения, такие предложения встречаются в основном в поговорках. Например: *Юлың уң булып: чиләгем мөлдәрәмә тулы* (Ышану). ‘Путь будет удачным: мои ведра полные’; *Көннәр суыта башлар: балыклар комырыкка кергән* (Ышану). ‘Похолодает: рыба опустилась на дно’; *Явым булып: карлыгачлар түбән генә очалар* (Ышану). ‘Наверное, будет дождь: ласточки летают низко’.

Придаточное предложение, присоединенное к главному при помощи интонации ожидания, выражает причину главного предложения в карачаево-балкарском языке: *Байыракъ адам ёлген болур: Муадзин, джанын-къанын аямай, минараны алты тешигинден да башын узатыб бек кёб салах тартды*. ‘Муэдзин, не жалея сил, просовывая голову во все шесть окон минарета, кричал «салах» – очевидно, умер кто-то из богатых’; *Кёбден берри джангур джаугъан болмаз: кюн бетледе юйлени топракъ башлары саргалыб башлагъандыла*. ‘Земляные крыши домов на солнце начали желтеть, очевидно, давно не было дождя’; *Ол алай таймай адам джашамагъандан болур: кёнакъ юйде джанги кирген адамны бурнуна мылы мукъут ийис урады*. ‘Но-

вому человеку, впервые вошедшему в кунацкую, бьет в нос затхлый запах: очевидно, в ней никто постоянно не живет' [Алиев, 1972, с. 318].

Слово *дип* может связывать придаточное предложение с главным. «Такая особенность его наблюдается и в Орхонских памятниках в форме *тiјин, тiп*» [Абдурахманов, 1960, с. 42]. Конструкции, построенные с помощью *дип, дигэч, дигэнгэ күрэ*, репрезентируют разные отношения, в том числе и каузальность. Например: тат. *Жир белэн Күк сугыша дип, / йөрәгем яргаланды...* (Р. Харис. Ижминсу). 'Сердце оборвалось, оттого что враждуют Небо и Земля'; *Аның да бит фронттан кайткан этисен, пленда булган дип, 1946 нчы елда утыртып куйган булалар* (Р. Мөхәммәдиев. Кош булып очар идем...). 'Ее отца, вернувшегося с фронта, в 1946 году посадили за то, что он был в плену'; *Малай кайта дип, сугымчы Галимуллага да айтмаде* (З. Хөснияяр. Кыш чыккан үгез). 'Он и Галимуллу не позвал, потому что сын должен был приехать'; карач.-балк. *Сен юзюлюб кьалырса деб, кьарт мени кьошда бир ыйыкьны тутхан эди*. 'Из-за боязни, что я заболею повторно, старик держал меня неделю' [Алиев, 1972, с. 197]; тат. *Этиец-эниец шушы йомькый малайга кояш кебек кызыбызны бирмибез дигэч, мин сине урлап качтым* (М. Хужин. Исәнме, Раушания!...). 'Я похитил тебя, так как родители отказались выдать тебя за меня'; *Зөләйха әүвәл Ләйсәннең шәһәргә китүенә аяк терәп каршы торса да, үз әнисе: «Күрше хакы – тәңре хакы, ярдәм ит, кызым. Үзеңдә сыендырып тор», – дигэч, риза булды* (З. Хөснияяр. Зөләйха кыйссасы). 'Хотя Зуләйха поначалу была категорически против переезда Лейсан в город, после того как мама попросила помочь, приютить у себя, согласилась'.

Как показывают примеры, при выражении причинно-следственных отношений конструкциями с *дип, дигэч, дигэнгэ күрэ* способ репрезентации каузальности находится в части, обозначающей причину. Придаточное предложение в татарском языке предшествует главному.

В азербайджанском языке придаточное причины, связанное с главным предложением при помощи союза *дејә* – ‘в связи с тем, что; за то, что; благодаря тому, что’, может как следовать за главным предложением, так и предшествовать ему. Например: *Әмирхань ојатмајыр, динчәлсин дејә*. ‘Он не будит Амирхана, чтобы он отдохнул’; *Раһат јатсын дејә көрпәм бешикдә, Дајанмышдыр кешикдә икид гәһрәман Бакы*. ‘Чтобы спокойно спал мой малыш в колыбели, героический Баку стоит на страже’ [ГАЯ, 1971, с. 398–399].

В карачаево-балкарском языке придаточное причины, связанное при помощи союза *деб*, предшествует главному предложению, при инверсии может находиться и в постпозиции. Например: *Арабий, безгек ишми тутханды, не болгъанды манга деб, мен уллу къайгъылы болдум*. ‘Может, лихорадка на меня напала, что это со мной случилось, – я очень забеспокоился’; *Къартны джарасына туз себмейим деб, Мазан баиша сорлукъларын да сормай къойду*. ‘Зачем берeditь раны старика, подумавши так, Мазан не стал спрашивать то, что нужно было спросить еще’ [Алиев, 1972, с. 317–318].

3.2. Семантика и репрезентация каузальности между предложениями в составе сложносочиненных предложений

Каузальность может устанавливаться между предложениями в составе сложносочиненных предложений. Части таких предложений связаны между собой сочинительными союзами (союзное сложносочиненное предложение) и интонацией (бессоюзное сложносочиненное предложение). Каузальность выявляется семантикой частей сложного целого, соотношением содержания отдельных членов предложения. Между причиной и следствием устанавливается отношение зависимости (следствие зависит от причины), которое не оформляется грамматически, а

существует логически. Например: *Аның биленнән еш кына радикулит китереп тотта, илеп эш эшләү аның өчен авыр иде* (Х. Сарьян. Паку!...). ‘У нее радикулит, ей тяжело нагибаться’.

3.2.1. Семантика и репрезентация каузальности между компонентами союзных сложносочиненных предложений

В татарском языке грамматическим средством связи компонентов сложносочиненных предложений с каузальной семантикой служат сочинительные союзы *да/дә, та/тә, һәм*. Исследованный языковой материал показал, что они могут выражать:

– развивающееся действие (второе действие является следствием первого): *Шулчак өстәл өстенә җәйгән ашъяулыкны кулы белән ялгыш тартып җибәрде дә чокыр идәнгә төшеп чәлпәрәмә килде* (М. Хужин. Ак колын). ‘В тот момент он нечаянно потянул скатерть, и чашка, упав на пол, разбилась вдребезги’;

– действие второго предложения может следовать за действием первого, объясняясь им, будучи мотивировано им: *Нуриасма кодагыеның берәз көнләшеп карап утыруын сизде һәм аңа тагын кыен булып китте* (Ф. Садриев. Таң жиле). ‘Нуриасма заметила завистливый взгляд кумы, и ей снова стало неловко’; *Алар Нуриасмага нишләптер бик шомлы күренделәр һәм ул күзләрен йомды* (Ф. Садриев. Таң жиле). ‘Они почему-то показали Нуриасме жуткими, и она закрыла глаза’;

– второе действие может следовать за действием первого как его естественное следствие: *Быел игеннәрбез уңар да көзгә байлык мул булыр* (М. Хужин. Кулаклар колхозы). ‘Нынче хлеба уродятся, и урожай будет богатым’.

Как показывают примеры, в союзных сложносочиненных предложениях с каузальной семантикой в первой части называется причина, а вторая часть представляет собой изложение факта, являющегося следствием данной причины. Порядок ком-

понентов сложного предложения при этом строго фиксирован. Предикативная единица, выражающая значение следствия, всегда следует за частью, которая содержит в себе значение причины, и не может находиться в препозиции.

Таким образом, когда сочинительные союзы выполняют не просто соединительную функцию, но и выражают причинно-следственные отношения между частями, компоненты сложного предложения невозможно переставить местами. Например, попробуем преобразовать вышерассмотренные предложения: *Шулчак өстэл өстенә жэйгән ашьяулыкны кулы белән ялгыш тартып жибәрде да чокыр идәнгә төшөп чәлпәрәмә килде* ≠ > *Шулчак чокыр идәнгә төшөп чәлпәрәмә килде да өстэл өстенә жэйгән ашьяулыкны кулы белән ялгыш тартып жибәрде*; *Нуриасма кодагыеның берәз көнләшөп карап утыруын сизде һәм аңа тагын кыен булып китте* ≠ > *Нуриасмага тагын кыен булып китте һәм ул кодагыеның берәз көнләшөп карап утыруын сизде*; *Быел игеннәребез уңар да көзгә байлык мул булыр* ≠ > *Быел көзгә байлык мул булыр да игеннәребез уңар*.

Как видим, переставление местами частей сложного целого приводит к потере логического смысла, нарушается хронологический порядок действий (*Вдруг чашка, упав на пол, разбилась вдребезги, и он нечаянно потянул скатерть*; *Нуриасме снова стало неловко, и она заметила завистливый взгляд кумы*; *Нынче урожай будет богатым, и хлеба уродятся*). Когда сочинительные союзы служат для соединения компонентов, выражая при этом, скажем, параллельные действия, такого не наблюдается. Например: *Үги әнинең самавыры кайнап тора һәм бәрәңге дучмагы мичтән чыгып кына килә иде* (Ш. Маннур. Яңа жыр килде). ‘У мачехи как раз закипал самовар, и она вынимала из печи картофельный дучмак’ = > *Үги әнинең бәрәңге дучмагы мичтән чыгып кына килә һәм самавыры кайнап тора иде*.

Порядок следования частей играет важную роль в подобных предложениях и в русском языке. Как отмечает Ю.Ю. Ле-

денев, одной из особенностей сложносочиненных предложений является то, что «семантическая структура представляет собой взаимодействие двух равноправных предикативных единиц, объединенных в причинно-следственную ситуацию благодаря последовательности частей» [Леденев, 1996, с. 148].

Действительно, как показывают проанализированные нами примеры, каузальность между компонентами сложносочиненных предложений складывается тогда, когда последующая часть выражает результат действия, описанного в предыдущей. Значит, при репрезентации каузальности между частями сложносочиненных предложений определяющую роль играет порядок следования компонентов.

Репрезентация каузальности между компонентами сложносочиненных предложений свойственна не только татарскому языку. «Выражение отношений результативных и причинно-следственных, в широком смысле этого слова, есть одна из важнейших функций соединения предложений союзом *и* в русском языке». Например: *Душно стало в сакле, и я вышел на воздух освежиться* (М. Лермонтов) [Вопросы синтаксиса современного русского языка, 1950, с. 374].

Многозначность сочинительного союза *и* подчеркивается и В.В. Виноградовым. Он отмечает способность этого союза выражать причинно-следственные, временные и другие отношения [Виноградов, 1947, с. 710].

Каузальность может выражаться с помощью союза *и* (*and*) и в английском языке. Например: *She gave me of the tree, and I did eat* (J. Milton) [Аматов, 2005, с. 109].

В узбекском языке в сложносочиненных предложениях с причинно-следственным значением средством связи частей служат соединительные союзы *ва, хам* или частицы (*-у, -ю, -да*) в функции союза [Абдурахманов, 1960, с. 74].

В карачаево-балкарском языке по характеру отношений компонентов выделяются сложносочиненные предложения последова-

тельности, в которых усиление признака логической последовательности действий приводит к каузальной семантике. Союз *да* усиливает следственную связь между компонентами: *Джылытыраб джаныб кюн тийди да, тегерекде бузлатыб турган кяр тутхучсуз болуб эриб тебреди*. ‘Блестя и разгораясь, показалось солнце, и снег, державший все вокруг в морозной тверди, потерял свою крепость и стал таять’; *Кьулакь юзюлдю да, ёзен ауур тауушдан толду*. ‘Получился обвал, и ущелье наполнилось тяжелым грохотом’; *Кьургьакьсыб турган джерге кючлю джангурла джаудула да, сабанла джангыдан кегердиле*. ‘На сухую землю выпали обильные дожди, и посевы зазеленели вновь’ [Алиев, 1972, с. 271–272]; *Джел урду да, терекледен алмала акьдыла*. ‘Дунул ветер, и с деревьев упали яблоки’ [Алиев, 1972, с. 278].

Причинно-следственные отношения можно проследить и между компонентами сложносочиненного предложения, связанными между собой союзом *эм* (соответствует татарскому *һәм*): *Джангур джаугьаны тохтады, эм кюн тийди*. ‘Дождь перестал, и взошло солнце’ [Алиев, 1972, с. 277].

Как показывает проанализированный материал, между компонентами союзных сложносочиненных предложений устанавливаются не выраженные эксплицитно причинно-следственные отношения. Компоненты сложного предложения при этом связываются сочинительными союзами *да/дә, та/тә, һәм*.

3.2.2. Семантика и репрезентация каузальности между компонентами бессоюзных сложносочиненных предложений

Репрезентация каузальности между компонентами бессоюзных сложносочиненных предложений для татарского языка является не самым типичным способом. В таких предложениях вторая часть выражает следствие первой, они близки по смыслу сложноподчиненным предложениям: *Кьшитан бирле Алабуга*

студентлары да чакыра иде, бер уңайдан аларга да кереп чыгарга булдык (Х. Сарьян. Башкорт кызы). ‘Еще с зимы нас приглашали студенты Елабуги, решили и к ним завернуть’; *Анда корыган үлән шактый куге һәм биек иде, кышкы көтү өчен аннан да яхшырак җирнең булуы да мөмкин түгел иде* (Н. Фэттах. Сызгыра торган уklar). ‘Засохшая трава там была довольно густой и высокой, лучшего места для зимнего пастбища и не могло быть’; *Тик мондый үгет-нәсихәттән авыл халкы күптән инде гарык иде, берәү дә янчыгын чишәргә ашыкмады* (Ш. Хөсәенов. Мәхәббәт һәм нәфрәт). ‘Но деревенским людям уже давно надоели такие нравоучения, никто не торопился вынимать свой кошелек’; *Кышын аларны җыеп та бетерә алмадылар, күбесе кар астында калды* (Ә. Еники. Без дә солдатлар идея). ‘Зимой не смогли все собрать, многое осталось под снегом’.

Первая часть бессоюзных сложносочиненных предложений относительно самостоятельна. Вторая предикативная единица также не имеет формальных показателей зависимости. Взаимосвязь частей определяется на основании содержания целого. Как отмечает А.М. Амапов, «в сложносочиненных предложениях с бессоюзной связью каузальные отношения выражаются исключительно за счет семантики простых предложений, входящих в состав сложного» [Амапов, 2005, с. 110].

Между компонентами такого бессоюзного сложносочиненного предложения можно поставить средство выражения каузальности. В этом случае образуется сложноподчиненное предложение с придаточным причины. Например: *Мин ятим үстерәм, ипи валчыгы да исәптә* (Н. Гыйматдинова. Эзләмәгез жирдән...). ‘Я воспитываю сироту, каждая хлебная крошка на счету’ => *Мин ятим үстергәнлектән (үстергәнгә, үстерү сәбәпле, үстергәнгә күрә), ипи валчыгы да исәптә; Мин ятим үстерәм, шунлыктан (шуңа күрә, шуның өчен, шул сәбәпле) ипи валчыгы да исәптә; Ипи валчыгы да исәптә: (чөнки) мин ятим үстерәм* и т.д. *Яз соңарып килде быел, па-*

роходлар эле генә йөри башлады (М. Маликова. Мендем биек тауларга). ‘В этом году весна запоздала, пароходы только начали плавать’ = > *Быел яз соңарып килү сәбәпле, пароходлар эле генә йөри башлады. Редакцияләргә халык күп йөри, коридор буш тормый* (М. Маликова. Мендем биек тауларга). ‘В редакции ходят много народа, коридоры не пустуют’ = > *Редакцияләргә халык күп йөргәнлектән, коридор буш тормый.*

В бессоюзных сложносочиненных предложениях, как и в союзных, порядок компонентов является фиксированным: следственная часть находится в постпозиции.

Компоненты бессоюзного сложносочиненного предложения связаны между собой с помощью интонации (но это не интонация перечисления). В первом предложении присутствует интонация незавершенности, однако она не выражает смысловых отношений.

Таким образом, в бессоюзных сложносочиненных предложениях каузальность репрезентируется, во-первых, за счет семантики компонентов, во-вторых, благодаря порядку следования предикативных единиц.

Репрезентация каузальности между компонентами бессоюзных конструкций встречается и в других тюркских языках. В грамматике узбекского языка отмечается, что между частями бессоюзного предложения уже в древнейший период могли устанавливаться разные отношения, в том числе и причинно-следственные. Например: *Оқподшо от олиб, князь учта отдан иккитасини бериб юборди...* (А. Қаххор). ‘Царь потребовал коней, князь отдал двух коней из трех’ [Абдурахманов, 1960, с. 76]. И в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» указывается, что примыкаемые простые предложения передают не только сочинительные, но и подчинительные отношения (в том числе причинно-следственные). Например, в казахском языке: *Қънанбај был жеріне дауласқан жоқ, Қънанбај тәсінді.* ‘Кунанбай не вступил в спор по этому вопросу, он понял’ [Серебренников, 1986, с. 275–276].

В гагаузском языке вторая часть бессоюзного сложносочиненного предложения может содержать в себе сообщение о результате действия, названного в первой части: *Шинди бендй вар хепсижиши, бйн кысметлишим*. ‘Теперь у меня есть все, я счастлива’; *Шиндйн сора душман биздйн ирак, бурада йаишайжэз*. ‘Отныне враг от нас далеко, будем жить здесь’ [Покровская, 1978, с. 67].

В «Грамматике современного узбекского литературного языка» А.Н. Кононова такие предложения, как «*Албатта, бу нарсаларни яхши биласиз, ёш, тажрибасиз раис эмассиз*. ‘Конечно, вы эти вещи хорошо знаете, председатель вы не молодой, не без опыта’» [Кононов, 1960, с. 410], рассматриваются в качестве сложноподчиненных с союзной паузой, передающих причинные отношения, в которых первое предложение – главное, а второе – придаточное. А следующее предложение, также являющееся сложноподчиненным с союзной паузой, считается передающим следственные отношения: «*Сени кўрдим, қувонди кўзлар / Сени кўрдим, жўр урди дилим / Сени кўрдим, ўйнади юрак*. ‘Я увидел тебя – обрадовались глаза, / Я увидел тебя – сердце мое запело, / Я увидел тебя – взволновался’» [Кононов, 1960, с. 411].

В сложносочиненных предложениях азербайджанского языка, построенных на основе каузальной связи компонентов, действие, происходящее в первом компоненте, является причиной, а во второй части содержится следствие, результат: *Илыг һава ахыны сел кими кәмини бүрүјүр, һәррәт дәрһал адамларын гырышыгыны ачырды*. ‘Теплая струя воздуха как поток окутывала корабль, и тепло сразу подняло настроение людей’; *Хәзан кәлди, сојуглар дүшдү*. ‘Пришла осень, холода начались’; *Торпагы дуз басмыш, кәндлиләр дә башга јерә көчмүшләр*. ‘Земля покрылась солью, крестьяне перекочевали в другое место’ [ГАЯ, 1971, с. 377].

Бессоюзные сложносочиненные предложения, вторая часть которых обобщает содержание препозитивных компонентов, выражает причинно-следственное значение и в башкирском языке: *Алтын да бар Уралда, көмөш тә бар Уралда – Урал – бай тау ул*.

‘На Урале есть и золото, на Урале есть и серебро: Урал – богатая гора’ [ГСБЛЯ, 1981, с. 450].

Иногда для выражения каузальности в одном предложении могут употребляться и сочинительные, и подчинительные средства. Например, в предложении *Бу күл Сөн әсирендә иң зур күлләрдән санала иде һәм шуның өчен дә ул Диңгез-күл див атала иде дә* (Н. Фәттах. Сызгыра торган уklar). ‘Это озеро считалось самым большим на земле Сунь, и поэтому оно называлось озером Море’ использованы и сочинительный союз, и относительное (союзное) слово.

Жырның икенче яртысын, Ярхәметдиннең тагәрәвек аккомпанементыннан соң, ул тирән сулыш кушып алып китте, һәм шуңа күрә кайбер иҗекнең алдына ул «һы», «һа» кисәкчәләре кушып җибәрә башлады (М. Мәһдиев. Бер моң). ‘Вторую часть песни, после аккомпанемента Ярхәметдина, он начал с глубокого вдоха, и поэтому перед некоторыми слогами начал добавлять частицы «хы», «ха»’.

И в этом примере видим союз *һәм*, который употребляется в сложносочиненном предложении, и относительное (союзное) слово *шуңа күрә*, при помощи которого придаточное причины присоединяется к главному предложению, т.е. средство, используемое в сложноподчиненном предложении.

Встречаются предложения, содержащие в себе и синтетические, и аналитические средства выражения каузальности. Например: *Чәчәк тә атмагач, ул, димәк, орлык белән шиһәм...* (Г. Хәсәнов. Абага). ‘Раз не цветет, значит, не размножается семенами’. В данном предложении имеется аффикс деепричастия *-гач* (синтетическое средство) и слово *димәк* (аналитическое средство).

Таким образом, сложносочиненные предложения, выражающие каузальность, близки по семантике сложноподчиненным предложениям.

3.3. Семантика и репрезентация каузальности между вставочными и основными предложениями, основными предложениями и присоединительными конструкциями, между самостоятельными предложениями и между абзацами

3.3.1. Семантика и репрезентация каузальности между вставочными и основными предложениями

В языковой структуре художественных текстов встречаются предложения, которые, хотя и оформлены как вводные, выражают не модальное значение, а вносят в высказывание дополнительную информацию, какие-нибудь уточнения, расширяют информационное содержание предложения. М.З. Закиев называет такие предложения *вставными* или *включенными* [Закиев, 1995, с. 517]. Они рассматриваются с вводными, потому что также отражают отношение говорящего.

Проанализированные нами примеры показывают, что каузальность может устанавливаться между вставочными и основными предложениями.

В татарском языке еще не установлены возможные смысловые отношения между вставочными и основными предложениями [Закиев, 1995, с. 519]. Но, несмотря на это, на наш взгляд, в следующих примерах можно увидеть вставочные предложения со значением причины: *Татар булсын, ди (чөнки безнең цехта күпчелек татарлар), укыганрак, аңлырак кеше табарга куша* (Ә. Еники. Вөждан). ‘Говорит, чтобы был татарин (потому что в нашем цехе много татар), велит найти человека пообразованнее, поумнее’; *Нуриасма аңа тыштан ачуланган була (чөнки эчке шатлыкны ничектер яшерергә кирәк!), үпкәләгән була, аның үзен үрти* (Ф. Садриев. Таң жиле). ‘Нуриасма делает вид, что сердится на него (потому что надо как-то скрыть свою внутреннюю радость!), что обиделась, дразнит его самого’.

В вышеприведенных примерах причинно-следственное отношение между вставочными и основными предложениями подчеркивается подчинительным союзом *чөнки*. Однако он выступает лишь дополнительным средством выражения каузальности, основным же является семантика всего предложения, так что даже если убрать *чөнки*, это смысловое отношение сохранится: *Татар булсын, ди (безнең цехта күпчелек татарлар), укыганрак, аңлырак кеше табарга куша; Нуриасма аңа тыштан ачуланган була (эчке шатлыкны ничектер яшерергә кирәк!), үпкәләгән була, аның үзен ұрти.*

Вставочные предложения располагаются после основного предложения и поясняют его: *Бу урынга килеп эләккәннән бирле хатлар алганыбыз юк (чөнки хатлар рота адресына киләләр)* (Ө. Еники. Без дә солдатлар идек). ‘С тех пор, как прибыли сюда, не получаем писем (потому что письма приходят на адрес роты)’; *Мылтыкларына сүз юк, чиста, әйбәт. (Чөнки көн саен диарлек чистартырга мәҗбүр итәбез.)* (Ө. Еники. Без дә солдатлар идек). ‘К ружьям нет никаких претензий. (Потому что почти каждый день заставляем чистить)’; *Ләкин мин тәмәке тарттырмыйм (түрдә, чаршау эчендә әнкәй авырып ята)* (Ө. Еники. Вөждан). ‘Но я не разрешаю курить (за занавеской лежит больная мать)’; *Ләкин соңгы ике-өч көн эчендә алар күрәнмәс булдылар; ахрысы, хатын бу хәтәр җирдән кызын тынычрак урынга алып киткәндер дип уйладым. (Чөнки безнең хуҗаның да аны, кит, торма монда, тиле, дип куганын ничектер ишетеп калган идем.)* (Ө. Еники. Без дә солдатлар идек). ‘Но за последние два-три дня они исчезли; я подумал, что, видно, женщина увезла свою дочь из этого опасного места в более спокойное. (Потому что я как-то сам слышал, как наш хозяин советовал ей поскорее уехать отсюда.)’; *Ул шундый итеп утырган – аны президиумда дип тә уйларга була (чөнки йөзе белән безгә караган), шул ук вакытта өсталдән берәз читтәрәк тә – теләсәң ничек аңла!..* (Ө. Еники. Вөждан). ‘Он сел так, что его можно считать и в президиуме (по-

тому что лицо обращено к нам), в то же время немного в стороне от стола – понимай как хочешь!..’

Как показывают примеры, в составе вставочных предложений со значением причины часто используется подчинительный союз *чөнки*, основное предложение выражает следственную семантику, вставочное – причинную.

При репрезентации каузальности между вставочными и основными предложениями вставочным предложением может выражаться и следственная часть. Например: *Үги ананың түрә малае нинди зур кәнәфи били (димәк, акчасы тау хәтле), ә карт әнкәсе мәчеттә идән юа, имеш* (Н. Гыйматдинова. Эзләмәгез жирдән...). ‘Сын мачехи занимает высокую должность (значит, денег у него очень много), а его пожилая мать, говорят, моет полы в мечети’; *Менә безнең территориядә дә эш әкрәнләп сүрелә башлады, машиналарның килүе шактый кимеде, аннары зуррак начальниклар да китеп беттеләр. Бу инде яхшы фал иде. (Димәк, эшнең кызуы алга күчте дигән сүз.)* (Ә. Еники. Без дә солдатлар идек). ‘Вот и на нашей территории работы стало меньше, начальники все прибыли. Это уже было хорошим знаком. (Значит, все идет по плану.)’

Как видим, в языковой структуре встречаются вставочные предложения со значением причины/следствия.

3.3.2. Семантика и репрезентация каузальности между основными предложениями и присоединительными конструкциями

Конструкции с каузальной семантикой широко используются и в разговорной (устной) речи. Как известно, при разговорной речи некоторые факты могут располагаться и за пределами предложения. При этом они сами не оформляются как предложения, а лишь присоединяются к предыдущему. Источником присоединительных конструкций является порядок слов

в живой разговорной речи. Они применяются и в литературной художественной речи «как стилистический прием для сжатой характеристики предмета, явления, детализации обстановки, оценки предшествующего высказывания. Одновременно они создают напряженность повествования, выражают внутреннее состояние говорящего и т.д.» [Закиев, 1995, с. 348].

Как отмечает Ф.С. Сафиуллина («Синтаксис татарской разговорной речи», 1978), разные обстоятельственные значения могут выражаться и с помощью присоединенных синтагм. Так, присоединенные конструкции с деепричастиями на *-гач/-гәч*, *-кач/-кәч* обозначают причину действия, названного в основном (главном) высказывании. Например:

«Хәкимжан. *Хур итте бу мине, тереләй кабергә күмде! Камилә карчык сүзенә ышанып йөргәч ни...* (Г.Н.)» [Сафиуллина, 1978, с. 220].

Причину действия также выражают присоединенные синтагмы с послелогом *өчен*: «*Менә күптән түгел бер гаепсезгә судка чакырып багыренә төштеләр аның. Завхозга ике кубометр такта алып кайткан өчен* (М. Маликова). *Менә мине сездән алда кайтарып җибәрделәр. Укытучылар техникумын бетергәнем өчен* (М. Мәһдиев.). *Беренче елны ук аны куып чыгаралар. Начар доклады өчен* (Г.С.)»¹ [Сафиуллина, 1978, с. 224].

В выявленных нами примерах каузальность между основным предложением и присоединительной конструкцией репрезентируется с помощью:

– падежных аффиксов: *Күңелдә курку хисе уянды. Ялгызым булудан* (Г. Хәсәнов. Абага). ‘В душе появилось чувство страха. От одиночества’;

– аффиксов деепричастий: *Каеның да, барысың да кистеләр. Хужасыз калгач ни...* (Ә. Еники. Туган туфрақ). ‘И березу, и все

¹ Примеры, взятые из вышеупомянутого труда Ф.С. Сафиуллиной, даются без перевода на русский язык.

остальное срубили. Потому что все осталось без хозяина'; *Мине эти да бик ярата иде. Дурт кыздан соң бердәнбер малай булгач!..* (Х. Сарьян. Егет язмышы). 'Меня и отец очень любил. Потому что я родился после четырех дочерей';

– послелогов: *Ындыр табагы колхозның иң ышанычлы урыны. Анда сакчы булганы очен түгел, сакчысы Нури карт булган очен* (Н. Әхмәдиев. Мөнирстан). 'Зерноток – самое надежное место колхоза. Не потому что там есть охранник, а потому что охранник – Нури'; *Ник чыкмаганлыгын да яхшы беләм: кыз миңа уккалаган. Барыйны ияртеп килмәгәнем очен* (З. Хөснияра. Терсәк сугышы). 'Мне хорошо известно, почему она не вышла: девушка обиделась на меня. За то что я не взял с собой Барыя';

– подчинительного союза *чөнки*: *Минем да бу йортка дэгъвам юк инде. Фатирым бар чөнки* (Н. Гыйматдинова. Эзләмәгез жирдән...). 'Я не претендую на этот дом. Есть своя квартира потому что'; *Икенчедән, Костюченко полкында квалификацияле очучылар болай да житәрлек. Ул аларны таба, тәрбияли һәм үстерә белә чөнки* (Р. Мөхәммәдиев. Кош булып очар идем...). 'Во-вторых, в полке Костюченко и так достаточно квалифицированных летчиков. Он умеет их находить, воспитывать и развивать потому что'.

Как видим, основным предложением выражается следственная часть, присоединительными конструкциями не только репрезентируется, но и подчеркивается причинный компонент каузальности.

3.3.3. Семантика и репрезентация каузальности между самостоятельными предложениями и между абзацами

Мы рассмотрели семантику и репрезентацию каузальности на уровне простого (простого осложненного) предложения, т.е. словосочетания, сложного (сложноподчиненного, союзного и бессоюзного сложносочиненного) предложения. Причинно-

следственные отношения также устанавливаются между самостоятельными предложениями и между абзацами.

В случае репрезентации каузальности между отдельными предикативными единицами в первом предложении называется следствие, причина раскрывается в следующем предложении. Например: *Боларны иштетп кенә белә Зөлфия. Үги ана белән ара-лашканы юк* (Н. Гыйматдинова. Эзләмәгез жирдән...). ‘Зульфия знает все это только понаслышке. Она не общается с мачехой’; *Йолдызларга озак карап ята алмадык. Дымлы жир суык иде* (Р. Вәлиев. Эт кояшы). ‘Мы не смогли долго лежать, смотря на звезды. Сырая земля была холодной’; *Комплимент әйтү гади кешеләрнең гадәтендә юк. Төчеләнүне яратмыйлар алар* (М. Юныс. Теләп алынган давыл). ‘Простые люди не имеют привычки говорить комплименты. Они не любят слащавить’; *Әнкәй мине бик иртә уятты. Поездга житешергә кирәк иде* (Р. Вәлиев). ‘Мама очень рано меня разбудила. Надо было успеть на поезд’; *(Чәчәкле-чүккы гәлләрен күрсәтер өчен, урам ягындагы тәрәзәләр ачылган.) Тузан керә дип борчыласы юк. Яңгырлы көндә ерак авыллардан машина көпчәгенә ияреп килгән үзле кара балчык, кояш чыккач, асфальт юл өстенә сумала булып ката...* (К. Кәримов. Сакау күке). ‘(Окна, выходящие на улицу, открыты.) Не стоит волноваться, что в доме появится пыль. Черная глина, от приезжих в дождливые дни из дальних деревень машинных колес, ложится на асфальт смолой’; *Ул башта Жәгүрне танымады. Картайган, таушалган, элек тә озын муены аркан юанлыгы гына калган, кап-кара яргаланган куллары гел тамырлардан гына тора дип уйларсың* (А. Гыйләжев. Кылдан нәзек, кылычтан үткен). ‘Он сначала не узнал Джагура. Состарился, и раньше длинная шея стала толщиной в канат, можно подумать, что его черные потрепанные руки состоят из одних жил’.

Каузальность реализуется и на уровне текста. Например:

Ә Прищепида кадрлар кытлыгы. Гәлак булчуылар да күп булды, ташлап китүчеләр дә бар. Теге чакта катапультта ясап

исэн калган Жораны стройбатка жиберделэр. Менэ дигэн очу-чы иде югыйсэ, Прищепа үзен якламады (Р. Мөхөммәдиев. Кош булып очар идем...). ‘А у Прищепы нехватка кадров. Много было и погибших, есть и бросившие. Жору отправили в стройбат. Он был хорошим летчиком, Прищепа за него не заступился’.

Как видим, в вышеизложенном отрывке нет формальных средств передачи каузальности. Предложения следуют друг за другом и, если рассмотреть их в отдельности, не выражают причинно-следственных отношений. В этом конкретном случае каузальность реализуется на уровне контекста (абзаца). В первом предложении (*Ә Прищепада кадрлар кытлыгы – А у Прищепы нехватка кадров*) называется реальный факт, в последующих предложениях раскрываются причины этого события, то есть кадров не хватает, потому что кто-то погиб, кто-то ушел, хорошо летчика Жору отправили в стройбат, так как Прищепа за него не заступился. Автор объясняет читателю, почему все так произошло, почему существует проблема нехватки кадров. Таким образом, перед нами встает ясная картина: следствие (результат) и причины, которые привели именно к такому следствию.

Как известно, текст обладает структурной целостностью, которая может образоваться за счет наличия обобщающего предложения:

Миңа су, диңгез стихиясе сеңеп калуның тагын икенче бер сәбәбе дә бар.

Безнең эти шул киң, көчле дулкынлы суның теге ягында маллар көтүли һәм ул көн саен көймә белән өйгә қунарға қайта иде. Ә үзегез беләсез – зур суның тыныч вакыты бик сирәк була. Шуңа күрә көн саен кич жітә башласа «Бүген дулкын ничек микән инде?», «Жил басылса ярар иде...», «Исән-имин генә чыга алсалар ярар иде...» кебек сүзләр кабатлана иде. Алар миндә, бәләкәй кешедә, алегә су, диңгез стихиясен тагын да көчәйтәләр, тирәнәйтәләр иде... (М. Вәлиев. Сәер кеше). ‘Есть еще одна причина того, что в меня впиталась стихия воды, моря.’

Наш отец пас стадо на том берегу широкой, с сильными волнами воды и каждый день на лодке приплывал домой ночевать. А вы сами знаете – большая вода очень редко бывает спокойной. Поэтому каждый день по вечерам повторялись такие слова, как «Какая, интересно, сегодня волна?», «Хоть бы ветер утих...», «Хоть бы смогли выйти живыми-невредимыми...». Эти слова усиливали во мне, маленьком человеке, стихию воды, моря’.

Уткән ел миңа бер больницага бик еш йөрергә туры килде. Юк, үзем авырып түгел. Башта якын дуствыма шактый катлаулы операция ясадылар, аның янына ике көннең берендә диярлек барырга туры килде. Аннан соң җәмәгәтем, авырып китеп, шул ук больницага элэкте, айга якын ятты (М. Вәлиев. Каршылык). ‘В прошлом году мне пришлось очень часто ходить в одну больницу. Нет, не потому что мне нездоровилось. Сначала моему близкому другу сделали довольно сложную операцию, пришлось навещать его чуть ли не через день. Затем моя супруга, заболев, попала в эту больницу и пролежала там около месяца’.

Во всех вышерассмотренных примерах в первом предложении называется следствие, далее следует причинная часть.

В определенном абзаце могут содержаться разные средства выражения каузальности. Например, в каждом предложении нижеприведенного абзаца имеется какое-либо средство выражения каузального отношения:

Гасыйм Сәләхович та шәрә килеш диярлек, киң кроватеның читенә таянып, күзләрен дә ачарга иренеп, тик кенә утыра. Әллә ялкаулыктан, әллә хәлсезлектән? Икесе дә бардыр, ахрысы. Шулай да ялкаулыгы хәлсезлектән. Хәлсез булганга күрә, аның кыл да кыймылдатасы килми. Чөнки ул бик начар йоклады, тирләдепеште, әйләнде-тулганды – һаман да шул әшәке эсселек аркасында. Әмма сәбәп бер аңарда гына түгел ишкелле... Төп сәбәп йөрәгендә булса кирәк – йөрәге таза түгел Гасыйм Сәләховичның... (Ә. Еники. Тынычлану). ‘Гасим Салахович сидит на краю широкой кровати, не открывая глаз. То ли от лени, то ли

от бессилия? Видимо, и от того, и от другого. Все же его лень была от бессилия. Оттого что он был бессильным, он не хотел даже шевелиться. Потому что он спал очень плохо, весь вспотел, переворачивался с бока на бок – все из-за этой проклятой жары. Но причина, кажется, была не только в этом... Главная причина, должно быть, в сердце – у Гасима Салаховича нездоровое сердце...’

Исследование репрезентации каузальности на уровне текста раскрывает сущность основных закономерностей построения сложного синтаксического целого. Причинно-следственное отношение между частями текста, как правило, выражается имплицитно, т.е. без использования специализированных средств, вытекает из общего смыслового содержания.

3.4. Семантические оттенки каузальности, выраженные модальными средствами

3.4.1. Репрезентация степени достоверности каузальной семантики модальными словами

Модальные слова выражают отношение говорящего к сообщаемой мысли [Татарская грамматика, 1993, с. 338], т.е. они лишь указывают на степень достоверности высказывания и не являются средством передачи каузальности.

В определенном контексте модальные слова могут усилить, конкретизировать каузальное значение или указывать на предположительную причину. Например: *...Теге башта Нэби көшелдэн капчыкларга ашылык тутыручы кызларга ниндидер мазак сүз айтте, **ахры**, кызлар шаркылдап көлеп жибарделәр* (Р. Төхфәтуллин. Авылдашым Нэби). ‘...На дальнем конце тока рассмеялись девушки, видимо, Нэби сказал им что-то смешное’.

Хотя данное предложение оформлено как сложносочиненное, и между компонентами нет формальных показателей зависимости, по семантике оно тождественно сложноподчиненному предложению: *...теге башта Нэби көшелдэн капчыкларга ашылык тутыручы*

кызларга ниндидер мазэк сүз айтте, ахры, **шуңа күрә** кызлар шаркылдап көлөп жибәрделәр. ‘...видимо, Нэби сказал что-то смешное, поэтому на дальнем конце тока рассмеялись девушки’; ...кызлар шаркылдап көлөп жибәрделәр, **чөнки** теге башта Нэби көшелдән капчыкларга ашлык тутыручы кызларга ниндидер мазэк сүз айтте, ахры. ‘...на дальнем конце тока рассмеялись девушки, потому что Нэби, видимо, сказал им что-то смешное’ и др.

Таким образом, по семантике одно предложение (*Кызлар шаркылдап көлөп жибәрделәр*) – главное, другое (*Теге башта Нэби көшелдән капчыкларга ашлык тутыручы кызларга ниндидер мазэк сүз айтте, ахры*) – зависимое, т.е. возможной причиной является то, что *Нэби сказал что-то смешное*, в результате *девушки рассмеялись*.

Как видим, модальное слово *ахры* вносит в это предложение значение предположительности. Названное в придаточной (по смыслу) части действие необязательно приводит именно к такому выводу (следствию). Причина (*Нэби сказал что-то смешное*) является предполагаемой (сомнительной, возможной), так как девушки могли рассмеяться и по какой-либо другой причине.

Такие предложения встречаются и в русском языке. М.В. Всеволодова отмечает, что в предложениях типа *Чемоданчик-то, видно, тяжелый, что вы так запыхались; Он уже второй день не ходит на занятия, заболел, должно быть* дается только следственный компонент каузальной конструкции, на основе которого делаем вывод о причинном. «Такой вариант выражения причинно-следственных отношений впервые был выделен Л.Л. Бабаловой и назван термином «логический вывод» [Всеволодова, 2005, с. 2].

Как показал анализ собранных нами примеров, обычно в предложениях подобного типа употребляются модальные слова *ахры* (*ахрысы*), *күрәсең*, *бугай*, *мөгаен*, выражающие предположение, сомнение говорящего по поводу достоверности того или иного суждения. Рассмотрим несколько предложений:

*Гайния сүзен әйтеп бетерә алмады, авызын томаладылар, **ахры*** (Н. Әхмәдиев. Мөнирстан). ‘Гайния не смогла договорить, видимо, кто-то зажал ей рот’. (По предположению говорящего, Гайния не смогла договорить по той причине, что кто-то зажал ей рот.)

*...Өеннән урамга сирәк чыга, бик нык авырый, **ахры**, килешкилбәте тач сырхауныкы, ди* (Н. Гыйматдинова. Эзләмәгез жирдән...). ‘На улицу выходит редко, видимо, очень сильно болеет, говорят, и выглядит как больной человек’.

*Бу ике елда мин буйга бик үсеп киткәнмен, **ахрысы** – әнкәй дә кечерәйгән, апай да кечерәйгән, хәтта өйалды ишегеннән дә бөкрәбрәк керергә туры килә* (Ә. Еники. Вөждан). ‘Видимо, за эти два года я очень вырос, мама и сестра стали ниже меня, даже приходится нагибаться при входе в дом’.

*Тәжрибәм арта, **ахрысы**, кайбер нәрсәләрне күрәзәче кебек алдан ук сизеп торам* (К. Кәримов. Күрше авыл кызы). ‘Видимо, я становлюсь опытнее, некоторые вещи чувствую заранее, как знахарь’.

*Шәһәрдән чыкканчы ук телефоннан киңәшеп өлгергәннәр, **ахрысы**, Шәйхи гомердә булмаганны, көн уртасында эш бүлмәсен саклап утыра* (К. Кәримов. Сакау күке). ‘Видимо, успели посоветоваться по телефону, Шайхи сидит в своем кабинете’.

*Теләнергә кергән хәерче дип уйлады **бугай**, ишектән арырак үрә катып торган сакчы егеткә ым белән генә «чүпне урамга түгәргә» кушты.* (Н. Гыйматдинова. Эзләмәгез жирдән...). ‘Кажется, она приняла ее за нищенку, лишь жестом приказала охраннику «выбросить мусор на улицу»’.

*Автобус базарның капка төбендә кунган **бугай**, тәрәзәләре тыштан тирлэгән* (К. Кәримов. Сакау күке). ‘Кажется, автобус простоял у ворот рынка всю ночь, окна снаружи мокрые’.

Как отмечается некоторыми филологами, «...категории причинности и истинности вовсе не обязательно должны сопутствовать друг другу. ...В речи человек всегда выражает именно

те связи, которые существуют между его мыслимыми концептами, что не обязательно должно совпадать с положением вещей вне человеческого сознания» [Аматов, 2005, с. 215].

Иногда для усиления значения предположительности вместе с модальным словом употребляется и частица *-дыр/-дер*, выражающая неизвестность. Например:

Күрәсең, антракт беткәндер, музыка тынды, халык залга керә башлады (Ә. Еники. Гөләндәм туташ хатирәсе). 'Видимо, антракт закончился, музыка стихла, народ начал входить в зал'.

Как показывают вышерассмотренные примеры, модальные слова находятся в составе причинной части и выражают вероятность, предположение говорящего о причине, исходя из конкретного следствия. Истинность данного суждения можно доказать следующим примером:

(1) *Тик аксакалларны шактый нык куркытканнар, ахры*, (2) *сөйләшү барып чыкмады* (Р. Мирхәйдәров. Жәяүле сәйран). 'Видимо, аксакалов сильно напугали, разговор не удался'.

Сказуемое причинной части (1) в форме прошедшего результативного (неочевидного) времени, служащего для выражения событий, действий, процессов, в которых говорящий сам не принимал участия или о которых не знает точно, а сообщает только по наличию определенных результатов. Предикат следственного компонента (2) передан формой определенного прошедшего категорического (очевидного) времени, с помощью которого, наоборот, говорящий сообщает о конкретных, известных ему самому процессах, действиях, событиях. Таким образом, то, что следствие (*сөйләшү барып чыкмады* – 'разговор не удался') является реальным фактом, не вызывает никаких сомнений. Однако говорящий не может быть уверен в том, что именно эта причина (*аксакалларны шактый нык куркытканнар* – 'аксакалов сильно напугали') породила такое следствие. Эта неуверенность передается при помощи, во-первых, формы прошедшего результативного (неочевидного)

времени глагола, во-вторых, модального слова *ахры* в составе части, выражающей значение причины.

Модальные слова могут, наоборот, усилить значение достоверности следствия. Например: ...*бирегә укырга диен килгәч, билгеле, бөтен вакытны китаплар, дәреслекләр, китапханә ала инде* (М. Вәли-Баржылы. Идел яры). ‘...так как приехал сюда учиться, конечно, все время занимают книги, учебники, библиотека’.

Таким образом, как показал анализ собранных примеров, модальные слова способны вносить разные смысловые оттенки в каузальную конструкцию.

3.4.2. Репрезентация степени достоверности каузальной семантики частицами

Частица является модальной частью речи, которая не имеет отдельного лексического значения, а лишь «придает отдельным словам, членам предложения или предложению в целом различные смысловые, эмоциональные и модально-экспрессивные оттенки» [Татарская грамматика, 1993, с. 352].

В лингвистических трудах отмечается способность частиц уточнять те или иные отношения между компонентами предложения. «Так, А.Б. Шапиро, опираясь на материалы говорков, характеризует содержание предложения, начинающегося частицами *так, то, и* как следственное, результативное или как заключающее логический вывод из сказанного в первой части» [Бурдина, 1971, с. 82].

Сами по себе частицы не могут выражать каузальность, они, подобно модальным словам, усиливают или указывают на предположительный характер причины. Рассмотрим примеры:

Арчаның безгә кырык чакрымда икәнән мин дә беләм лә, күп йөрелде инде бу арада (М. Хужин. Укалы карлар). ‘Я знаю, что Арск в сорока километрах от нас, в последнее время много пришлось ездить’.

В вышеприведенном предложении между компонентами сложного целого устанавливается эксплицитно не выраженное причинно-следственное отношение. По смыслу мы понимаем: говорящий знает, что Арск в сорока километрах, потому что в последнее время ему много пришлось ездить. В составе следственного компонента есть частица *лэ*, которая служит для выражения утверждения того или иного значения. В этом конкретном случае частица усиливает достоверность следственной части, т.е. в последнее время много пришлось ездить, поэтому говорящий знает наверняка, что Арск в сорока километрах.

Далее рассмотрим употребление еще одной частицы:

Мөмкинлеге булмагандыр, Миргаяз абый аларны яңартмаган (М. Хужин. Кубыз). 'Наверное, не было возможности, Миргаяз абый не обновил их'.

В данном предложении нет формального показателя, который указывает на наличие каузальности. Однако по семантике можно определить, что *Миргаяз абый не обновил их, наверное, потому что на это не было возможности*. Причем, частица *-дыр* выражает неопределенность, т.е. отсутствие возможности, вероятно, является причиной необновления.

В большинстве рассмотренных нами примеров с помощью частиц *-дыр/-дер, -тыр/-тер*, находящихся в составе причинного компонента, выражается сомнение, неуверенность говорящего в истинности данной причины:

Инде авыл да якындыр, томан жылынып китте, авыл янында ул гел шулай була (М. Мәһдиев. Юлчы! Спартага хэбәр ит...). 'И деревня, наверное, близко, туман потеплел, возле деревни он всегда бывает таким'.

Частицы *-дыр/-дер, -тыр/-тер* могут находиться и в составе следственной части и выражать предположительность следствия, тогда как причина в таких случаях является реальным фактом. Например: *...һичбер вакыт һичкем аның хәлен белергә, бергә кайгырышырга теләмәгәнгә, ул үзе дә йөрәге-*

нең барлыгын, аның ярасын оныткандыр... (Г. Ибраһимов. Карт ялчы). ‘...оттого что никогда никто не интересовался им и не хотел разделить его горе, он, видимо, и сам забыл о своем сердце, забыл о ранах в нем...’

Китергән сөякләре бәясенә болай күп әйберләр тимәгәндер, чөнки Вәлиулла бабайның кайбер тартмалары бөтенләй бушап калды, Миргаяз абый аңа акча да биргәндер (М. Хужин. Кубыз). ‘Принесшие кости не обменяли бы на столько вещей, наверное, Миргаяз абый дал ему и денег, потому что некоторые ящики Валиуллы бабая совсем опустели’.

Значение неуверенности в достоверности причины, неизвестности, предположительности причины передают и частицы *-мы/-ме, әллә*. Например: *Каушау галәмәте булдымы, ул инде башка чыгышларны ишетмәде* (Ф. Сафин. Саташып аткан таң). ‘То ли от растерянности он уже не слышал другие выступления’.

Способность частицы *-мы/-ме* вносить оттенок неуверенности в понятие причины отмечается еще в грамматике В. Хангильдина (1959): «*Эшине сөеп үскәнгәме, Ай кебек балкый нурың. Жыр*» [Хангилдин, 1959, б. 586].

Әллә үкчә тамыры сузылган инде, иртәнгә тубыгы шактый нык шешеп чыккан (Х. Камалов. Куян күзе нигә кызыл?). ‘То ли пятку подвернул, уже наутро лодыжка значительно опухла’.

В вышерассмотренных примерах частицы употребляются в предложениях, где каузальность выражается имплицитно. Они используются и при эксплицитном выражении причинно-следственных отношений. Например: *Башкалардан өлкәнрәк булгангамы, көчләрәк булгангамы, ул ничектер бик тиз күзгә ташлана, гел үзен бәйсез, иркен тотарга ярата иде* (Н. Фәттах. Сызгыра торган уklar). ‘То ли оттого, что он старше, то ли оттого, что сильнее остальных, он как-то сразу бросается в глаза, любит держаться независимо, свободно’.

Хужасының тавышын ишетүдәнме, Чемпион башын суза төшөп алга ыргылды (Р. Мөхәммәдиев. Бары тик беренче). ‘То

ли оттого, что услышал голос хозяина, Чемпион бросился вперед, вытянув голову’.

В этом предложении каузальность репрезентируется с помощью аффикса исходного падежа *-дэн*, частица *-ме* указывает на неопределенность, так как Чемпион мог броситься вперед и по другой причине. В некоторых предложениях так и говорится, что к такому следствию могла бы привести и иная причина. Например: *Аның кәефе күтәренке, тик, артык күп көлүдәнме, әллә башка сәбәп беләнме, күзләре генә юеш иде* (Р. Вәлиев. Эт кояшы). ‘У нее было хорошее настроение, но то ли оттого, что много смеялась, то ли по другой причине, глаза были на мокром месте’.

Тик базарчы бабай, безнең кесәбез такырлыгын беләнтер инде, аларны акчага сатмый (М. Хужин. Кубыз). ‘Но дед, наверное, зная, что в карманах у нас пусто, не продает их за деньги’. Здесь каузальность репрезентируется при помощи деепричастия (*белән*), а частица *-тер* вносит значение неточности причинного компонента.

Частицы могут присоединяться к относительным (союзным) словам: *Ул яланбаш иде, чәче кыска итеп китәрелгән, борын өстендә калын пыялалы пенсне, шуңадыр, ахры, коңгырт күзләре аеруча зур булып күренә* (Ә. Еники. Гөләндәм туташ хатирәсе). ‘Он был без головного убора, волосы коротко отстрижены, на носу пенсне с толстыми стеклами, наверное, поэтому его карие глаза кажутся особенно большими’.

В рассмотренном выше предложении к относительному слову *шуңа*, устанавливающему каузальные отношения между компонентами, присоединяется частица *-дыр*, и тем самым выражается предположительность. Это значение усиливается модальным словом *ахры*. И причинная часть (*Ул яланбаш иде, чәче кыска итеп китәрелгән, борын өстендә калын пыялалы пенсне* – ‘Он был без головного убора, волосы коротко отстрижены, на носу пенсне с толстыми стеклами’), и следственный компонент (*коңгырт күзләре аеруча зур булып күренә* – ‘его карие глаза кажутся особенно

большими’) представляют собой реальные факты. Говорящий пытается соединить их причинно-следственными отношениями.

Кузгалырга бер сәгатъләп вакыт бар, шуңадырмы шофер ишекларне ачмый, салонда утыргыч япмаларын төзәтә, канистра, чиләк ише калай савытларны шалтыратып урнаштыра (К. Кәримов. Сакау күке). ‘До отъезда еще есть около часа, наверное, поэтому шофер не открывает двери, поправляет чехлы кресел в салоне...’

В гагаузском языке в бессоюзном придаточном предложении причины, стоящем перед главным, может употребляться модальная частица *дейни*, которая указывает на предполагаемую причину действия: *Кости хастаймыш дейни, уроклара гелмеди*. ‘[Так как] Костя был болен, мол, он не пришел на уроки’ [Покровская, 1978, с. 84].

Таким образом, можно сделать вывод, что в татарском языке каузальность устанавливается между компонентами сложно-подчиненных и сложносочиненных предложений, выражается разными средствами (таблицы 3, 4).

Практический материал настоящего исследования был подвергнут количественному анализу с целью выявления частотности употребления средств выражения каузальности между членами предложения и между предложениями в татарском литературном языке (см. приложение). Как показал анализ, наиболее часто употребляемыми средствами выражения каузальности в татарском языке выступают аффикс исходного падежа, относительное (союзное) слово *шуңа күрә*, подчинительный союз *чөнки*.

В проанализированных нами примерах обычно в первой части называется причина, а вторая часть представляет собой изложение факта, являющегося следствием данной причины. Исключение составляют случаи, когда средством выражения каузальности выступают подчинительный союз *чөнки* и интонация ожидания.

Синтетические придаточные причины могут находиться и в интерпозиции. Например: *Мәйсәрә, тракторы шын туктагач,*

аптырап калды (М. Хужин. Мэхэббэт бит ул...). ‘Майсара удивилась, потому что трактор вдруг остановился’.

Далее рассмотрим синонимичность разных средств выражения каузальности в сложном предложении:

Быел бөтен тантаналар да бөек шагыйрь юбилеена багышланганлыктан, элеге тема бэйрэм сценарийларында һәм сувенирларда чагылыш табачак (ТЯ, 2011, 5 май). ‘В этом году все торжества посвящены юбилею великого поэта, поэтому эта тема найдет отражение в праздничных сценариях и сувенирах’.

Быел бөтен тантаналар да бөек шагыйрь юбилеена багышланганга (багышлангач, багышланганга күрә, багышлану сәбәпле), элеге тема бэйрэм сценарийларында һәм сувенирларда чагылыш табачак.

Быел бөтен тантаналар да бөек шагыйрь юбилеена багышланган, шуңа күрә (шуңа, шунлыктан, шулай булгач, шул сәбәпле, димәк) элеге тема бэйрэм сценарийларында һәм сувенирларда чагылыш табачак. => Элеге тема бэйрэм сценарийларында һәм сувенирларда чагылыш табачак: (чөнки) быел бөтен тантаналар да бөек шагыйрь юбилеена багышланган.

Быел бөтен тантаналар да бөек шагыйрь юбилеена багышланган, (һәм) элеге тема бэйрэм сценарийларында һәм сувенирларда чагылыш табачак.

Сложносочиненные предложения с каузальной семантикой близки по смыслу сложноподчиненным, так как в них присутствует не выраженное эксплицитно отношение подчинения. В сложносочиненных предложениях отсутствуют специализированные показатели каузальности между предложениями. Порядок компонентов в таких сложных предложениях строго определен: причина выражается в первой части, а следствие – во второй.

Репрезентация каузальности между предложениями в татарском языке представляется следующим образом:

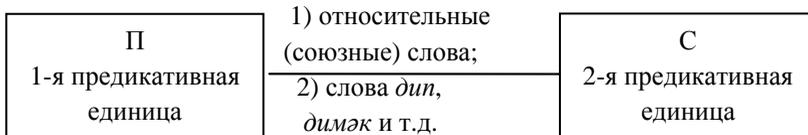
Репрезентация каузальности между предложениями в составе СПП

Репрезентация каузальности между компонентами сложноподчиненных предложений с синтетическими придаточными причины:

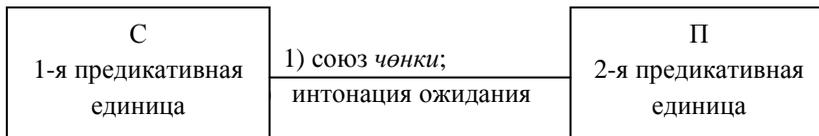

Часть, выражающая следствие, всегда в постпозиции (при прямом порядке слов): *Баскыч сап-сары итеп юылган булганга, ул аяк киеме белән керергә кыймады...* (Ф. Садриев. Таң жиле).

Репрезентация каузальности между компонентами сложноподчиненных предложений с аналитическими придаточными причины:

Ихсан Ханбикәне җибәрүләренә шикләнмәде, шуңа күрә ул Чапкырны-Туйтулакны Казансу тамагына таба куалады (М. Хужин. Кавырсын һәм айбалта). *Шигырьләренә һәм фельетоннарына кертелгән байгуралар һәм кадими затлар шулай ук таралышкандыр, димәк, оясына поскан эттәй теш ыржайтып калучылар булмас* (М. Хужин. Кеше күңеле – үзе бер кояш).

Предикативная единица, выражающая причину, располагается в постпозиции к части, выражающей следствие: *Бигрәк тә Сабираның шатлыгы ташып бара, чөнки аның өчен театрға барудан да зуррак бәйрәмнең булуы мөкин дә түгел иде*

(Ө. Еники. Гөлэндәм туташ хатирәсе). *Менә ул кайтып житте, өенә керде, караватка ятарга барганда борылып көзгегә карады һәм чак кына егылып китмәде: көзгедә аның йөзе урынында ап-ак таш иде!* (Ф. Садриев. Таң жиле).

Таблица 3

Репрезентация каузальности между предложениями

в составе СПП

Репрезентация каузальности между компонентами СПП с синтетическими придаточными причины	Репрезентация каузальности между компонентами СПП с аналитическими придаточными причины
<p>Падежные формы:</p> <p>– аффикс исходного падежа: <i>Ныклап туңдырмаганлыктан, уртадан йөрөп булмый иде</i> (М. Хужин. Чөй). <i>...Ө безнең барасы юл ун гына чакрым булганлыктан, без дүшәмбе иртән генә китә идек</i> (М. Мәһдиев. Бер моң). – аффикс направительного падежа: <i>Урманчыларның кайтыр көне билгеле булганга, Исламовлар улларын хәзинәдә барын хәзерләп көтә иде</i> (Н. Әхмәдиев. Мөнирстан). Аффиксы деепричастий: <i>Салам ягып кына өй эҗылынмагач, кичкырын эҗыйган көлне өйләренә алып кайта иде</i> (Л. Зөлкарнәй. Ком сәгатә). Послелоги и послеложные слова: <i>Бик киң урам булганга күрә, анда элек-электән үк сала халкы печән сата</i> (Ө. Еники. Гөлэндәм туташ хатирәсе). <i>...Бер аягы кыска булу сәбәпле, Галәвине герман сугышына алмадылар</i> (Г. Бәширов. Менә сиңа, мә!).</p>	<p>Относительные (союзные) слова: <i>...Безнең галәм үзәгендә кояш лабаса, шуңа күрә барлык нәрсә аңа тартыла</i> (М. Хужин. Кеше күңеле – үзе бер кояш). <i>Мин картайдым, / Бәбәкләрем шуңа яшьле</i> (Г. Морат. Ялгызлык). Подчинительный союз чөнки: <i>Һәр музыкант үзенчәрәк уйный, чөнки көйне дә ул үзенчәрәк ишетә</i> (Ө. Еники. Гөлэндәм туташ хатирәсе). Слова <i>димәк, дип</i>: <i>Гади дөнъя күптән эҗимерелде – / картлык килгән, димәк, күзләргә...</i> (Р. Харис. Гади дөнъя эҗимерелде). Интонация ожидания: <i>Мирсәет пошаманга төште: эңгәмәдәше үз-үзен белмәс халгә якынлаша, бөтен харчевняны яңгыратып кычкырып сөйләшә</i> (Р. Мөхәмәдиев. Сират күпере).</p>

Репрезентация каузальности между предложениями
в составе ССП

<p>П 1-я предикативная единица</p>	<p>1) сочинительные союзы <i>да/дә, та/тә, һәм</i>; 2) интонация</p>	<p>С 2-я предикативная единица</p>
--	--	--

Часть, выражающая причину, всегда в препозиции:

Суфиян сугышка чаклы ук әле, Саратовта хезмәт иткән чагында, марҗа кызына өйләнгән иде, һәм Акъәбинең ул чакта моңа күңеле бик тә сыкранган иде (Ә. Еники. Әйтелмәгән васыять). *Аннары ел ябык килде, ачлык башиланды* (Ш. Хөсәенов. Мәхәббәт һәм нәфрәт).

Таблица 4

Репрезентация каузальности между предложениями
в составе ССП

№	Средство связи компонентов	Примеры
I.	Сочинительные союзы: <i>да/дә, та/тә, һәм</i>	<i>Кыз янә нәзакәтле итеп елмайды һәм Гали олан өчен гүя күк капусы ачылды</i> (М. Хәбибуллин. Илчегә үлем юк). <i>Зират капкасына җитәрәк, кинәт кенә аягы таеп китте дә, кулланын ипсез җәеп, юеш балчыкка килеп төште</i> (Р. Мирхәйдәров. Жәяүле сәйран).
II.	Интонация	<i>Яңа гына яңгыр явып үткән, перрон пычрак</i> (И. Салахов. Ана тавышы).

Каузальность может устанавливаться между основными предложениями и присоединительными синтагмами, которые подчеркивают причинный компонент каузальной конструкции.

Каузальные отношения также складываются между вставочными и основными предложениями, между самостоятельными предложениями и между абзацами. Вставочным предложением

выражается – причинная, основным – следственная часть. Как правило, при репрезентации каузальности между самостоятельными предложениями вначале называется следствие, в следующем предложении – причина, которая привела к такому следствию.

Определенную роль играют модальные средства, которые, хотя и не способны выражать каузальные отношения, вносят определенные смысловые оттенки в причинно-следственную конструкцию (усиливают, конкретизируют каузальное значение, указывают на предположительную причину/следствие).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как уже было отмечено, данная работа является первым монографическим исследованием, посвященным изучению семантики и репрезентации каузальности в татарском литературном языке.

Проблема каузальности интересовала еще античных философов и явилась объектом исследований и дискуссий в философии. В русском и западноевропейском языкознании каузальность как лингвистическая категория изучена достаточно полно и в разных аспектах, в тюркологии менее изучена и исследована в большинстве случаев в сопоставлении с другими языками.

Изучение смысловых особенностей каузальных конструкций позволило выявить семантические разновидности каузальности в татарском языке. Таким образом, были выделены способствующая, пассивная (неосознанная), следственная, возмездительная, поощрительная, мнимая (предположительная) причины.

В современной лингвистической науке наблюдается повышенный интерес к функциональному описанию разных языковых явлений. Учитывая это обстоятельство, в данном исследовании приводится характеристика понятия 'функционально-семантическое поле каузальности' и описываются зоны его пересечения с функционально-семантическими полями таксиса и условия. Как показал анализ практического материала, даже если причина должна предшествовать следствию, в сложных предложениях этого типа обычно сказуемые в обеих частях имеют одинаковую временную форму, однако в большинстве случаев следствие возникает после причины.

Между предложениями могут устанавливаться не только причинно-следственные, но и условно-следственные отношения, которые тоже тесно связаны с временной последовательностью действий. Условие, как и причина, является предшествующим событием.

Таким образом, в татарском литературном языке каузальность имеет семантические разновидности, проявляется на разных уровнях синтаксической системы языка и обладает своеобразным набором средств оформления.

Основной характерный признак конструкций, репрезентирующих каузальность, на всех синтаксических уровнях – двухкомпонентность каузального строения, т.е. оно (каузальное строение) всегда содержит в себе два события: событие с причинным значением и событие со следственной семантикой. Причем, несмотря на то, что для каждого уровня имеются соответствующие средства выражения, каузальные конструкции легко трансформируются из одного синтаксического яруса в другой.

Каузальность между членами предложения в татарском литературном языке репрезентируется с помощью лексических единиц, послелогов и послеложных слов, падежных, причастных и деепричастных форм, однородных сказуемых. Каждое средство передачи каузальности имеет своеобразную семантику: выражает объект (действие), порождающий процесс и являющийся его причиной; указывает на причину основного действия; подчеркивает следственный компонент каузальной конструкции; выражает объект, являющийся причиной выполнения процесса; выражает обязательное, невозможное исключить следствие; обозначает причину, заключенную в добавочном (дополнительном) действии.

В татарском литературном языке каузальность устанавливается между предложениями в составе сложных предложений и репрезентируется с помощью определенных средств. В данном исследовании было обращено внимание на то, в какой части каузальной конструкции (причинной или следственной) располагается средство выражения каузальности. Было установлено, что при репрезентации причинно-следственных отношений с помощью аффиксов направительного и исходного падежа, а также аффиксов деепричастий, послелогов и послеложных слов, подчинительного

союза чөнки, конструкций с *дип*, *дигәч*, *дигәнгә күрә* средство выражения каузальности находится в причинной части: *Тирмәнебез авылдан читтәрәк булганга, миңа анда барып йөрергә сирәк туры килә иде* (Г. Ибрахимов. Көтүчеләр). ‘Мельница наша стояла в стороне от деревни, и бывать в деревне приходилось редко’; *Анда, лабораториядә, куяннар житмәгәнлектән, эшсез утыралар икән...* (Х. Камалов. Куян күзе нигә кызыл?). ‘В лаборатории, оказывается, сидят без дела, так как не хватает зайцев’; *Радиола кызып, өйгә резин исләре чыккан иде* (Х. Сарьян. Паку!..). ‘Радиола нагрелась, и запахло резиной’; *Әле малайлык тавышы чыгып бетмәү сәбәпле, еш кына хатын-кыз рольләрен дә башкарырга туры килә Мирсәеткә* (Р. Мөхәммәдиев. Сират күпере). ‘Так как у Мирсайта еще не сформировался мужской голос, ему часто приходилось исполнять женские роли’; *Авылга кадәр шулай житәкләшеп кайттылар, чөнки Сәмбел дәм караңгыда бөтенләй бара алмый иде* (Ә. Гаффар. Сиртмәле бишек). ‘До самой деревни шли, держась за руки, потому что Сямбель совсем не могла идти в кромешной тьме’; *Әтиең-әниең шушы йомыкый малайга кояш кебек кызыбызны бирмибез, дигәч, мин сине урлап качтым* (М. Хужин. Исәнме, Раушания!..). ‘Я похитил тебя, так как родители отказались выдать тебя за меня’.

При репрезентации каузальности относительными (союзными) словами *шуңа*, *шунлыктан*, *шунуң аркасында*, *шуңа күрә*, *шул сәбәпле* и словом *димәк* средство выражения располагается в следственной части: *Тик зурлар уенына керергә аңа әле иртәрәк, шуңа үз тиңнәре белән читтән карап тора* (М. Хужин. Ак колын). ‘Но ему еще рано играть с взрослыми, поэтому наблюдает со стороны со своими сверстниками’; *Шунуң өстенә радиода уйнаштыра, димәк, аны күпмедер дәрәжәдә профессиональ курайчы дияргә дә була* (Ә. Еники. Курай). ‘Он частенько выступает по радио, следовательно, в какой-то степени его можно считать профессионалом’.

Когда каузальность репрезентируется при помощи интонации ожидания, после первой (следственной) части делается определен-

ная пауза, и далее следует причинная часть: *Күп вакыт рецептның да кирәге булмый: кичтән ут янып яткан бала иртәнгә инде көлеп уянган була...* (Х. Сарьян. Паку!...). ‘Да и лекарство часто не успевает понадобиться: ребенок, с вечера огнем горевший, просыпается утром веселый, бодрый’.

Каузальные отношения являются логико-синтаксическими, не всегда выражаются формально и могут устанавливаться между предложениями в составе сложносочиненных предложений. Каузальность в данном случае репрезентируется семантикой частей, при этом причинная часть всегда находится в препозиции: *Төнлә ишек кар яуган, җир өсте ап-ак иде* (Х. Сарьян. Паку!...). ‘Ночью шел сильный снег: землю выбелило’.

Каузальность в татарском литературном языке устанавливается между основными предложениями и присоединительными конструкциями, между вставочными и основными предложениями, между самостоятельными предложениями и между абзацами. Основное предложение выражает следственную часть, присоединенная синтагма выражает и подчеркивает причинный компонент. Также в большинстве случаев основным предложением выражается – следственная, а вставочным – причинная семантика. Когда каузальность устанавливается между самостоятельными предложениями, в первом предложении называется следствие, причина раскрывается в следующем отдельном предложении.

Изучение лексикографических источников позволило выявить лексические средства выражения каузальности: отдельные слова, т.е. лексические единицы с причинной/следственной семантикой. Лексические средства выражения каузальности отличаются от синтаксических единиц тем, что они содержат в себе только причинную/следственную семантику. А в синтаксической единице выражается и причина, и следствие. Также были выявлены фразеологические единицы, между компонентами которых устанавливаются каузальные отношения.

Таким образом, каузальность репрезентируется лексическими, синтаксическими, контекстуальными способами. Модальные средства (модальные слова, частицы), хотя и не способны репрезентировать каузальность, вносят разные смысловые оттенки в причинно-следственную конструцию.

Анализ языкового материала показал, что в простом предложении причина находится в пре-, следствие – в постпозиции (при прямом порядке слов). И в сложных предложениях обычно в первой части называется причина, а вторая часть представляет собой изложение факта, являющегося следствием данной причины. Исключения составляют случаи, когда средством выражения каузальности выступают подчинительный союз *чөнки* и интонация ожидания.

Основные выводы по данному исследованию можно сформулировать следующим образом.

Каузальность в татарском литературном языке устанавливается между членами предложения, между предложениями в составе сложных предложений, основными предложениями и присоединительными конструкциями, вставочными и основными предложениями, самостоятельными предложениями и между абзацами.

В определенном контексте модальные средства способны усилить, конкретизировать каузальную семантику или указывать на предположительность причины/следствия.

При репрезентации причинно-следственных отношений с помощью аффиксов направительного и исходного падежа, аффиксов деепричастий, послелогов и послеложных слов, подчинительного союза *чөнки*, конструкций с *дип*, *дигәч*, *дигәнә күрә* средство выражения каузальности находится в причинной части; при репрезентации каузальности относительными (союзными) словами и словом *димәк* средство выражения располагается в следственной части.

Несмотря на то, что по философской трактовке причина порождает следствие, в языковой структуре причина может вытекать из уже имеющегося следствия.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БСП – бессоюзное сложносочиненное предложение.

ГАЯ – Грамматика азербайджанского языка (фонетика, морфология и синтаксис) / под общ. ред. М.Ш. Ширалиева и Э.В. Севортыяна. – Баку: ЭЛМ, 1971 – 413 с.

ГСБЛЯ – Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1981. – 495 с.

Исследования по СГТЯ – Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч.Ш. Синтаксис / под общ.ред. Н.К. Дмитриева, Н.А. Баскакова, Е.И. Убрятовой. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 232 с.

П – причина.

ПП – простое предложение.

ПСО – причинно-следственные отношения.

С – следствие.

СП – сложное предложение.

СПП – сложноподчиненное предложение.

ССП – сложносочиненное предложение.

ТТАС – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / баш ред. Ф.Ә. Ганиев. – Казан: Матбугат йорты, 2005. – 848 б.

ТЯ – «Татарстан яшьләре» (газета).

ФСП – функционально-семантическое поле.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.

Список сокращенных названий тюркских языков

Азерб. – азербайджанский.

Алт. – алтайский (ойротский).

Башк. – башкирский.

Гаг. – гагаузский.

Каз. – казахский.

Карач.-балк. – карачаево-балкарский.

Кирг. – киргизский.

Ног. – ногайский.

Тат. – татарский.

Тур. – турецкий.

Туркм. – туркменский.

Узб. – узбекский.

Уйг. – уйгурский.

ЛИТЕРАТУРА

На татарском языке

Алпаров, Г. Сайланма хезмәтләр (Татар грамматикасы һәм гомуми тел белеме мәсьәләләре). / Г. Алпаров. – Казан: Татгосиздат, 1945. – 230 б.

Алпаров, Г. Шәкли нигездә татар грамматикасы (Телебезне гыйльми тикшерү юлында бер тәҗрибә) / Г. Алпаров. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1926. – 164 б. (на арабск. графике).

Алпаров, Г.Х. Сайланма хезмәтләр / Г. Алпаров. – Казан: Мәгариф, 2008. – 287 б.

Вәлиди, Ж. Татар теленең грамматикасы / Ж. Вәлиди. – Казан, 1919. – 175 б. (на арабск. графике).

Вәлиди, Ж. Татар теленең имла, сарыф вә нәхү кагыйдәләре / Ж. Вәлиди. – Казан, 1915. – 52 б. (на арабск. графике).

Вәлидов, Ж. Сайланма хезмәтләр / Ж. Вәлидов. – Казан: Мәгариф, 2007. – 271 б.

Вәлиуллина, З.М. Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе / З.М. Вәлиуллина, К.З. Зиннәтуллина, М.А. Сәгыйтов. – Казан: КДПИ, 1972. – 206 б.

Зәкиев, М.З. Татар синтаксисы / М.З. Зәкиев. – Казан: Мәгариф, 2005. – 399 б.

Зәкиев, М.З. Хәзерге татар әдәби теле. Синтаксис / М.З. Зәкиев. – Казан: Казан университеты нәшрияты, 1958. – 242 б.

Зәкиев, М.З. Хәзерге татар әдәби теле синтаксисы һәм пунктуациясе / М.З. Зәкиев. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – 256 б.

Ибраһимов, Г. Әсәрләр. 8 томда / Г. Ибраһимов – Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. – Том 8: Төрки һәм татар теле белеме буенча хезмәтләр (1910–1930). – 431 б.

Ибраһимов, Г. Татар нәхүе / Г. Ибраһимов. – 5-басма. – Казан: Сабах, 1919. – 52 б. (на арабск. графике).

Корбангалиев, М. Синтаксис: тулы булмаган урта һәм урта мәктәпләр өчен дәреслек / М. Корбангалиев, Х.Хисмәтуллин. – Казан: Татгосиздат, 1939. – 156 б.

Курбатов, Х.Р. Татар теленең синтаксис һәм стилистика мәсьәләләре / Х.Р. Курбатов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1956. – 176 б.

Насыйри, К. Әнмүзәж / К. Насыйри. – Казан: Тип. Казан. ун-та, 1895. – 86 б. (на арабск. графике).

Насыйри, К. Әнмүзәж / К. Насыйри. – Казан, 1975. – 214 б.

Сафиуллина, Ф.С. Хәзерге татар әдәби теле: лексикология, фразеология, фонетика, графика һәм орфография, орфоэпия, сүз ясалышы, морфология, синтаксис / Ф.С. Сафиуллина, М.З. Зәкиев. – Казан: Мәгариф, 1994. – 320 б.

Татар грамматикасы. 3 томда / ред. М.З. Зәкиев. – М.: ИНСАН; Казань: ФИКЕР, 2002. – Т. II: Морфология. – 448 с.

Татар грамматикасы. 3 томда / ред. М.З. Зәкиев. – М.: ИНСАН; Казань: ФИКЕР, 1999. – Т. III: Синтаксис. – 512 с.

Хангилдин, В.Н. Татар теле грамматикасы (морфология һәм синтаксис) / В.Н. Хангилдин – Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. – 641 б.

На русском языке

Абдурахманов, Г.А. Основы синтаксиса сложного предложения современного узбекского литературного языка / Г.А. Абдурахманов. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1960. – 126 с.

Абумова, О.Д. Структурная типология тюркских причинно-следственных конструкций и ее семантическая реализация в хакасском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / О.Д. Абумова. – Новосибирск, 2002. – 24 с.

Алиев, У.Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. / У.Б. Алиев. – М.: Наука, 1972. – 351 с.

Аматов, А.М. Причинно-следственные связи на разных уровнях языка: дис. ... докт. филол. наук. / А.М. Аматов. – М., 2005. – 347 с.

Андрамонова, Н.А. Сложные предложения, выражающие обстоятельственные отношения в современном русском языке. / Н.А. Андрамонова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. – 175 с.

Андреев, Н.М. Грамматические средства выражения следственных отношений в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Н.М. Андреев. – Саратов, 1956. – 18 с.

Антонова, Т.И. Причинное отношение в научном стиле / Т.И. Антонова // Филологические науки. – 1983. – № 5. – С. 43–49.

Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1975.

Бабалова, Л.Л. О семантических разновидностях причинных предложений / Л.Л. Бабалова // Русский язык в школе. – 1974. – № 1. – С. 84–89.

Бабалова, Л.Л. Семантические разновидности причинных и условных предложений в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Л.Л. Бабалова. – М., 1974. – 24 с.

Багдасарян, В.Х. Причина и цель автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Х. Багдасарян. – Ереван, 1967. – 24 с.

Бакулев, А.В. Функционально-семантическое поле каузальности в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / А.В. Бакулев. – Белгород, 2009. – 24 с.

Балакаев, М.Б. Современный казахский язык (синтаксис словосочетания и простого предложения) / М.Б. Балакаев; отв. ред. Н.А. Баскаков и С.К. Кенесбаев. – Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1959. – 235 с.

Бардина, Л.В. Бессоюзная причинная связь в двухкомпонентных и многокомпонентных предложениях: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Бардина. – М., 1970. – 23 с.

Бардина, Л.В. К вопросу о соотносительности бессоюзных и союзных предложений с причинными отношениями между компонентами. / Л.В.Бардина // Учен. записки Кемеровского пед. ин-та. – 1970. – Вып. 22. – С. 3-13.

Баскаков, Н.А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. Словосочетание и предложение / Н.А. Баскаков. – М.: Наука, 1975. – 287 с.

Баскаков, Н.А. Ногайский язык и его диалекты. Грамматика, тексты и словарь / отв. ред. проф. Н.К. Дмитриев. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 271 с.

Басс, Э.М. О совместимости каузальных и синтагматических отношений в языке / Э.М. Басс // Особенности стиля научного изложения. – М.: Наука, 1976. – С. 172–177.

Басс, Э.М. Языковое выражение причинно-следственных отношений (на материале английской научной прозы) / Э.М. Басс // Язык научной литературы. – М.: Наука, 1975. – С. 180.

Беленькая, О.В. Модели простых предложений с глагольными причинными предикатами: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Беленькая. – М., 1994. – 17 с.

Белошапкина, В.А., Сложные предложения в современном русском языке / В.А. Белошапкина. – М.: Просвещение, 1967. – 139 с.

Белошапкина, В.А. Современный русский язык. Синтаксис / В.А.Белошапкина – М.: Высш. школа, 1977. – 248 с.

Березин, Ф.М. История русского языкознания: учеб. пособие для филол. специальностей / Ф.М. Березин. – М.: Высш. школа, 1979. – 223 с.

Богуславская, О.Ю. Смыслы 'причина' и 'цель' в естественном языке / О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 68–88.

Боев О.Д. Сложное предложение с причинными отношениями в современном немецком языке и их коммуникативное

членение: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / О.Д. Боев. – М., 1963. – 17 с.

Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.

Бондарко, А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.

Бурдина Н.И. Сложные предложения со значением следствия в истории русского языка (по памятникам XI – первой половины XVIII вв.): дис. ... канд. филол. наук / Н.И. Бурдина – Казань, 1971. – 320 с.

Вафеев, Р.А. Выражение причинно-следственных отношений в русском и татарском языках / Р.А. Вафеев. – Тобольск, 2000. – 123 с.

Вафеев, Р.А. Двустороннее татарско-русское двуязычие и бинарное сопоставление языков (причинно-следственные отношения в сопоставляемых языках): автореф. дис. ... докт. филол. наук / Р.А. Вафеев. – Казань, 2000. – 43 с.

Ветчинова, Т.С. Изменения в системе сложного предложения функционально-семантического поля причины в языке русской лирики XIX–XX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Т.С. Ветчинова. – Орел, 2009. – 23 с.

Виноградов, В.В. Русский язык / В.В. Виноградов. – М. – Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.

Виноградова, Е.Н. Трансформационная и актуализационная парадигма сложных предложений, выражающих причинно-следственные отношения: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Н. Виноградова. – М., 2002. – 24 с.

Вопросы синтаксиса современного русского языка / под ред. академика В.В. Виноградова. – М.: Гос-ое учебно-пед-ое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1950. – 414 с.

Востоков, А. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики / А. Востоков. –

С.-Петербург: Типография Императорской Российской Академии, 1831. – 408 с.

Всеволодова, М.В. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений). Статья третья / М.В. Всеволодова // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. – 2005. – № 3. – С. 51–78.

Всеволодова, М.В. Средства связи, участвующие в выражении причинно-следственных отношений, в рамках функционально-коммуникативного описания языка / М.В. Всеволодова, Е.Н. Виноградова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2001. – № 6. – С. 65–78.

Всеволодова, М.В. Причинно-следственные отношения в современном русском языке / М.В. Всеволодова, Т.А. Яценко. – М.: Русский язык, 1988. – 207 с.

Гаврилова, Н.В. Выражение причинно-результативных отношений в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Гаврилова. – М., 1983. – 18 с.

Гаврилова, Н.В. Причинно-результативные отношения в предложении и тексте / Н.В. Гаврилова // Структурные и функциональные особенности предложения и текста. – Свердловск: Изд-во СГПИ, 1989. – С. 9–14.

Гаджиева, Н.З. Синтаксис сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке (в историческом освещении) / Н.З. Гаджиева. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 220 с.

Гайдаржи, Г.А. Гагаузский синтаксис. Придаточные предложения союзного подчинения / Г.А. Гайдаржи. – Кишинев: Штиинца, 1981. – 133 с.

Гармони, С.В. Пресуппозиционная обусловленность сложных предложений с причинно-следственным значением в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Гармони. – Таганрог, 1998. – 19 с.

Гегель, Г.В.Ф. "Энциклопедия философских наук" / Г.В.Ф. Гегель. – М., 1974. – Т. 1: Наука логики. – 452 с.

Гелашвили, Н.В. Сложноподчиненные предложения с придаточными причинными в современном русском и грузинском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Гелашвили – Тбилиси, 1956. – 22 с.

Гиганов, И. Грамматика татарского языка / ИЮ Гиганов. – СПб.: Академия наук, 1801. – 187 с. (+ 75 с.)

Гоббс, Т. Сочинения: в 2 т. / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – 824 с.

Голкова В.Я. Выражение причинно-следственных отношений предложными словосочетаниями в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук" Г' О О' кова. – Ярославль, 1974. – 17 с.

Гольбах, П.А. Избранные произведения: в 2-х т. / П.А. Гольбах. М.: Соцэкгиз, 1963. – Т. 1. – 715 с.

Горбачев, В.Г. Основы философии: курс лекций / В.Г. Горбачев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Брянск: Курсив, 2000. – 334 с.

Грамматика азербайджанского языка (фонетика, морфология и синтаксис) / под общей ред. М.Ш. Ширалиева и Э.В. Севортяна. – Баку: ЭЛМ, 1971. – 413 с.

Грамматика русского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 2: Синтаксис. Часть первая. – 703 с.

Грамматика русского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 2: Синтаксис. Часть вторая. – 444 с.

Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1981. – 495 с.

Григорьева, Ю.Б. Каузальные структуры логического обоснования как компоненты информационной структуры текста: историческое исследование на материале английского языка XVIII–XX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Б. Григорьева – М., 2002. – 25 с.

Губанов, А.Р. Каузальная референция в русском и чувашском языках / А.Р. Губанов, Г.Ф. Губанова // Вопросы истории чувашского литературного языка и его стилей: Материалы научной конференции. – Чебоксары: ЧТУ, 1999. – С. 71–77.

Гуц, Л.М. Синонимика бессоюзных и союзных предложений в современном русском языке (на материале конструкций с условными и причинно-следственными отношениями): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.М. Гуц. – Киев, 1973. – 25 с.

Давидовский, А.М. Придаточные предложения следствия / А.М. Давидовский // Русский язык в школе. – 1955. – № 6. – С. 20–25.

Детерминизм и современная наука: межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1987. – 172 с.

Дидковская, Л.А. Причинно-следственные отношения в сложном предложении и тексте (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.А. Дидковская. – М., 1986. – 24 с.

Донецкая, М.В. Сложноподчиненные предложения с придаточными предложениями причины в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.В. Донецкая. – М., 1955. – 22 с.

Дробышева, Н.Н. Категория обусловленности в русском и чувашском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Н. Дробышева. – Чебоксары, 2008. – 25 с.

Дыренкова, Н.П. Грамматика ойротского языка / Н.П. Дыренкова. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 302 с.

Евстигнеева, Г.А. Способы выражения причинно-следственных отношений в научном стиле речи (на материале учебных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.А. Евстигнеева. – Киев, 1983. – 18 с.

Жданов, Н.А. Изучение придаточных предложений причины и цели / Н.А. Жданов // Русский язык в школе. – 1953. – № 6. – С. 36–40.

Жданова, В.В. Простые предложения с именной причинной группой, выражающие причинно-следственные отношения в мире неживой природы: автореф. дис. ...канд. филол. наук / В.В. Жданова. – М., 1998. – 26 с.

Закиев, М.З. Синтаксический строй татарского языка / М.З. Закиев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963. – 464 с.

Закиев, М.З. Современный татарский литературный язык: синтаксис / М.З. Закиев – М.: Наука, 1974. – 336 с.

Закиев, М.З. Татарская грамматика / М.З. Закиев. – Казань: ИЯЛИ АНТ, 1995. – Том III: Синтаксис. – 576 с.

Закиев, М.З. Татарская грамматика / М.З. Закиев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. – Том III: Синтаксис. – 512 с.

Засорина, Л.Н. Опыт системного анализа предлогов современного русского языка (предлоги со значением причины) / Л.Н. Засорина // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. – 1961. – № 301, вып. 60. – С. 64–84.

Зеленская, Е.П. Каузальные связи в английском сложноподчиненном предложении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Е.П. Зеленская – Львов, 1984. – 20 с.

Зуева, В.И. Дифференциация каузальных отношений в предложении и сверхфразовом единстве (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.И. Зуева. – М., 1982. – 17 с.

Зырянова, Т.А. Изменения в семантике и функционировании сложноподчиненных предложений с причинно-следственными отношениями (на материале русских научных текстов) / Т.А. Зырянова // Язык и стиль научного изложения (лингвометодические исследования). – М.: Наука, 1983. – С. 183–194.

Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков / под общ. ред. Н.К. Дмитриева, Н.А. Баскакова, Е.И. Убрятовой. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – Ч. III: Синтаксис. – 232 с.

История философии: учебник / Ч.С. Кирвель, А.А. Бородич, У.Д. Розенфельд и др.; под ред. Ч.С. Кирвеля. – Мн.: Новое знание, 2001. – 728 с.

Казакова, Э.П. Синонимия в смысловых отношениях обусловленности: на материале русского и чувашского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э.П. Казакова – Чебоксары, 2007. – 20 с.

Казанская, И.В. Синтаксические конструкции с причинными союзами как средство выражения логических силлогизмов (на материале русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Казанская. – М., 1991. – 27 с.

Казем-Бек, А. Общая грамматика турецко-татарского языка / А. Казем-Бек – Казань: Университетская типография, 1846. – 459 с.

Кайзер, Л.Э. Сложные синтаксические конструкции с предикатным компонентом логического обоснования в русском языке XVIII века / Л.Э. Кайзер // Вопросы синтаксиса русского языка. – Рязань: Изд-во пед. ин-та, 1976. – С. 100–111.

Калнберзин, С.С. Способы выражения причинно-следственных отношений в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.С. Калнберзин. – М., 1958. – 29 с.

Калюга, М.А. Причинно-следственные и причинные отношения в сложном синтаксическом целом / М.А. Калюга // Русский язык в национальной школе. – 1989. – № 12. – С. 6–9.

Камынина, Л.И. Функционально-семантическое поле каузальности в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.И. Камынина – М., 1992. – 14 с.

Карышева, А.В. Периферийные синтаксические средства выражения причинных отношений в современном немецком языке и их дискурсивно-прагматический потенциал: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Карышева – Самара, 2004. – 22 с.

Кирсанов, В.И. Средства выражения следственных отношений в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.И. Кирсанов – Ленинград, 1980. – 18 с.

Кнут, В. Полупредикативные конструкции, выражающие причинные отношения, в русском языке и их соответствия в эстонском языке: дис. ... magister artium / В. Кнут. – Тарту, 2010. – 176 с.

Князев, Н.А. Проблема причинности в философии (концепция двух уровней): автореф. дис. ... докт. филос. наук. / Н.А. Князев. – М., 1993. – 40 с.

Кононов, А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка / А.Н. Кононов. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 446 с.

Корнева, В.В. Временная и аспектуальная характеристика сложноподчиненного предложения с придаточным следствия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / В.В. Корнева. – Воронеж, 1984. – 21 с.

Коротаева, Э.И. Союзы, выражающие отношения причины, цели и следствия / Э.И. Коротаева // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. – 1958. – № 235, вып. 38. – С. 50–78.

Корф, Е.Н. Концепт причины в аспектах лингвистической и культурологической значимости: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Е.Н. Корф. – СПб, 1996. – 17 с.

Кривоносов, А.Т. О логической природе следственных союзов / А.Т. Кривоносов // Философские науки. – 1987. – № 1. – С. 54–60.

Кузьменко, С.А. Сложные предложения со значением следствия в научном стиле Ломоносова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.А. Кузьменко – Ленинград, 1968. – 23 с.

Кузьмина, А.А. Категория причинности и практика / А.А. Кузьмина – М.: Высшая школа, 1964. – 96 с.

Лабутина, В.В. Вторичная номинация в сфере обозначения причинно-следственных отношений в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.В. Лабутина. – Уфа, 1998. – 24 с.

Ламухина, О.М. Каузальные отношения в типологии диалогов: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.М. Ламухина. – Белгород, 2006. – 22 с.

Латышева, А.Н. О семантике условных, причинных и уступительных союзов в русском языке / А.Н. Латышева // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. – 1982. – № 5. – С. 51–59.

Лебедева, Е.К. Причинно-следственные конструкции со значением эмоционального состояния человека и их речевые реализации: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.К. Лебедева – М., 1992. – 18 с.

Леденев, Ю.Ю. Структурно-семантические особенности каузативных детерминантных конструкций в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Ю.Ю. Леденев – Ставрополь, 1996. – 194 с.

Ломтев, Т.П. К вопросу о причинно-следственных отношениях в развитии структуры языка / Т.П. Ломтев // Язык и человек. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – С. 167–192.

Лукина, Н.Д. Обстоятельство причины, выраженное предложной конструкцией и предложное дополнение с причинным оттенком значения в современном английском языке (критерии их разграничения): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Д. Лукина. – М., 1964. – 35 с.

Маркина, Л.В. Предложно-падежное сочетание с причинным значением в составе простого предложения и его соответствие с придаточным причины: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Маркина. – М., 1977. – 23 с.

Маслиева, О.В. Становление категории причинности (на материале истории языка) / под ред. М.Г. Макарова. – Л.: Наука, 1980. – 105 с.

Медынская, В.М. Синтаксическая категория причины и ее взаимодействие с другими синтаксическими значениями: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.М. Медынская. – Днепропетровск, 1973. – 17 с.

Мир философии: Книга для чтения: в 2-х ч. / сост. П.С. Гуревич, В.И. Столяров. – М.: Политиздат, 1991. – Ч. 1: Исходные философ. проблемы, понятия и принципы. – 672 с.

Михайлов, М.Н. Механизм понимания текста на основе каузальных структур: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / М.Н. Михайлов – М., 1993. – 16 с.

Михеев, А.Ф. Грамматические средства и формы выражения следственных отношений и отношений основания-вывода в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Ф. Михеев. – Барнаул, 1967. – 32 с.

Михеев, М.Ю. Бессоюзные высказывания с причинной связью и пропущенным модусом / М.Ю. Михеев // Научно-техническая информация. Сер. 2. – 1992. – № 4. – С. 20–26.

Михеев, М.Ю. Речевой акт обоснования и причинное отношение (семантика и прагматика): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Ю. Михеев. – М., 1990. – 23 с.

Можаева, В.О. Выражение обстоятельственных отношений в русском языке (конструкции со значением места, времени, причины и цели действия) / В.О. Можаева. – М.: Русский язык, 1977. – 288 с.

Момджян, Х.Н. Французское Просвещение XVIII века: очерки / Х.Н. Момджян – М.: Мысль, 1983. – 447 с.

Муртада, Саид Али. Выражение причинно-следственных отношений в русском и арабском языках /С.А. Муртада // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – № 6 (85). – С. 109–113.

Назикова, Е.А. Синонимия сложных предложений, выражающих условно-следственные отношения / Е.А. Назикова // Русский язык в школе. – 1974. – № 1. – С. 77–83.

Насыри, К. Образец русско-татарской грамматики по методу арабской грамматики / сост. К. Насыров. – Казань: Типография императорского университета, 1891. – 184 с. (на арабск. графике).

Норинский, В.А. Структурно-семантические особенности причинно-следственного периода (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. / В.А. Норинский – К., 1987. – 22 с.

Одинцова, И.В. Структурно-коммуникативные модели с причинной семантикой в простом предложении / И.В. Одинцова // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. – 2002. – № 1. – С. 49–72.

Онипенко, Н.К. Об условиях осложнения простого предложения (к изучению средств выражения причинно-следственных отношений) / Н.К. Онипенко // Русский язык в национальной школе. – 1983. – № 1. – С. 13–16.

Онипенко, Н.К. Система именных каузативных синтаксем современного русского литературного языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.К. Онипенко. – М., 1986. – 16 с.

Орлова, Н.И. Способы выражения причинно-следственных отношений в трилогии Л.Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.И. Орлова – Волгоград, 1968. – 17 с.

Основы современной философии: учеб. для высших учебных заведений / отв. ред. М.Н. Росенко. – СПб.: Лань, 1997. – 304 с.

Оссовская, М.И. Развитие синонимии придаточных предложений времени и причины и соответствующих причастных оборотов в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.И. Оссовская – Л., 1963. – 19 с.

Охильков, Е.Н. Функционально-стилистическая реализация средств выражения каузальности в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Н. Охильков. – М., 1986. – 18 с.

Павлова, Р. Сопоставительное исследование конструкций с предлогами причинного значения в болгарском и русском современных литературных языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. Павлова – М., 1971. – 33 с.

Пахомова, М.А. Структурно-семантический анализ причинно-следственных отношений в тексте: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / М.А. Пахомова – Самара, 2009. – 22 с.

Пете, И. Выражение причинных отношений в русском языке / И. Пете // Русский язык в школе. – 1969. – № 1. – С. 92–96.

Петренко, С.А. Сопоставительное описание каузальных союзов английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.А. Петренко. – Пятигорск, 2000. – 21 с.

Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении. / А.М. Пешковский. – 7-е изд. – М.: Гос. учебно-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956. – 511 с.

Платон. Собрание сочинений: в. 4 т. / Платон. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – 656 с.

Платонов, А.В. Причинность и обусловленность в познании и практике / А.В. Платонов, С.С. Сангинов.– Ташкент: ФАН, 1990. – 99 с.

Позина, Г.Ф. Употребление временных форм глагола в сложноподчиненном предложении (предложения причинные и условные): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Ф. Позина. – Ростов-на-Дону, 1955. – 16 с.

Покровская, Л.А. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении / отв. редактор Э.В. Севортян. – М.: Наука, 1978. – 203 с.

Полуян, И.В. Каузальная модель простого предложения современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Полуян. – М., 1982. – 16 с.

Полуян, И.В. Об одной модели простого предложения, выражающей причинно-следственные отношения / И.В. Полуян // Лингвостилистические исследования научной речи. – М.: Наука, 1979. – С. 153–159.

Попова, Н.С. Предлоги, выражающие причинные отношения в современном русском литературном языке и их синонимия: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.С. Попова. – Ленинград, 1986. – 21 с.

Прожога, А.В. Реализация причинно-следственных отношений в неофициальном и официальном диалоге: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Прожога – М., 2002. – 18 с.

Прудникова, Н.С. Конструкции причинного значения в современном русском языке / Н.С. Прудникова // Вестник МГУ. Филология. – 1980. – № 4. – С. 58–64.

Пугачева, Е.Ф. Эволюция системы средств выражения каузальных отношений в языке английской научной прозы XVIII–XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Ф. Пугачева. – М., 1996. – 17 с.

Радугин, А.А. Философия: курс лекций. / А.А. Радугин. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Центр, 2004. – 336 с.

Рахилина, Е.В. Отношение причины и цели в русском языке / Е.В. Рахилина // Вопросы языкознания. – 1989. – № 6. – С. 46–54.

Рев. Мимуре Гунананда Тхеро. Способы выражения причинности в русском и сингальском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рев. Мимуре Гунананда Тхеро. – М., 2006. – 17 с.

Рогожникова, Р.П. О конструкциях с составными причинными союзами / Р.П. Рогожникова // Русский язык в национальной школе. – 1969. – № 3. – С. 73–75.

Русская грамматика: в 2-х т. – М.: Наука, 1980. – Т. II: Синтаксис. – 709 с.

Рыбка, Н.Д. Выражение значения следствия в простом предложении в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Д. Рыбка. – М., 1984. – 16 с.

Савченко, Л.Р. Семантическая организация высказываний с предикатами причинно-следственного отношения: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Р. Савченко. – Харьков, 1985. – 18 с.

Сафиуллина, Ф.С. Синтаксис татарской разговорной речи / Ф.С. Сафиуллина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 256 с.

Сачков, Ю.В. Эволюция учения о причинности / Ю.В. Сачков // Вопросы философии. – 2003. – № 4. – С. 101–118.

Семенова, С.К. Система средств выражения функционально-семантической категории результативного состояния в современном немецком языке (опыт моделирования поля результативного состояния): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.К. Семенова. – Минск, 1977. – 17 с.

Серебренников, Б.А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Б.А. Серебренников, Н.З. Гаджиева. – М.: Наука, 1986. – 302 с.

Силина, В.И. Бессоюзные сложные предложения с общим значением обусловленности и причинно-следственными отношениями в русском языке советской эпохи: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.И. Силина. – Киев, 1971. – 24 с.

Соколова Г.В. Бессоюзные сложные предложения с причинным значением в аспекте описания русского языка как иностранного: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.В. Соколова. – М., 1983. – 18 с.

Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков / М.З. Закиев, Ф.С. Сафиуллина, С.М. Ибрагимов и др. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – 230 с.

Спиноза Б. Избранные произведения: в. 2-х т. / Бенедикт Спиноза. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 1. – 631 с.

Сpirкин, А.Г. Философия: учеб. / А.Г. Сpirкин. – М.: Гардарики, 2005. – 736 с.

Сравнительная грамматика русского и туркменского языков / М.Я. Хамзаев, М.Курбанов, М.С. Харланова и др.; под ред. Н.А. Баскакова и Б.Чарырова. – Ашхабад: Ылым, 1977. – Ч. 2: Синтаксис. – 200 с.

Степанов, Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века. – М.: Наука, 1995. – С. 35–73.

Султанова, И.А. Способы выражения причинных и целевых отношений в лезгинском языке: в сопоставлении с английским: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.А. Султанова. – М., 2007. – 20 с.

Султанова, Р.Г. Группа предлогов, выражающих причинные отношения в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.Г. Султанова. – М., 1968. – 25 с.

Суровцев, А.Н. Сложноподчиненное предложение с придаточными причины и следствия в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / А.Н. Суровцев. – Ленинград, 1963. – 19 с.

Суровцев, А.Н. Функции придаточных предложений причины в современном русском языке / А.Н. Суровцев. // Ученые записки ЛГУ. Серия филол. наук. – 1955. – № 180, вып. 21.– С. 188–208.

Сымулов, М.Г. Способы выражения каузативных отношений в разноструктурных языках: на материале английского и чувашского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Г. Сымулов. – Чебоксары, 2005. – 25 с.

Тажибаева С.Ж. Способы выражения каузальных отношений в казахском языке: сопоставительный аспект: дис. ... докт. филол. наук / С.Ж. Тажибаева. – Новосибирск, 2004. – 356 с.

Татарская грамматика. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – Т. II: Морфология. 397 с.

Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. редактор А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1987. – 352 с.

Теримова, Р.М. Опыт функционального описания причинных конструкций / Р.М. Теримова. – Ленинград, 1985. – 70 с.

Теримова, Р.М. Следственные конструкции в современном русском языке / Р.М. Теримова. – Л.: Просвещение, 1987. – 36 с.

Теримова, Р.М. Функции причинных конструкций в современном русском языке / Р.М. Теримова // Филологические науки. – 1989. – № 3. – С. 83–86.

Терешина, Ю.В. Межкатегориальные связи каузативных конструкций: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Ю.В. Терешина. – Ижевск, 2008. – 21 с.

Тимофеева, Ж.Н. Способы и средства выражения следственных отношений в простом и сложном предложениях в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ж.Н. Тимофеева. – Ставрополь, 1996. – 13 с.

Троянский, А. Краткая татарская грамматика / А. Троянский. – Казань: Типография Коковиной, 1860. – 236 с.

Троянский, А. Краткая татарская грамматика / А. Троянский. – С.-Петербург: Императорская типография, 1814. – 199 с.

Устинов, А.М. Сложноподчиненное предложение с придаточным причины в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.М. Устинов. – М., 1969. – 27 с.

Федоров, А.К. Семантико-структурная классификация сложноподчиненных и придаточных предложений / А.К. Федоров // Русский язык в школе. – 2002. – № 5. – С. 72–78.

Федосов, В.А. Синтаксис причинно-следственных конструкций (на материале русских пословиц): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.А. Федосов. – М., 1965. – 16 с.

Фетисов, О.В. Категориальная сущность каузальных отношений в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / О.В. Фетисов. – Армавир, 2005. – 169 с.

Философия: учеб. пособие для студентов вузов / науч. рук. В.Л. Калашников. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с.

Философия: учеб. / под ред. В.П. Горюнова. – М.: Гардарики, 2005. – 442 с.

Философия: учеб. / под ред.. В.Н. Лавриненко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – 520 с.

Философия: учеб. для высших учебных заведений / отв. редактор В.П. Кохановский. – Ростов н/Д.: Феникс, 1996. – 576 с.

Финкель, А.М. Предлоги, выражающие категорию причинности в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук / А.М. Финкель. – Ленинград, 1965. – 27 с.

Финкель, А.М. Производные причинные предлоги в современном русском литературном языке. Их возникновение, развитие, значение, употребление / А.М. Финкель. – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1962. – 238 с.

Фитисова, А.В. Синонимические соответствия между обособленными второстепенными членами и придаточными предложениями обстоятельства в современном русском литературном языке: деепричастные обороты и придаточные предложения времени и причины: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / А.В. Фитисова. – М., 1965. – 19 с.

Хлебцова, О.А. Лексико-семантическое поле каузативных глаголов в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.А. Хлебцова. – Харьков, 1986. – 22 с.

Холонина, Н.А. Сложноподчиненные предложения, выражающие причинно-следственные отношения: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Холонина. – Воронеж, 2001. – 23 с.

Хораськина, Г.В. Синкретичные отношения обусловленности в разноструктурных языках: на материале русского и чувашского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.В. Хораськина. – Чебоксары, 2006. – 17 с.

Чонбашев, К.С. Сложные предложения с придаточными дополнительными, времени и причины в русском и киргизском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.С. Чонбашев. – Фрунзе, 1964. – 37 с.

Чудакова, И.В. Синонимия средств выражения причины в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Чудакова. – Ленинград, 1967. – 34 с.

Шайдуллина, Н.И. Выражение отношения вывода с помощью вводных слов *следственно, следовательно* / Н.И. Шайдуллина // Семантика и функционирование синтаксических единиц. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1983. – С. 120–125.

Шкодич, Л.В. Структурно-семантическая организация причинно-следственных комплексов как единиц текста (английский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Шкодич. – М., 1982. – 21 с.

Штыкало, Н.И. Семантические признаки обстоятельства причины в русском языке / Н.И. Штыкало // Филологические науки. – 1968. – № 4. – С. 35–42.

Штыкало, Н.И. Формы выражения синтаксической категории причины и принципы их выбора в русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.И. Штыкало. – Днепропетровск, 1971. – 22 с.

Шувалова, С.А. Смысловые отношения между частями сложного предложения и способы их выражения: автореф. дис. ... докт. филол. наук / С.А. Шувалова – М., 1990. – 36 с.

Шустер, А.Г. Категория следствия и средства ее реализации на разных ярусах синтаксиса в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Г. Шустер. – Ставрополь, 2005. – 20 с.

Юм, Д. Сочинения: в 2-х т. / Давид Юм. – М.: Мысль, 1965. – Т. 1. – 847 с.

Юрин, А.В. Причинные союзы современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Юрин. – М., 1961. – 18 с.

Ярыгина, Е.С. Сложноподчиненные предложения вывода-обоснования / Е.С. Ярыгина // Русский язык в школе. – 2003. – № 4. – С. 79–82.

Яценко, Т.А. Выражение каузативных отношений в структуре простого предложения / Т.А. Яценко. // Русский язык за рубежом. – 1982. – № 2. – С. 100–103.

Яценко, Т.А. Выражение причинно-следственных отношений в структуре простого предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.А. Яценко. – М., 1982. – 23 с.

Словари

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. / О.С. Ахманова. – М.: Советская Энциклопедия, 1966. – 608 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Яреца. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

Лопатин, В.В. Русский толковый словарь: ок. 35 000 слов. – 3-е изд., испр. и доп. / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – М.: Рус. яз., 1994. – 832 с.

Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1985. – 797 с.

Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.

Русско-татарский словарь: ок. 47 000 слов / Э.М. Ахунзянов, Р.С. Газизов, Ф.А. Ганиев и др.; под ред. Ф.А. Ганиева. – 3-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1991. – 736 с.

Сафиуллина, Ф.С. Татарча-русча фразеологик сүзлек / Ф.С. Сафиуллина. – Казан: Мәгариф, 2001. – 335 б.

Сәлимов, Х.Х. Тел гыйлеме терминнары сүзлеге / Х.Х. Сәлимов – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. – 143 б.

Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985. – 1988 с.

Татар теленең анлатмалы сүзлегә / баш ред. Ф.Ә. Ганиев. – Казан: Матбугат йорты, 2005. – 848 б.

Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1934. – 1567 с.

Философский словарь: основан Г. Шмидтом / под ред. Г. Шишкоффа; общ. ред. В.А. Малинина. – М.: Республика, 2003. – 575 с.

Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – 719 с.

Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др.. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Художественные источники

Әхмәдиев, Н. Мөнирстан: роман / Нур Әхмәдиев // Казан утлары. – 2009. – № 2. – Б. 10–71.

Вәлиев, Р. Иске сәгать дәрәс йөри: повестьлар, роман / Разил Вәлиев. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. – 479 б.

Гайнуллин, М.Х. Татар әдәбияты. XIX йөз: югары уку йортлары өчен / М.Х. Гайнуллин. – Тульландырылган 2 нче басма. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1968. – 690 б.

Гаффар, Ә.Г. Энә күзе: хикәяләр, повестьлар, пьеса / Ә.Г. Гаффар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. – 287 б.

Гаффар, Ә. Яшиселәр алда иде: повестьлар, хикәяләр, роман / Әхәт Гаффар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. – 383 б.

Гыйләжев, А. Кылдан нәзек, кылычтан үткен: роман / Аяз Гыйләжев // Казан утлары. – 2004. – № 1. – Б. 90–129.

Гыйматдинова, Н. Эзләмәгез жирдән... Бәян / Нәбирә Гыйматдинова // Казан утлары. – 2010. – № 6. – Б. 10–36.

Еники, Ә. Әсәрләр: 5 томда / Әмирхан Еники. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. – 1 том. – 447 б.

Еники, Ә. Жиз кыңгырау / Әмирхан Еники – Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. – 224 б.

Зөлфәт. Ходай сулышы: шигырьләр / Зөлфәт. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. – 383 б.

Ибраһимов, Г.Г. Хикәяләр, повесть, роман / Г.Г. Ибраһимов; төз. Р.Акъегет. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. – 463 б.

Камалов, Х. Үксезләр: роман / Хисам Камалов // Казан утлары. – 2004. – № 10. – Б. 10–45.

Кәримов, К. Күрше авыл кызы: бәян / Камил Кәримов // Казан утлары. – 2010. – № 1. – Б. 108–126.

Кәримов, К. Сакау күке: роман / Камил Кәримов // Казан утлары. – 2003. – № 9. – Б. 9–83.

Маликов, Ә. Жуелмас хәтер: шигырьләр, поэмалар / Әдип Маликов. – Казан: Рухият, 2004. – 304 б.

Маликова, М. Мендем биек тауларга: повесть / Мәдинә Маликова // Казан утлары. – 2003. – № 10. – Б. 63–118.

Мәһдиев, М. Бер моң: хикәя / Мөхәммәт Мәһдиев // Казан утлары. – 2009. – № 4. – Б. 104–111.

Мирхәйдәров, Р. Жәяүле сәйран: роман / Рауль Мирхәйдәров // Казан утлары. – 2010. – № 3. – Б. 35–83.

Морат, Г. Төнге әверелеш: шигырьләр, поэмалар / Газинур Морат. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. – 399 б.

Мөхәммәдиев, Р. Кош булып очар идем... Роман / Ринат Мөхәммәдиев // Казан утлары. – 2009. – № 1. – Б. 67–102.

Мөхәммәдиев, Р. Сират күпере: роман / Ринат Мөхәммәдиев. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. – 512 б.

Садриев, Ф. Таң жиле: роман / Фоат Садриев. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. – 264 б.

Сарьян, Х. Бер ананың биш улы: повесть, хикәяләр / Хәсән Сарьян. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. – 303 б.

Сарьян, Х. Егет язмышы: повестьлар, хикәяләр / Хәсән Сарьян. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. – 399 б.

Сибат, Р. Кайту / Рафаэль Сибат. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. – 352 б.

Таныш көйләр: XX гасырның 50–60 нчы еллар татар прозасы. – Казан: Мәгариф, 2007. – 415 б.

Татар хикәясе антологиясе. Егерменче гасыр / төз. М. Хужин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 607 б.

Туфан, Х.Ф. Әсәрләр: 5 томда / Хәсән Туфан; төз. М. Гайнетдинов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2008. – 3 т.: Шигырьләр, поэмалар. – 415 б.

Фәттах, Н. Сызгыра торган уklar: тарихи роман. – Икенче басма / Нурихан Фәттах. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1991. – 748 б.

Харис, Р. Шигырь язган каләм белән / Ренат Харис. – Казан: Мәгариф, 1998. – 95 б.

Харисов, Р.М. Сайланма әсәрләр: 7 томда / Р.М. Харисов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2006.

Хәбибуллин, М.М. Илчегә үлем юк: роман. / М.М. Хәбибуллин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. – 384 б.

Хөснияр, З. Терсәк сугышы: роман, повестьлар, хикәяләр / Зиннур Хөснияр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. – 365 б.

Хужин, М. Айның уты сүнгән: хикәяләр / Мәгъсум Хужин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. – 383 б.

Шамов, А. Яңгырлы кичтә: повестьлар, хикәяләр / Афзал Шамов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1965. – 331 б.

Шәфигуллин, Ф. Тау битендә күлгә: хикәяләр / Ф. Шәфигуллин. – Казан: Мәгариф, 2002. – 127 б.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Частотность употребления средств выражения каузальности
между членами предложения и между предложениями
в татарском литературном языке
(1500)

№	Репрезентация каузальности	%	Кол-во примеров
Между членами предложения			
1.	Аффикс исходного падежа <i>-дан/-дән, -тан/-тән, -нан/-нән</i>	17, 66	265
2.	Аффикс направительного падежа <i>-га/-гә, -ка/-кә</i>	1, 46	22
3.	Причастные формы	1, 26	19
4.	Аффиксы деепричастий: <i>-ып/-еп</i>	2, 26	34
	<i>-гач/-гәч, -кач/-кәч</i>	1, 06	16
	<i>-а/-ә, -ый/-и</i>	0, 46	7
5.	Послелогии и послеложные слова: – <i>күрә</i>	1, 73	26
	– <i>өчен</i>	4, 46	67
	– <i>сәбәпле</i>	1, 60	24
	– <i>белән</i>	1, 06	16
	– <i>нәтижәсендә</i>	0, 26	4
	– <i>аркасында</i>	4, 73	71
6.	Наречия причины	2, 40	36
7.	Однородные сказуемые	1, 06	16

Между предложениями

1	2	3	4
1.	Аффикс исходного падежа <i>-дан/-дэн, -тан/-тэн, -нан/-нэн</i>	4, 26	64
2.	Аффикс направительного падежа <i>-га/-гә, -ка/-кә</i>	4, 06	61
3.	Аффиксы деепричастий: <i>-ып/-еп</i>	0, 73	11
	<i>-гач/-гәч, -кач/-кәч</i>	3, 86	58
4.	Послелогии и послеложные слова: – <i>күрә</i>	2, 20	33
	– <i>өчен</i>	1, 40	21
	– <i>сәбәпле</i>	1, 26	19
5.	Относительные (союзные) слова: – <i>шуңа күрә</i>	8, 13	122
	– <i>шунлыктан</i>	2, 26	34
	– <i>шунның өчен</i>	0, 46	7
	– <i>шуңа</i>	3, 60	54
	– <i>шул сәбәпле</i>	0, 80	12
	– <i>шулай булгач</i>	0, 53	8
	– <i>шунның аркасында</i>	0, 66	10
6.	Подчинительный союз <i>чөнки</i>	9, 93	149
7.	Слово <i>димәк</i>	4, 06	61
8.	Слова – <i>дип</i>	0, 80	12
	– <i>дигәч</i>	0, 26	4
9.	Интонация ожидания	2, 80	42
10.	Сочинительные союзы: – <i>да/дә, та/тә</i>	1, 06	16
	– <i>һәм</i>	1, 46	22
11.	Интонация в бессоюзных сложносочиненных предложениях	3, 80	57

Репрезентация каузальности между членами предложения и между предложениями
в тагарском литературном языке

Репрезентация каузальности	Простое (простое осложненное) предложение	СПП	ССП
Структура каузальной конструкции	Обстоятельство + предикат (словосочетание)	Придаточное предложение + главное предложение	Предложение + предложение
Порядок расположения причины и следствия	Причина – препозиция, следствие – постпозиция	Причина – препозиция, следствие – постпозиция. (Следствие – препозиция, причина – постпозиция, когда средством связи компонентов сложного предложения выступают союз <i>чөнки</i> и интонация ожидания).	Причина – препозиция, следствие – постпозиция (фиксированный порядок).
Средства выражения	<ol style="list-style-type: none"> 1. Падежные формы (аффиксы исходного и направительного падежа). 2. Послелоги и послеложные слова (<i>өчен, белән, күрә, аркасында, сәбәлле</i>). 3. Наречия причины. 4. Причастные и деепричастные формы. 5. Однородные сказуемые. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Падежные формы (аффиксы исходного и направительного падежа). 2. Аффиксы деепричастий. 3. Послелоги и послеложные слова. 4. Одинарные относительные (союзные) слова (<i>шуңа күрә, шуңа, иунлыкман, иудай булгач, иуның өчен</i>). 5. Подчинительный союз <i>чөнки</i>. 6. Слово <i>димәк</i>. 7. Слова <i>дип, дигәч, дигәнә күрә</i>. 8. Интонация ожидания. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сочинительные союзы <i>да/да, та/та, һәм</i>. 2. Интонация.

Картотека примеров

Репрезентация каузальности между членами предложения.

Падежные формы

Торна тавышы аерылудан моңсу... (Х. Камал. Көзгө көннөр).

...Егор аптыраудан телсез калды (Н. Акмал. Шәкүр).

Шул чарасызлыктан изаланып, үзенең көчсезлеген тоеп бәргәләнгә иде йөрәк (Р. Мөхәммәдиев. Сират күпере).

Әлкыйсса, Таһир, гыйшкының катылыгыннан, йөргән-утырған әжирен белмәс иде (Ә. Уразаев-Курмаши. Таһир илә Зөһрә кыйссасы).

Мин, борыңгы чәчүчедәй, / хәбәрне учлап-учлап / сиптем Ташкент урамына, / шатлыктан оча-оча... (Р. Харис. Исемсезләр).

Ялгызлыктан гаҗиз бу фатирның / әҗыйнак кына рәеш бүлмәсен / бизәп тора чак саргая төшкән, / иске рамга куйган зур рәсем... (Р. Харис. Рәшит Ваһапов).

Көчсезлектән эчтә ачу кайный... (Ф. Яруллин. Ярлар, ярлар!..).

Билгеле инде, әтием-әнием минем бу көтелмәгән авыруымнан тамам куркуга төштеләр һәм баштарак аптырап-каушап та калдылар (Ә. Еники. Гөләндәм туташ хатирәсе).

Ачуыннан буылып йөткерә-йөткерә, Баргынтай баба аны урынында килеш озатып калды (Н. Фәттаһ. Сызгыра торган уklar).

Дулкынланудан күңелдә / барлык кыллар тибрәнде... (Р. Харис. Гармунчы).

Карашында – кимсенүдән / тамырланган сизгерлек... (Р. Харис. Исемсезләр).

Мин куркудан айнып киттем... (Р. Харис. Исемсезләр).

Жавап тапмый аптыраудан / кайнарга әжитә каным (Р. Харис. Көтәм намус кушканны).

Айдаш белән Сөмбелә Әбүсөгыйтнең үкерүеннән сискәнеп киттеләр (М. Хужин. Чөй).

Үзенең бик тә кирәкле эш, олы, куркыныч эш эшләвен аңлаудан, үзен кыю һәм башсыз итеп тоюдан аның йөрәге атылып чыгардай булып типте (Н. Фәттаһ. Сызгыра торган уklar).

...Зәңгәр күзләр балкый сафлык**тан** (Ә. Маликов. Фәрдәнә).

Оныгының солдаттан исән-имин кайтуына сөенүдән очынып йөрүче Сәрвиянең кәефен кыруың бик тә ихтимал югыйса (М. Хужин. Чөй).

Саташулы төш**тән** авыл төне буге газапланып чыкты (Р. Гыйззәтуллин. Багу).

Гыйльменур, гомере буге балалар бакчасында тәрбияче булып эшлэгәнлектән, һәммәсен дә белә иде (Ф. Садриев. Таң жиле).

Аларның нәни йөрәкләре шатлык**тан** соңгы чиккәчә киерелгән... (Ф. Садриев. Таң жиле).

...Кыз оялудан кып-кызыл булды һәм бернигә дә үрелмәде (Ф. Садриев. Таң жиле).

Йөзе шатлык**тан** балкый Фагыйләнең... (М. Хужин. Номай кошлары).

Бердәнберен искә төшерү бәхетенән бугазына авыр төер килеп тыгылды... (Р. Мөхәммәдиев. Сират күпере).

Әллә кайчан булган хәлдән / жаным куйды чымырдап... (Р. Харис. Исемсезләр).

...Куркудан, кинәт булган хәлдән тәмам өнсез калган иде (М. Хәбибуллин. Илчегә үлем юк).

Ишегалдына йөгереп чыксам, шатлыгымнан телдән кала яздым (Г. Бәширов. Туган ягым – яшел бишек).

Алар арасында Сәлимәне күрүгә, куанудан мин кая басканымны белми башладым (Г. Бәширов. Туган ягым – яшел бишек).

Бөтен авылда мәлгуньнең дошманлык**тан** гына әйткәннен беләләр (Г. Ибраһимов. Алмачуар).

Вәзирәнең кара керфекләре гажәпләнүдән карлыгач канатларыдай талынып куйдылар (Ә. Гаффар. Яра).

Баязит шатлыгыннан балык өстенә капланды... (М. Хужин. Йолдызлардан ары – йолдызлар).

...Безнең шактый ук искергән, өстәвенә вагон идәннендә аунап изгәләнгән киёмнәребезгә һәм салкыннан, йокысызлык**тан** өшәнгән, бөрешкән кыяфәтебезгә карагач, алар бик гажәпләнгәндәй булдылар (Ә. Еники. Без дә солдатлар идек).

Гаять куркуыннан сискәнен, уянын китте (Ә. Уразаев-Курмаши. Таһир илә Зөһрә кыйссасы).

Гаиләдә бердәнбер кыз булып үскәнлектән, ул инде күптән, сиез-тугыз яшеннән кул арасына керде (Х. Сарьян. Зөһрә).

Дүрт баладан иң зурысы булганлыктан, ул бик яшьли эшләп үскән... (Х. Сарьян. Башкорт кызы).

Кояш карый бу бизәккә, / сокланудан балкый-балкый... (Р. Харис. Сабантуйлы татар халкы).

Зәһәрлектән йөзе зәңгәрләнә башлаган иде (Х. Камалов. Үксезләр).

Күзләре, гажәпләнүдән, зур булып ачылдылар (Р. Вәлиев. Эт кояшы).

Ул вакытта әле Гаяз, бала гына булганга, әтисе эшен үз акылы, үз тәҗрибәсе белән баяли белмәгән икән (Х. Сарьян. Эткәм һөнәре).

Сине, тормыш, ихлас яратканга, / Имин чыктым уттан-судан мин (М. Хөсәен. Тормыш).

Сине, тормыш, ихлас яратканга, / Исән калдым кырык үлемнән (М. Хөсәен. Тормыш).

Послелогии и послеложные слова

Әбү Талиб углы Галинең кыюсызлыгы аркасында өмәвиләр Галигә каршы сугыш башлый (М. Хәбибуллин. Илчегә үлем юк).

Эти аркасында безне / ята микән каһәрләп?.. (Р. Харис. Исемсезләр).

Кулы аркасында да ул / кыенны мул ашаган (Р. Харис. Исемсезләр).

Ул солдатка да шул сәламәтлеге аркасында китми калган иде... (Х. Сарьян. Бала хақы).

Шушы ахмаклығың аркасында алтын дустымнан колак кагармын, ахрысы (Ю. Сафиуллин. Әллә өйләнергә инде?..).

...Кискән тырнагыңа да тормаганнарга табыну аркасында килгән байлыкка, яуланган дәрәҗәгә һичбер вакыт кызыкмады Равилә (Ф. Яруллин. Яши белү).

Шул бөөр аркасында югары белем ала алмый калдым (М. Юныс. Таңда Босфор аша).

Менә идек һәрбер кыя / өчен талаша-талаша (Р. Харис. Югары дөнья).

Ки шунда белде ул сүчен, үкенде килмәгән өчен... (Г. Кандалий. Сәхипжамалга).

Репрезентация каузальности между предложениями.

Аффиксы

Бөтен күңелен татлы хыяллар биләп алганга, ташлы юлдан дыңгырдап барган арба да аңа су өстеннән әсиңел генә шуышып барган көймә сыман тоелды (Н. Фәттах. Сызгыра торган уklar).

Ул елларда күн тужурка кио мода булганга, андый кешеләр шактый еш очрый иде Бибигайшәгә (Ш. Хөсәенов. Мәхәббәт һәм нәфрәт).

Гөлләр әсиргә сөрлегә, / Чәчәкләре көчлегә (Х. Туфан. Зәйтүн жиргә бөгелгән...).

Тамак кайгысын мең уйлап мең онытканга, егетнең сусап ярылган иреннәре бер-берсенә ябышып каткан сыман иде (М. Закир. Канлы болыт).

...Елар чакта әжырлап юанганга, / Урын бирдең миңа түреңнән! (М. Хөсәен. Тормыш).

Якты йолдыз уты әжылытканга / Изрәгәннәр төнге әрәмәләр... (Зөлфәт. Сандугачлар тулы әрәмәләр...).

Кыш көне булганга, агачлар яфраксыз (Р. Мөхәммәдиев. Кош булып очар идем...).

Урыны ишек төбенә якынак булганлыктан, Исәнтәй өйдән алданрак чыкты (Н. Фәттах. Сызгыра торган уklar).

Ел саен егерме сум арта барганлыктан, икенче курста инде без стипендияне йөз алтмыш сум ала идек (Х. Сарьян. Яшьлек дусларым).

Зәйтүн әсиргә бөгелгән, / Чәчәк әсиңел түгелдән (Х. Туфан. Зәйтүн жиргә бөгелгән...).

Алтыдан торып эшкә чабасы булмагач, мин будильникны кичтән борып, йөзтүбән каплап куймаган идем (Ә. Еники. Вөждан).

Үзе генә бер карарга да килә алмагач, ул балалары белән киңәшеп карарга булды (Н. Фәттах. Сызгыра торган уклар).

Эшләр болайга киткәч, тәгин углан атыннан төшми булдыра алмады (Н. Фәттах. Сызгыра торган уклар).

Якшәмбе көн булгач, бирегә дә халык шактый күп килгән икән... (Ә. Еники. Йөрәк сере).

Кесә буш булгач, горуурлык та, үз-үзеңә ышаныч та юк (Р. Вәлиев. Эт кояшы).

Бүген якшәмбе көн булгач, баскыч майданчыклары жыештырылмаган... (З. Хөснияр. Терсәк сугышы).

Мин күзләремне ачкач, барысы да әсиңел сулап куйдылар (З. Хөснияр. Терсәк сугышы).

Послелог

Анна шәһәрдә булганга күрә генә озатып йөргән икән ул мине... (М. Хужин. Иртәнге яңгыр).

Язмышы кыйбласының түбән таба тәгәрәвендә турыдан-туры Банхуа-Исәнтәйнең катнашы барлыгын белгәнгә күрә, чиннәрне яратмау анда соңгы көннәрдә аеруча көчәеп китте (Н. Фәттах. Сызгыра торган уклар).

Авылда үлем-бетем сирәк булганга күрә, бу хәбәр бик тиз таралып өлгерде (Ә. Еники. Картлар).

Моназыйр мунчасында утыруы күз алдыннан китмәгәнгә күрә, солдат егет белән сөйләшүе кырт-кырт һәм мәгънәсез чыкты... (М. Хужин. Чөй).

Әниең булмаганга күрә, иркенләп йөрисең әле син (Ф. Шәфигуллин. Ерактамы, якындамы?).

Мин яратам быел яуган карны, / Былтыргыдан аграк булган өчен (Ф. Жамалетдинова. Мин яратам быел яуган карны...).

Мин яратам быел килгән кышны, / Былтыргыдан ерак булган өчен (Ф. Жамалетдинова. Мин яратам быел яуган карны...).

Туктаусыз яңгырлар явып тору сәбәпле, чапкан печәнне тиз арада урнаштыру мөмкинлеге юк... (ТЯ, 2011, 28 июнь).

Подчинительный союз **чөнки**

Дошманым юк, **чөнки** минем / сүзем, эшем – түгел ялган (Р. Фэйзуллин. Дошманым юк...).

Алар балачактан сакланып калган күз яшьләре иде бугай, **чөнки** шуннан да татлырак берни дә юк иде (Ф. Садриев. Таң жиле).

Аның бәхиллек соравын һәммәсе дә түземсезлек белән көттө, **чөнки** теге еллардагы хәлләрне барысы да яхшы хәтерли... (Ф. Садриев. Таң жиле).

Әлбәттә, абыйсы белән җизнәсенә бу турыда бер сүз дә айтмәде ул, **чөнки** алар инде хәлне берничек тә үзгәртә алмыйлар иде (Ф. Садриев. Таң жиле).

Мондый кыюлыгы гаеп ителмәс тә иде, **чөнки** Илдархан белән Васфия вәгъдәләшмәгәннәр иде (М. Хужин. Киртә буенда).

«Болгар» номерларына Болак буйлап кайтырга, Евангелистлар урамыннан борылып керергә иде исәбе, **чөнки** бу яктан кешеләр азрак йөри иде (М. Хужин. Кеше күңеле – үзе бер кояш).

...Алар очрашалар булып, **чөнки** икесе дә, уку бетергәч, Казанда калганнар иде (М. Хужин. Исәнме, Раушания!..).

Сүз чыгарып тормады, **чөнки** Гаяз Исхакий сөйләгәннәр аның уенда бөреләнеп килгән фикерләр белән тәңгәл килә иде (Р. Мөхәммәдиев. Сират күпере).

Төнге торгаклардан сорашып кына ул берни белә алмады, **чөнки** торгаклар үзләре дә берни белмиләр иде (Н. Фәттах. Сызгыра торган уklar).

Гали оланның чын халәтен кәтиб Хафиз күрә алмады, **чөнки** гашийк булу аның өчен ят нәрсә иде (М. Хәбибуллин. Илчегә үлем юк).

Көнләшү дип айтмәс идем мин моны, **чөнки** хатынлы Басыйрның Хафазаны үзенә карата алуына күңелем һич ышанмый... (Ә. Еники. Вөҗдан).

...Хәтта иң мәгънәсез боерыкка да буйсынырга кирәк, **чөнки** рәхимсез кагыйдәсе шул (Ә. Еники. Без дә солдатлар идек).

Ләкин барыбер писарьлыктан китү уе миндә кире сүрелмәде инде, **чөнки** ике арадагы боз калды... (Ә. Еники. Без дә солдатлар идек).

*Күбрәк төнлә эшләргә туры килә, **чөнки** төнлә хәвефсезрәк*
(Ә. Еники. Без дә солдатлар идек).

*Бомбежкадан һалак булу бик начар нәрсә ул, **чөнки** әсирдәге солдат һавадагы дошманына каршы берни дә эшли алмыйча иң үкенечле рәвештә үлә дә китә* (Ә. Еники. Без дә солдатлар идек).

*Хужҗалык бетте диярлек, **чөнки** хужҗа кеше юк...* (Ә. Еники. Вөҗдан).

*Ләкин кирәк әле безнең гомер, / **чөнки** кирәк безнең серебез...*
(Р. Харис. Жәлилчеләр).

*Ә очасы килә, **чөнки** җанда / сөю хисе һаман канатлы*
(Р. Харис. Еллар аша гизгән өермәдә...).

*Аларда дөнъя башка, / **чөнки** нефть, акча булып, / агып тора тоташтан* (Р. Харис. Исемсезләр).

*Вузларга керергә теләүчеләр әлегә күп түгел, **чөнки** БДИ тапшыру турында таныклык һәм аттестат 25 июньдә узачак чыгарылыш кичәсендә генә тапшырыла* (ТЯ, 2011, 23 июнь).

Относительные (союзные) слова

*Халык белән бер вакытта барып, цех ишеге төбөндә кешеләрдән аерылып калу минем өчен бик авыр булачак иде, **шуңа күрә** тар тимер караватымда, түшәмгә карап, ялкау гына уйланып ята бирдем* (Ә. Еники. Вөҗдан).

*Чапкан печәнне тиз арада урнаштыру мөмкинлеге юк, **шуңа күрә** яшел массаның күпчелек өлешен сенажга салырга тырышалар* (ТЯ, 2011, 28 июнь).

*Лейтенант Нугайбәк Кулибаев милләте белән кыргыз, **шуңа күрә** казакълар аңа бөтенләй үз кеше итеп карыйлар* (Ә. Еники. Без дә солдатлар идек).

*Бай маена чыдый алмый, **шуңа** сикерә ул!* (Ә. Еники. Гөлөндәм туташ хатирәсе).

Слово димәк

*Мотор тавышсыз диярлек эшли, **димәк**, машина төзек...*
(А. Гыйләҗев. Кылдан нәзек, кылычтан үткен).

*Әгәр дә синең якын кешеләрең бар икән, **димәк**, син беркайчан да ирекле була алмыйсың* (Р. Вәлиев. Мирас).

Бессоюзные сложносочиненные предложения

Сыерыңда чахотка башланган, сөтен эчэргэ ярамый (Х. Камалов. Үксезлэр).

Машинаны бу хэлдә асфальтка алып чыгарлык түгел иде, мыштым елгадан кара су ташып, машинаны ныклап юдылар... (А. Гыйләжев. Кылдан нәзек, кылычтан үткен).

Көннәрнең иң кыска чагы, бик тиз караңгы төшпте (Ө. Еники. Йөрәк сере).

Мунча эчендә ут юк, дөм караңгы (З. Хөснияр. Терсәк сугышы).

Каузальность между вставочными и основными предложениями

Сабан түен рәсми ачып җибәрү булганмы, юкмы – белмәдек (чөнки соңгарак калып килгән идек), ләкин көрәш башланмаган иде әле (Ө. Еники).

Мостафинның дәрәжәсе дә, исеме дә бар (шуңа күрә алар аны ычкындырмадылар), тик менә Наҗсияне бәхетле итәрлек җитеш, матур тормыш корып җибәрә алырмы? (Ө. Еники).

Дүрт дәрес бетү белән мин, кайтып та тормыйча (барыбер өйгә кертмиләр), зиратка менеп киттем (Х. Сарьян).

Ул эшләпәсен киде, кулына таягын алды, урыныннан торды һәм, әкрен генә атлап (ничектер, нык итеп атлап булмый иде), чыгып китте (А. Шапов).

Каузальность между самостоятельными предложениями и между абзацами

Барый кичкырын сугылырмын дигән. Кибеткә чыгып керергә кирәк (З. Хөснияр. Терсәк сугышы).

Шулчак ишегалды бакчасына сузылган баудагы керләрдән тып-тып су тамганына игътибар итеп өлгердем. Күңелгә җылы кереп китте: кызлар кер уа, димәк, тагын ишегалдына чыгачаклар әле. Шуңа күрә монда, Ярулла абзый янында, ничек тә булса озаграк тоткарланырга кирәк. Ә матай моның өчен менә дигән сәбәп иде. Барыйның «Минск» матаен атнага җиде тапкыр сүтеп җыябыз без. Шуңа күрә бу техниканы ярыйсы ук чамалыйм мин (З. Хөснияр. Терсәк сугышы).

Семантические оттенки каузальности, выраженные модальными средствами

*Телевизордан концерт тәмамланды, **ахрысы**, түр якта ут сүнде* (Р. Вәлиев. Мирас).

*Ул елаудан туктады, **ахрысы**, тавышы кинәт кырысланып китте* (Р. Вәлиев. Эт кояшы).

*Мин институттан кайтканда, күзләре, елаудан, **ахрысы**, кызарып, шешенеп беткән була* (Р. Вәлиев. Эт кояшы).

*Зыятдин карт, дулкынланудан, **ахрысы**, буыла-буыла ютәлләде* (Р. Вәлиев. Мирас).

*Үзен беркем дә тыңламаганга аның кәефе китә, **ахрысы**, әле берсенә, әле икенчесенә төртә* (Р. Вәлиев. Яшисе килә).

*Яңгыр булыр, **ахры**, – / кибә учым... (Р. Харис. Яңгыр булыр, ахры...).*

*Шулай да былел Агыйдел рәхәтләнеп жәелеп китә алмаган: **күрәсен**, кыш карсыз килгән* (Х. Сарьян. Эткәм һөнәре).

*Кич житә **бугай**, кояш нурлары сүрәнләнгән, палата да тоныкланып, бәләкәйләнеп калган сыман* (Р. Вәлиев. Яшисе килә).

*Көннәр нурлыга **бугай**, / Гөлнең хәле бик уңай* (Х. Туфан. Зәйтүн жиргә бөгелгән...).

*Бу халәтем сүзләремә дә, йөземә дә чыкты **бугай**, чөнки ул моны шундук сизеп алды* (З. Хөснияр. Терсәк сугышы).

*Икенче роза, **һичшиксез**, ул үзе иде, чөнки нәкъ шул салкын һәм битараф сөйләве белән ул Аитның игътибарын жәлеп итәргә теләде дә* (Ә. Гаффар. Сиртмәле бишек).

*Василыч, **мәгаен**, урмандадыр, чөнки табигать аның стихиясе* (Н. Гыйматдинова. Эзләмәгез жирдән...).

Стипендия алган көн, шуңамы кәеф тә бик күтәрәнке иде (Р. Вәлиев. Эт кояшы).

Авыл тыныч, төшке аш вакыты булгангамы, урамда кеше-кара күренми (З. Хөснияр. Кыш чыккан үгез).

Күршеләр булгангамы икән, Барый нәкъ минем кебек ук кире һәм үжәт иде (З. Хөснияр. Терсәк сугышы).

Кайнар чэй юлда килгәндә сеңгән суыкны куып тараткангамы, яланөс килеш тә хәзер урамда салкын түгел кебек иде (З. Хөснияра. Зөләйха кыйссасы).

*Юксынуым **әллә** арткангамы, / Көннәр, айлар салмак үтәләр (С. Маннапов. Әни).*

***Әллә** Маратның үзләрен ташлап китүеннән, **әллә** аңардан көнләшүдән аларның йөзләре чытык иде (Ф. Садриев. Таң жиле).*

***Әллә** ай жыры белми инде, белмидер, шуңа күрә тавышсыздыр ул (М. Хужин. Төннең бикле тәрәзәсе).*

*Монысы берәз бизәкләп кенә **әҗибәрүдер**, чөнки егетләр, кызлар янына йөгереп барсалар да, кайтканда адымнарын санап атлылар (М. Хужин. Зөбәржәт әби бирнәсе).*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КАУЗАЛЬНОСТИ	7
1.1. Каузальность как философская категория	7
1.2. Изучение семантики и репрезентации каузальности в общем и русском языкознании.....	12
1.3. Изучение семантики и репрезентации каузальности в тюркологии	21
1.4. Функционально-семантическое поле каузальности. Зоны его пересечения с другими функционально- семантическими полями	32
2. СЕМАНТИКА И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАУЗАЛЬНОСТИ НА УРОВНЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТАТАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ	46
2.1. Семантика каузальности, выраженная лексическими единицами	46
2.2. Репрезентация каузальности при помощи падежных форм между членами предложения	55
2.3. Репрезентация каузальности между членами предложения при помощи послелогов и послеложных слов	59
2.4. Репрезентация каузальности при помощи причастных и деепричастных форм между членами предложения	66
2.5. Репрезентация каузальности между однородными сказуемыми	70
3. СЕМАНТИКА И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАУЗАЛЬНОСТИ МЕЖДУ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ И В СЛОЖНОМ СИНТАКСИЧЕСКОМ ЦЕЛОМ В ТАТАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ	76
3.1. Семантика и репрезентация каузальности между предложениями в составе сложноподчиненных предложений..	76
3.1.1. Семантика и репрезентация каузальности между компонентами синтетических сложноподчиненных предложений	77

3.1.2. Семантика и репрезентация каузальности между компонентами аналитических сложноподчиненных предложений	84
3.2. Семантика и репрезентация каузальности между предложениями в составе сложносочиненных предложений ...	95
3.2.1. Семантика и репрезентация каузальности между компонентами союзных сложносочиненных предложений.....	96
3.2.2. Семантика и репрезентация каузальности между компонентами бессоюзных сложносочиненных предложений.....	99
3.3. Семантика и репрезентация каузальности между вставочными и основными предложениями, основными предложениями и присоединительными конструкциями, между самостоятельными предложениями и между абзацами	104
3.3.1. Семантика и репрезентация каузальности между вставочными и основными предложениями.....	104
3.3.2. Семантика и репрезентация каузальности между основными предложениями и присоединительными конструкциями.....	106
3.3.3. Семантика и репрезентация каузальности между самостоятельными предложениями и между абзацами.....	108
3.4. Семантические оттенки каузальности, выраженные модальными средствами	112
3.4.1. Репрезентация степени достоверности каузальной семантики модальными словами	112
3.4.2. Репрезентация степени достоверности каузальной семантики частицами	116
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	126
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	131
ЛИТЕРАТУРА	133
Словари.....	154
Художественные источники	155
ПРИЛОЖЕНИЯ	158
Картотека примеров	161

Научное издание

Серия «Библиотека журнала «Фэнни Татарстан»

4 книга

Валиева Лениза Газинуровна

**КАУЗАЛЬНОСТЬ В ТАТАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ
ЯЗЫКЕ**

Редактор *Л.Ш. Давлетшина*
Компьютерная верстка *Л.Ш. Давлетшиной*

Подписано в печать: 12.03.2015 г.
Формат 60x80 1/16. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная,
печать офсетная
Усл.-печ. л. 10,1. Уч.-изд. л. 7,1. Тираж 300. Заказ

Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, Казань, ул. Лобачевского, 2/31

Издательство Академии наук Республики Татарстан
420111, Казань, ул. Баумана, 20